

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

ГЕНЕРАЛ АРМИИ С. К. ШОЙГУ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А. И. АГЕЕВ, С. А. АРИСТОВ, В. П. БАРАНОВ, Н. В. БЕЛОУСОВА, В. Н. БОНДАРЕВ, А. Т. ВАХИДОВ, М. А. ГАРЕЕВ, В. В. ГЕРАСИМОВ (заместитель председателя), Б. Ю. ДЕРЕШКО, В. П. ЗИМОНИН, В. А. ЗОЛОТАРЁВ (заместитель председателя — научный руководитель труда), И. Н. ЗУБОВ, В. В. КОЗЛОВ, А. А. КОКОШИН, О. К. КРИВОНОС, Г. А. КУМАНЁВ, Ю. А. МАРЦЕНЮК, В. И. МАРЧЕНКОВ, Н. М. МОСКАЛЕНКО, Н. А. ПАНКОВ (заместитель председателя), В. В. ПАНОВ, И. А. ПЕРМЯКОВ, Ю. А. ПЕТРОВ, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ, А. А. САРКИСОВ, И. Д. СЕРГУН, С. М. СМИРНОВ, А. М. СОКОЛОВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, В. Г. ТИТОВ, Д. Л. ФАДДЕЕВ, М. И. ФАЛЕЕВ, В. С. ХРИСТОФОРОВ, Е. П. ЧЕЛЫШЕВ, В. В. ЧИРКОВ, А. О. ЧУБАРЬЯН (заместитель председателя), В. Е. ЧУРОВ, И. А. ШЕРЕМЕТ

Президиум экспертной группы
главной редакционной комиссии

В. П. БАРАНОВ (руководитель), А. И. МИРЕНКОВ, Н. М. МОСКАЛЕНКО, О. В. САКСОНОВ,
А. В. ТИМЧЕНКО (ответственный секретарь), Е. П. ЧЕЛЫШЕВ (заместитель руководителя)

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ**

ТОМ ВТОРОЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И НАЧАЛО ВОЙНЫ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2015

УДК355/359
ББК63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия второго тома:

В. А. Золотарёв (председатель),
А. М. Соколов (заместитель председателя), Н. В. Илиевский,
А. А. Кокошин, В. Г. Куликов, Ю. В. Рубцов, А. А. Саркисов, Е. П. Челышев

Авторский коллектив второго тома:

А. М. Соколов (руководитель авторского коллектива), П. И. Вещиков, В. А. Золотарёв, В. П. Зимонин, А. В. Исаев, Г. Ф. Кривошеев, Е. Н. Кульков, В. Р. Мединский, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. А. Падерин, В. О. Печатнов, Ю. А. Поляков, О. А. Ржешевский, Ю. В. Рубцов, С. А. Тюшкевич, Д. Н. Филипповых, Н. Я. Шепова

При участии:

В. А. Афанасьева, В. С. Ашарина, В. П. Баранова, В. В. Белякова, П. Д. Бурикова, В. П. Григоренко, А. М. Демидова, Н. В. Илиевского, М. Н. Кожевникова, Ю. В. Кожухова, И. А. Козлова, Е. А. Козловского, Г. А. Куманева, С. А. Липатова, В. К. Лужеренко, С. В. Магаевой, Б. И. Невзорова, А. С. Омельченко, А. С. Орлова, А. А. Павликова, В. Г. Реданского, В. Б. Симоненко, А. И. Смирнова, Д. В. Суржика, В. И. Фесенко, Б. П. Фролова, Д. Б. Хазанова, А. Г. Шляхтунова, М. В. Яновича

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Д. М. Агаева, Т. В. Анисимова, Н. И. Бритвин, О. В. Власов, М. И. Горелов, И. С. Даниленко, М. А. Елисева, С. В. Запорожцева, Г. Э. Кучков, Д. И. Крылов, Г. А. Малахов, А. Г. Нещасный, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, М. С. Полянский, М. А. Селиванов, С. Б. Страшко, А. В. Тимченко, И. А. Федорченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников

В26 **Великая Отечественная война 1941–1945 годов:** в 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — Изд. доп. и испр. — М.: Кучково поле, 2015. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0236-9

Второй том посвящен предыстории нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. и событиям первых трех месяцев Великой Отечественной войны. обстоятельно анализируются фашистские планы установления мирового господства и уничтожения Советского Союза, непоследовательный характер предвоенной политики демократических стран Западной Европы и США. Том содержит большой фактический материал о подготовке СССР к отпору фашистской экспансии. Раскрывается весь драматизм обстановки, в которой оказалась наша страна, подвергшаяся неспровоцированной агрессии, показываются самоотверженность и героизм воинов Красной армии, сорвавших гитлеровский план «молниеносной войны». Представлена картина преобразования Советского Союза в единый военный лагерь, поворота всего общества от мира к ведению войны в защиту Родины и ее святынь.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей Отечества.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0236-9

© Министерство обороны Российской Федерации, 2015
© ООО «Кучково поле», 2015

Предисловие

Том «Происхождение и начало войны» посвящен одной из наиболее сложных проблем Великой Отечественной войны — предыстории нападения 22 июня 1941 г. нацистской Германии на СССР, поражению советских Вооруженных сил в приграничных сражениях и самоотверженной защите народами Советского Союза своей Родины в первые месяцы войны. Хронологически том охватывает события судьбоносного значения не только для России, но и для всего мира.

Руководствуясь концепцией фундаментального многотомного труда, авторы тома рассматривают войну как сложнейшее многофакторное явление, в связи с чем объектом освещения в томе стало не только вооруженное противоборство на сухопутных и морских театрах военных действий, но и все другие стороны войны — политическая, экономическая, социальная, духовная, идеологическая.

В отличие от всех предшествующих войн, Великая Отечественная война стала особым состоянием общества, которое потребовало кардинальной перестройки всех сфер жизни и вызвало необходимость превратить страну в единый военный лагерь. Основным проявлением такого особого состояния стало подчинение деятельности государственных и общественных организаций, экономики, науки, духовной сферы, всей жизни народа интересам ведения справедливой войны в защиту Отечества. Фронт и тыл стали единым целым, вооруженная борьба на фронте, действия партизан и подпольщиков приобрели определяющее значение, экономика работала преимущественно на нужды Вооруженных сил. Резкие перемены произошли в политической сфере, существенно возросло значение организаторской деятельности государства, правящей коммунистической партии.

Испытания, которым подверглась наша страна, проверили на прочность советское государство и общество. Большинство советских людей воспринимали существующий в СССР социально-политический строй в качестве законного, поэтому они сплотились во имя защиты социальных идеалов и жизненных ценностей, которые подавляющему большинству были понятны и близки. В связи с этим, как показано в томе, тщетными оказались расчеты врага деморализовать советское общество, расколоть и тем самым ослабить его. В то же время очевидно, что некоторая часть советского населения не проявила должного патриотизма и даже пошла на сотрудничество с германским оккупационным режимом. Авторы не уходят от ответа на вопрос о причинах таких явлений, увязывая их с особенностями и противоречиями предвоенного развития страны — правовыми ограничениями отдельных категорий граждан по принципу социального происхождения, массовыми нарушениями законности со стороны государства, тоталитарным характером политического режима, недостаточным уровнем нравственного и культурного развития отдельных социальных групп.

Содержание тома призвано на уровне современных научных знаний дать читателям ответы на ряд других острых и дискуссионных вопросов. Можно ли было предотвратить Вторую мировую войну, а затем и нападение Германии на СССР? Почему сегодня усилились

попытки обвинить нашу страну в развязывании войны и представить советских воинов захватчиками и насильниками? Как объяснить поражения первых месяцев войны и огромные людские потери? Почему часть пленных и населения оккупированной территории вступила в сотрудничество с врагом? Каковы основы материальных и духовных сил народа, совершившего на фронте и в тылу исторический подвиг в борьбе с захватчиками?

Актуальность рассматриваемых проблем обусловлена также их взаимосвязью с более глубоким рассмотрением причин Второй мировой войны, которые, особенно в последние годы, являются объектом неприкрытой фальсификации в ущерб интересам России.

Источниковедческая база рукописи включает многие ранее неизвестные или полузабытые документы из отечественных и зарубежных архивов. Структура труда является развитием содержания соответствующих глав и разделов 1-го тома «Основные события войны» и делится на две части: «Происхождение войны» и «Война», которые включают тематические блоки: «У истоков войны», «Начало Второй мировой войны и политика СССР», «СССР накануне нападения Германии», «Вступление советского народа в борьбу с фашистским нашествием», «Итоги первых месяцев войны».

В томе представлен взгляд на Великую Отечественную войну как на часть мировой истории. Ее генезис и события первых трех месяцев войны рассматриваются с учетом тенденций мирового развития предыдущих десятилетий, разделивших две мировые войны. Под этим углом зрения Великая Отечественная война также рассматривается как важнейшая составная часть Второй мировой войны.

Будучи справедливой и освободительной, Великая Отечественная война придала такой же характер и Второй мировой войне в целом. Авторы труда исходят из убеждения, что политика западных демократий на начальном этапе Второй мировой войны проводилась, прежде всего, в их собственных узкокорыстных интересах. Лишь вступление Советского Союза в противоборство с нацистской Германией заставило правящие круги западных стран отказаться от примитивной эгоистической политики, изменить идеологию и практику ведения войны с гитлеризмом. Осознание страшной опасности, нависшей над всей человеческой цивилизацией, способствовало образованию широкого международного фронта борьбы с агрессором, воплотившегося в создание антигитлеровской коалиции и совместную борьбу Объединенных Наций с нацизмом и милитаризмом.

Именно вступление СССР в непосредственное противоборство с нацистской Германией показало, что в войне с силами фашизма и милитаризма за свободу, демократию и мир народы разных стран способны встать над геополитическими, классовыми, идеологическими и другими противоречиями, объединиться против общего врага.

Читатель обратит внимание на новизну в рассмотрении вопросов политики и дипломатии накануне войны, расчетов и просчетов советского руководства, роли разведки, деятельности органов госбезопасности, мобилизации сил страны на отпор врагу, поведения человека в условиях перехода от мира к войне.

При освещении истории происхождения войны в томе раскрывается взаимосвязь политики милитаризма и фашизма. Показано, что германский фашизм (национал-социализм) явился наиболее воинственной реакцией на геополитические итоги Первой мировой войны. Он развязал Вторую мировую войну и был главной движущей силой блока агрессоров, стремившегося к уничтожению СССР и угрожавшего порабощением человечества.

В книге обстоятельно анализируются фашистские планы завоевания мирового господства и нападения на Советский Союз, непосредственный характер предвоенной политики демократических стран Западной Европы и США. Том содержит большой фактический материал о подготовке СССР к противодействию экспансионистским планам Германии, разработке Генеральным штабом планов отражения агрессии, ведения оборонительной войны. В книге показано, что советское руководство своевременно оценило Германию как главную военную опасность.

Приведено немало новых фактов и альтернативных оценок предвоенного политического кризиса, договоров между СССР и Германией, заключенных в 1939 году, внешней политики

страны накануне войны, подготовки Германии и ее союзников к нападению на СССР. Все это способствует лучшему пониманию условий возникновения Великой Отечественной войны в ходе Второй мировой войны, уяснению того неопровержимого факта, что фашистская Германия осуществила неспровоцированную агрессию против СССР. Советский народ ответил на это Великой Отечественной войной, поддержанной Великобританией, Соединенными Штатами Америки, мировыми демократическими силами.

Уделяется значительное внимание истории разработки плана «Барбаросса» и генерального плана «Ост», в соответствии с которыми нацистами велась истребительная война против народов Советского Союза, осуществлялась преступная политика расового геноцида.

В томе раскрывается роль морального фактора в ведении справедливой отечественной войны, обеспечении единства фронта и тыла. Показаны источники духовной стойкости советских людей, роль и место дружбы народов, интернационализма, патриотизма, связи поколений в борьбе с фашизмом за свободу своей Родины.

Значительная часть тома посвящена событиям первых месяцев войны, драматизму обстановки, которая сложилась на фронте и в тылу нашей страны, подвергшейся внезапной агрессии. Рассказывается об отступлении Красной армии, ее больших потерях, героической самоотверженной борьбе и о том, как в неимоверно тяжелых условиях удалось решить главную для начала войны стратегическую задачу — сохранить основные силы Красной армии и сдержать наступление врага. Раскрывается самоотверженность и героизм воинов, их мужество и воинский подвиг, способствовавший срыву гитлеровского плана молниеносной войны. Представлена картина преобразования Советского Союза в единый военный лагерь, поворота всего общества от мира к ведению войны в защиту Родины и ее святынь. Раскрыто осуществление плана эвакуации предприятий промышленности и сельского хозяйства, учреждений науки и культуры с запада на восток, анализируются причины незавершенности в подготовке страны и армии к войне, поражения советских войск в приграничных сражениях.

Несмотря на всю трагичность начального этапа Великой Отечественной войны, авторы отмечают, что главных целей блицкрига — выйти на линию Волга — Астрахань Гитлеру достичь не удалось. Конечно, к середине июля, когда завершился начальный период войны, продолжавшийся 18 суток, агрессор добился крупных результатов. Латвия, Литва, значительная часть Эстонии, Белоруссии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией.

Враг глубоко вторгся в пределы СССР. В фашистскую неволю попали около 23 млн советских людей. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась прямая угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника пока было незначительным. Германское руководство считало, что первый этап плана «Барбаросса» выполнен успешно: их войска вышли, как планировалось, на линию рек Днепр — Западная Двина. Но и стало очевидным, что в отведенный срок, 2–3 месяца, война с СССР не закончится и не будет иметь ничего общего с молниеносными кампаниями гитлеровцев в западных странах.

Материалы тома достоверны, излагаются, исходя из принципа историзма, позволяют извлекать из прошлого поучительные уроки для настоящего и будущего России. Тем самым реализуется концепция труда, созданная Главной редакционной комиссией.

Труд разработан через 70 лет после начала войны, когда с распадом СССР — главной силы, сокрушившей нацистскую Германию и ее союзников, формируется новая историческая эпоха, произошли перемены в массовом сознании, во многом изменилось отношение различных политических и общественных сил к событиям войны вплоть до объявления нашей страны ее виновником. В постсоветской России выросли новые поколения, которые что-то знают о войне, о победе над фашизмом из воспоминаний родных и близких, кино, литературы, радио и телевидения, но не имеют представления о войне в целом, ее смысле, значении для России и мировой истории.

Правдивая история нашей страны рассматривается авторским коллективом как один из краеугольных камней возрождения гражданского самосознания народа и формирования

национальной идеи, отвечающей требованиям современного этапа развития страны, ее духовной основой.

Авторы тома также решают важную задачу по отстаиванию исторической правды о войне. Они не могли не учитывать то, что на протяжении всего послевоенного времени события Великой Отечественной войны, особенно ее предыстория и начальный период, являются предметом острого идеологического противостояния в отечественной и мировой историографии, подвергаются ухищренным искажениям, тенденциозности, а подчас и открытой злонамеренной лжи. В мировой истории не было ни одной войны, которая не подвергалась бы фальсификации, но попытки извратить историю Великой Отечественной достигли невиданных масштабов. Развернувшиеся в последние годы процессы, связанные с переосмыслением событий прошедших лет, поисками путей обновления исторического знания о минувшей войне, зачастую сопровождаются проявлениями нигилизма и антиисторизма.

Попыткам фальсификаторов возложить на СССР равную с нацистской Германией ответственность за развязывание Второй мировой войны, активно распространяемым мифам, в частности о превентивном характере войны со стороны Германии и ее сателлитов, их стремлении «спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма», авторы противопоставили сумму достоверно установленных фактов, они подкрепляют свои суждения большим числом документов, вновь введенных в научный оборот и не оставляющих под фальсификациями и мифами какой-нибудь основы.

Труд подготовлен научными сотрудниками Академии внешней разведки, Академии военных наук, Академии ФСБ, Военного университета МО РФ, Военной академии Министерства обороны РФ, Института всеобщей истории РАН, Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, Института российской истории РАН, Института славяноведения РАН, Института экономики РАН, Историко-документального департамента МИД РФ, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербургского государственного университета и других научных и образовательных учреждений.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам отечественных архивов, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского отдела научного руководителя труда, Центрального музея ВС РФ за оказанную помощь в подготовке тома и предоставленные материалы.

У ИСТОКОВ ВОЙНЫ

От Версаля до Мюнхена. Нарастание противоречий в Европе

11 ноября 1918 г. на рассвете в Компьенском лесу во Франции близ станции Ретонд состоялось подписание соглашения о перемирии между Германией, с одной стороны, и Антантой — с другой. Условия перемирия были продиктованы главнокомандующим союзными войсками на Западном фронте французским маршалом Ф. Фошем и подписаны министром иностранных дел Германии М. Эрцбергером. Так закончилась Первая мировая война 1914–1918 гг., продолжавшаяся четыре года три месяца и 10 дней. В тот же день в 11 часов по Гринвичу в столицах противников Германии прозвучал артиллерийский салют в 101 залп.

Закончившаяся война носила коалиционный характер — велась ожесточенная борьба между двумя коалициями за передел мира. Одна из них — Четверной союз во главе с Германией, включавший Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию. Ему противостояла Антанта — Великобритания, Франция, Россия, а также Япония, Сербия, к которым позднее примкнули Румыния, США, Китай и еще ряд стран. В ней ведущую роль играли Великобритания, Франция и Россия (до начала революции 1917 г.), а также США (с весны 1917 г.). Компьенское перемирие, таким образом, затронуло судьбы многих стран. Оно действовало до созыва Парижской мирной конференции, которая открылась 18 января 1919 г. и закрылась 21 января 1920 г. В ходе конференции 28 июня 1919 г. в Версале, пригороде Парижа, был подписан мирный договор с Германией, получивший название Версальского мира. В работе Парижской конференции приняли участие представители 27 государств, которые вели войну на стороне Антанты или разорвали с Германией дипломатические отношения. Основную роль в разработке версальских документов играли главы трех наиболее мощных государств — победителей в войне: премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Ж. Клемансо и президент США В. Вильсон.

Представителей держав-победительниц, собравшихся в Париже, объединяла общая цель: низвержение своего самого сильного конкурента — Германии. При подготовке мирного договора с ней в предместье Парижа Версале они не учитывали, что имеют дело уже не с кайзеровской Германией, а с Веймарской республикой, возникшей в результате ноябрьской революции 1918 г. Они не задавались и вопросом о том, что навязанный ими правительству молодой республики унижительный Версальский мирный договор неизбежно подорвет авторитет этого правительства среди немецкого народа, укрепит позиции правых оппозиционных сил, выступавших за ликвидацию в стране демократических преобразований, восстановление авторитарной формы правления и подготовку к военному реваншу.

Подписание Версальского мирного договора. 28 июня 1919 г.

Вместе с тем новое германское правительство во главе с правым руководством Социал-демократической партии Германии (СДПГ) с победителями роднила солидарность в борьбе с левыми силами. До начала и во время Парижской конференции оно вело беспощадную борьбу против массы революционно настроенных рабочих и солдат, выступавших за установление в Германии такой же, как в России, советской власти. За это германское правительство рассчитывало получить согласие Антанты на достойный мирный договор. Но эта иллюзия рассеялась, когда 7 мая 1919 г. стали известны предъявленные Германии условия мира. Они были расценены и правительством, и всеми немцами как неприемлемые. Но голод, царивший в Веймарской республике в результате ее блокады, и угроза возобновления войны в конце концов вынудили Национальное собрание Веймарской республики большинством голосов дать согласие на подписание мирного договора. 28 июня 1919 г. министр иностранных дел Г. Мюллер (СДПГ) и министр почты И. Белл (партия Центра) поставили в Версальском дворце свои подписи под предъявленным мирным договором. Это дало повод правым консервативным силам Германии объявить политические партии, которые выступали за сохранение и укрепление демократических преобразований в стране, предателями национальных интересов.

Собравшиеся на Парижской конференции представители держав-победительниц, для того чтобы оправдать крайне жесткие условия мира Германии, возложили на эту страну

всю ответственность за гибель миллионов людей и огромные материальные потери в войне 1914—1918 гг. Германия была обязана выплачивать огромные репарации. Ей было отказано в праве участвовать в работе Парижской мирной конференции и в праве на вступление в Лигу Наций. Продиктованные ей условия мирного договора выглядели как суровый, не подлежащий пересмотру приговор.

По Версальскому договору Германия лишалась всех своих колониальных владений, 10 % населения и 13 % ее довоенной территории. Эльзас и Лотарингия отошли к Франции, Северный Шлезвиг — к Дании. Бельгия получила округа Эйпен и Мальмеди, а также область Морене. Польскому государству были переданы большая часть территории провинций Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. В пространстве, отделявшем Восточную Пруссию от остальной Германии, был создан так называемый польский коридор. Данциг, населенный немцами, был объявлен «вольным городом» под управлением Лиги Наций, а богатая каменным углем Саарская область на 15 лет передана под контроль Лиги Наций. На западной германской границе левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на его правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной до 50 км. В то же время система укреплений на восточной и северной границе Германии осталась практически без изменений.

Вопреки намерению нового германского руководства сохранить после демобилизации довольно крупные вооруженные силы, в которых в середине 1919 г. насчитывалось 422 тыс. человек, Версальским мирным договором было предписано, чтобы численность германских сухопутных войск не превышала 100 тыс. человек, а военно-морских сил (ВМС) — не более 15 тыс. В сухопутных войсках не должно было быть более 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, а ВМС не могли включать в себя более 6 линкоров (водоизмещением 10 000 т), 6 легких крейсеров (6000 т), а также 12 эсминцев (800 т) и торпедных катеров (200 т). Германский генеральный штаб был ликвидирован, всеобщая воинская обязанность была отменена. Теперь германские вооруженные силы — рейхсвер должны были состоять только из служащих на контрактной основе офицеров, младших командиров и солдат. Кроме того, Германии запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, военно-воздушные силы, подводные лодки и химическое оружие. Такие крошечные армия и флот Германии были не в состоянии обеспечить оборону страны¹.

Аналогичным образом Антанта поступила и с бывшими союзниками Германии — Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией. По Сен-Жерменскому договору от 19 сентября 1919 г. Австрии было запрещено объединение с Германией, часть ее Южного Тироля была отдана Италии, Буковина — Румынии, а Чехия и Моравия — новому чехословацкому государству. Армия Австрии была сокращена до 30 тыс. человек, а флот отобран союзниками².

По Нейискому договору от 27 ноября 1919 г. Болгария передала часть своей территории Королевству сербов, хорватов и словенцев (Цариброд, Босилеград, Струмица). Под властью Румынии оставалась Южная Добруджа, переданная ей по Бухарестскому миру 1913 г. Отторгнутая от Болгарии Западная Фракия была оккупирована союзными державами и в 1920 г. отдана Греции. Численность болгарской армии сокращалась до 20 тыс. человек³.

По Трианонскому договору от 4 июня 1920 г. Венгрии было предписано передать Королевству сербов, хорватов и словенцев Хорватию, Бачку и западную часть Баната, Румынии — Трансильванию и восточную часть Баната. Численность венгерской армии не должна была превышать 35 тыс. человек⁴.

По Севрскому договору от 10 августа 1920 г. был проведен раздел между победителями провинций Османской империи. Большая их часть досталась Великобритании. Под ее управление перешли Палестина, Трансиордания и Ирак. Франции достались Сирия и Ливан. Турция была лишена также своих владений в Африке и на Аравийском полуострове. К Греции отошли Восточная Фракия, европейский берег Дарданелл, Галлиопольский полуостров и Измир (Смирна). Мраморное море и Босфор объявлялись открытыми для всех судов как в мирное, так и в военное время. Численность турецкой армии не должна была превышать 50 тыс. человек. Союзники оставили за собой право на вмешательство во внутренние дела Турции.

По Севрскому мирному договору Турция фактически лишалась своей независимости и должна была стать полуколонией западноевропейских держав. Условия этого договора были продиктованы правительству последнего султана Мехмеда VI Вахидедина в занятом английскими войсками Стамбуле. Но к тому времени в Турции уже появились и заявили о себе патриотические, национально-освободительные силы. Опираясь на их поддержку, созданное в апреле 1920 г. в Анкаре правительство во главе с генералом М. Кемалем категорически отвергло Севрский договор. В обмен на незначительные уступки оно добилось его пересмотра и восстановило суверенитет Турции в ее современных границах, который был зафиксирован Лозаннским мирным договором от 4 июля 1923 г.⁵

В результате территориального передела в Европе в 1919–1920 гг. до 17 млн человек были вынуждены поменять свое гражданство. Вопреки своей воле они оказались национальными меньшинствами в государствах, которые в годы войны воспринимались ими как противники. В таких новых государствах, как Польша, Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев, среди населявших их славянских народов не было единства. Они отличались друг от друга уровнем политического и экономического развития, культурой и вероисповеданием. Среди немцев Германии, Австрии, а также тех областей, которые были включены в состав Чехословакии, в Балканских странах и Италии, напротив, была широко распространена пангерманская идея об объединении всех немцев в рамках единого германского государства. Все это создавало благоприятную почву для возникновения этнических конфликтов, сепаратистских и ирредентистских движений, а также межгосударственных территориальных споров.

Созданная 28 апреля 1919 г. на Парижской мирной конференции Лига Наций формально была создана для предупреждения международных конфликтов. В статьях 9–17 ее устава рассматривались вопросы международной безопасности. Так, в статье 10 говорилось: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги». В статье 16 предусматривалось применение участниками Лиги коллективных экономических, финансовых и военных санкций против тех государств, действия которых будут признаны как агрессия⁶. Фактически же эти статьи предназначались для того, чтобы не допустить неподконтрольного державам-победительницам изменения установленного ими послевоенного порядка в Европе и мире. Поэтому Устав Лиги Наций был включен в качестве составной части текста Версальского мирного договора. Разъяснения понятия «агрессия» в уставе не было, что позволяло его произвольно трактовать в интересах держав-победительниц и создавало угрозу прежде всего тем государствам, которые не были приняты в Лигу Наций и не могли повлиять на ее решения.

Следует отметить, что среди победителей не было полного единства в оценке результатов работы Парижской мирной конференции. Версальским мирным договором не удовлетворена была Италия, хотя она и относилась к числу победителей. Ее руководство чувствовало себя ущемленным тем, что «недополучило» многое из обещанного ему Великобританией и Францией по Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г. за вступление в войну на стороне Антанты. Оно считало себя обманутым и обделенным, так как остались не удовлетворенными его претензии на участие в дележе германских колониальных владений в Африке и не оправдались расчеты на новые территориальные приобретения за счет Албании, а также части южнославянских земель, входивших ранее в состав Австро-Венгрии. Уже в апреле 1919 г. отряд итальянских националистов захватил хорватский город-порт Риеку (Фиуме) и удерживал его до ноября 1920 г., пока под давлением Лондона и Парижа не было подписано итало-югославское соглашение о превращении Риеки в «свободный город».

Соединенные Штаты Америки, не реализовав в Париже своих претензий на роль мирового лидера, отказались от членства в Лиге Наций и ратификации Версальского мирного договора. 21 августа 1921 г. они подписали двусторонний мирный договор с Германией, который положил конец состоянию войны между двумя государствами и предусматривал урегулирование их правовых и имущественных отношений на основе принципа наибольшего благоприятствования⁷.

Послевоенный передел мира, начатый на Парижской мирной конференции, был завершён на Вашингтонской международной конференции (12 ноября 1920 г. — 6 февраля 1922 г.). Она была создана по инициативе США, которые после Парижской мирной конференции решительно взяли курс на укрепление и расширение своих позиций в конкурентной борьбе с бывшими союзниками за расширение сфер влияния на Тихом океане и в Китае. На созванной ими международной конференции они добились заключения договора четырех держав (США, Великобритании, Франции и Японии) о взаимной гарантии неприкосновенности их островных владений в Тихом океане. Затем под давлением США был подписан договор «Об ограничении морских вооружений» пяти держав (США, Великобритании, Японии, Франции и Италии). Он устанавливал соотношение тоннажа линейных кораблей и авианосцев для каждой из этих держав в пропорции 5:5:3:1,75:1,75. Этим договором, который должен был действовать до 31 декабря 1936 г., США преследовали цель положить конец господству на море Великобритании и обеспечить себе превосходство в военно-морских силах над Японией в бассейне Тихого океана. Далее под давлением США Япония была вынуждена заключить с пекинским правительством Китая соглашение о выводе своих войск из провинции Шаньдун и подписать договор девяти держав (США, Великобритании, Франции, Японии, Бельгии, Италии, Голландии, Португалии и Китая). Согласно данному договору торговля в Китае впредь должна была вестись на основе принципа «открытых дверей» и «равенства возможностей». Это был сильный удар по японским притязаниям на сохранение и дальнейшее расширение сферы господства в Китае, в то время как более сильные в экономическом отношении США обеспечили себе совершенно беспрепятственное проникновение на весь китайский рынок⁸. Было ясно, что Япония вряд ли смиритесь с таким положением.

Советской России устроители Вашингтонской конференции отказали в праве участвовать в ее работе. Принятые ими решения не отвечали интересам России. Вместо этого она с апреля 1918 г. до октября 1922 г. была вынуждена вести тяжелую оборонительную борьбу с высадившимися во Владивостоке японскими, английскими и американскими оккупантами и получавшими от них помощь белогвардейскими частями.

Разработанные и одобренные договоры с Германией и ее бывшими союзниками, а также договоры, заключенные в Вашингтоне между бывшими союзниками по Антанте, легли в основу так называемой версальско-вашингтонской системы международных отношений, которая отражала сложившуюся к тому времени расстановку сил в мире.

Последующие годы характеризовались трудным переходом к относительной стабилизации международной обстановки, стремлением Англии, Франции и США реализовать и сохранить за собой геостратегические и экономические преимущества, полученные в результате договоренностей, навязанных другим странам, утверждением в качестве нового субъекта мировой политики Советского Союза, мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг., возобновлением японской агрессии в Азии в 1931 г., установлением в 1933 г. власти национал-социалистов в Германии, обострением международной обстановки в результате вступления Германии, Италии и Японии на путь насильственного передела мира, неудачными попытками СССР и миролюбивых сил других стран создать систему коллективной безопасности в Европе и Азии, началом развала версальско-вашингтонской системы, возникновением и нарастанием угрозы нового мирового конфликта.

Влияние версальско-вашингтонской системы договоров на послевоенное развитие международных отношений было неоднозначным. С одной стороны, она сыграла положительную роль, зафиксировав конец массового истребления миллионов людей и образования ряда новых государств в Европе, входивших ранее в состав Австро-Венгрии и Российской империи, а также положила начало существованию Лиги Наций, представлявшей собой результат первой попытки создать постоянно действующую межправительственную организацию, официально призванную способствовать сохранению мира. Значительное место участниками Парижской мирной конференции было отведено вопросам, связанным с запрещением работорговли, установлением контроля за производством наркотических средств,

оружия и военного снаряжения и торговлей ими, а также вопросам сотрудничества всех стран в целях предупреждения эпидемий и борьбы с эпидемиями. В Версальском договоре содержалось несколько статей, посвященных охране труда, а при Лиге Наций была создана специальная комиссия, которая учредила Международную организацию труда, сохранившую свое значение до настоящего времени⁹. С другой стороны, версальско-вашигтонская система не устранила и не могла устранить глубоких межгосударственных противоречий. Она была создана и использовалась в интересах наиболее сильных держав-победительниц — Великобритании, Франции и США. Их лидеры были озабочены не установлением более гармоничных международных отношений, а сохранением и укреплением геостратегических позиций только своих стран. Учрежденный ими новый мировой порядок основывался на силе, а потому был крайне неустойчив, носил переходный характер и таил в себе угрозу нового глобального конфликта. Французский главнокомандующий маршал Ф. Фош признавал, что Версальский мир — «это не мир, а перемирие на 20 лет»¹⁰.

Устроители Парижской мирной конференции и международной конференции в Вашингтоне решились подвести итоги войны не только без участия Германии, оставшейся все же одним из сильнейших государств мира, но и России, которая, несмотря на революционные потрясения, была одной из главных сил, предпривших победу Антанты. Более того, они заняли по отношению к ней крайне враждебную позицию и тем самым поставили под вопрос правомерность всех принятых ими решений.

Между тем революция 1917 г. в России была неизолированным явлением. Народные массы других стран, на которые обрушились страшные тяготы и лишения войны, также выступали за радикальные политические и экономические преобразования. В ноябре 1918 г. началась революция в Германии, в результате которой была свергнута многовековая гогенцоллерновская монархия и установлена республиканская парламентско-демократическая форма правления. Осенью 1918 г. под ударами национально-освободительных и революционных сил рухнуло также господство и габсбургской монархии в Австро-Венгрии. На обломках этой «лоскутной империи» образовались новые государства. 29 октября 1918 г. созданное в Загребе Народное вече объявило о создании самостоятельного Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия). 12 ноября была создана Австрийская республика, 14 ноября 1918 г. — Чехословацкая республика, 16 ноября — Венгерская республика. В ряде случаев предпринимались попытки последовать примеру российских большевиков. Так, в 1919 г. были провозглашены, но затем подавлены внутренними и внешними силами советские республики в Венгрии, Словакии, а также в Баварии. В сентябре 1920 г. в нескольких городах Италии рабочие пытались захватить в свои руки фабрики и заводы. Революционный подъем по окончании Первой мировой войны наблюдался практически во всех капиталистических странах. Пробуждалось и национально-освободительное движение в колониях и полуколониях Азии и Африки.

Под влиянием успехов в борьбе за власть российских большевиков в капиталистических странах быстро стали возникать коммунистические партии, готовые действовать по их примеру. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) — РСДРП(б) практически заняла ведущее положение в международном коммунистическом движении. Для координации его деятельности в борьбе за мировую революцию в Москве в марте 1919 г. был учрежден Коммунистический интернационал. Так возник и был официально закреплён раскол в руководстве международного рабочего движения. Одну из группировок возглавили вожди Коминтерна, находившегося под контролем руководства РСДРП(б); другую — вожди старых социал-демократических и социалистических партий в рамках восстановленного после Первой мировой войны II Социалистического интернационала.

Руководство РСДРП(б) стремилось как можно быстрее вывести Россию из Первой мировой войны, причем с наименьшими людскими и территориальными потерями. 26 октября 1917 г. только что сформированное советское правительство выступило с Декретом о мире¹¹. В нем оно обращалось ко всем народам и государствам с призывом «немедленно заключить мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения других

народностей. — *Прим. ред.*) и без контрибуций». Однако эта мирная советская инициатива не нашла отклика ни у одной из воюющих держав.

Кайзеровская Германия, воспользовавшись ослаблением России, которое произошло в результате революционного кризиса, развернула против нее наступление. 3 марта 1918 г. она навязала советскому правительству Брестский мирный договор, закрепивший за ней аннексию Прибалтики, части Украины и Белоруссии¹². Затем под прикрытием лозунга об оказании помощи русским в освобождении от «германской угрозы» войска Антанты в мае 1918 г. высадились в Мурманске, а в августе — в Архангельске. В августе английские части вошли также в Баку. Немецкие войска тем временем в нарушение Брестского мира оккупировали Крым и часть Закавказья. Войска союзной Германии Турции в сентябре 1918 г. заняли Баку. Интервенция Антанты продолжалась и после выхода Германии из войны. В середине ноября 1918 г. в Черное море вошла англо-французская эскадра. После этого под контролем высадившихся войск Антанты оказались также Новороссийск, Крым, часть Бессарабии, Закавказье и часть Украины.

Командование войск Антанты и Германии осуществляло жесткие меры подавления революционных сил на занятой ими территории, поощряло возникновение в бывшей Российской империи новых национальных государств, враждебных Советской России. Эта политика способствовала расширению и ужесточению разразившейся Гражданской войны 1918—1922 гг. Но в то же время агрессия Антанты вызвала подъем населения страны на защиту власти Советов, возглавляемой большевиками. На ее защиту от иностранных интервентов и белогвардейцев встало большинство народа. Солдатские массы войск Антанты также не хотели воевать против защитников революции. Они требовали возвращения на родину. Во многих европейских странах возникло массовое движение под девизом «Руки прочь от России!». Такой поворот событий вынудил заседавшее в Париже руководство Антанты принять весной 1919 г. решение о выводе своих войск из Одессы. С осени того же года началась эвакуация войск интервентов из Крыма, Украины и северных районов России.

Отделившимся от России новым государствам — Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии — наряду с Венгрией, Чехословакией и Румынией державы-победительницы отвели роль так называемого санитарного кордона, т. е. барьера на пути к распространению большевизма в Западной Европе. Вместе с тем Антанта вынашивала идею организации под своим покровительством «широкого наступления» этих государств на Советскую Россию.

С самого начала деятельности Лиги Наций нарушителями мира выступили ее учредители. Польша, только что воссозданная как независимое государство, правящие круги которой замыслили тогда расширить подвластную им территорию на востоке «от моря до моря», т. е. от Балтики до Черноморского побережья, в феврале 1920 г. захватила у соседней Литвы г. Вильнюс и Вильнюсскую область, затем Белоруссию, развязала войну против Советской России. В конце апреля польские войска вторглись на Украину и 7 мая 1920 г. захватили ее столицу Киев. В обращении советского правительства к народам России и Украины от 20 июля 1920 г. отмечалось: «Если бы Лига Наций имела своей задачей содействовать делу мира, она должна бы помешать Польше начинать войну и потребовать от Японии очищения Восточной Сибири. Но этого не было и нет»¹³.

С лета 1920 г. Красная армия перешла в контрнаступление. В этой ситуации Верховный совет Антанты выступил за установление восточной границы Польши на основе этнографического принципа. Когда же наступательные возможности Красной армии были исчерпаны, тот же совет ничего не предпринял, чтобы ограничить захватнические аппетиты польского агрессора. В результате Польше удалось захватить часть исконно украинских и белорусских земель и закрепить их аннексию в навязанном в 1921 г. Советской России Рижском мирном договоре.

Победители в Первой мировой войне оказались неспособны установить прочный и справедливый послевоенный мировой порядок. Поэтому ряд государств, не полагаясь полностью на Лигу Наций как гаранта их существования в рамках спорных послевоенных границ, заключил между собой союзные договоры. 14 августа 1920 г. договор о взаимопо-

мощи в случае нападения Венгрии подписали Чехословакия и Югославия. 3 марта 1921 г. был заключен союзный договор между Польшей и Румынией, который предусматривал совместную защиту восточных границ, поскольку Польша захватила Западную Украину и Западную Белоруссию, а Румыния с одобрения Англии, Франции и Италии незаконно удерживала российскую Бессарабию, захваченную ею в 1918 г.¹⁴ 23 апреля 1921 г. был подписан чехословацко-румынский договор. 7 июля 1921 г. с подписанием югославско-румынского договора было завершено создание военно-политического блока в составе Чехословакии, Румынии и Югославии, получившего название Малая Антанта. 19 февраля 1921 г. Франция, стремившаяся к установлению гегемонии в Европе, заключила союз с Польшей, а затем в 1924–1927 гг. — с Чехословакией, Румынией и Югославией. Однако эта сложная союзная система, как показали дальнейшие события, оказалась слабой и неэффективной.

Таким образом, к началу 1920-х гг. ведущие капиталистические державы были разделены на победителей и побежденных, на удовлетворенных и неудовлетворенных послевоенным устройством мира. Советская Россия (с 1922 г. Союз Советских Социалистических Республик — СССР) оказалась в особом положении. Враждебность к ней по идеологическим причинам разделяли правящие круги обоих лагерей капиталистических стран, испытывавшие тревогу по поводу поддержки ею революционных и национально-освободительных движений. Вместе с тем по своему положению Советская Россия, если учесть утрату ею части земель, входивших ранее в состав Российской империи, имела немало общего с побежденными странами. С ними ее сближало резко негативное отношение правительства Советской России к Версальскому договору как к «грабительскому миру»¹⁵. По этой причине в Германии после вступления в силу 10 января 1920 г. «версальского диктата» не только коммунисты, но и часть представителей военного командования и крупного капитала выступили за нормализацию отношений с РСФСР. Наиболее энергичным и последовательным выразителем их интересов стал генерал Г. Сект, который с 1920 по 1926 г. занимал пост главнокомандующего сухопутными войсками рейхсвера. В своих записках от 10 января и 17 февраля 1920 г. правительству он настаивал на том, чтобы в политике по отношению к России учитывалась «обоюдность» российских и германских интересов, вытекающих из того факта, что Россия ведет борьбу за свое существование против враждебной Германии Антанты. «Только путем установления прочных связей с Великой Россией, — утверждал Сект, — Германия может рассчитывать на восстановление своих позиций как мировой державы»¹⁶.

В 1921 г. начались советско-германские переговоры о нормализации двусторонних отношений.

16 апреля 1922 г. они завершились подписанием Рапальского договора, согласно которому советская сторона отказалась от требования возместить ущерб, причиненный Германией России в годы войны, а немецкая сторона — от требования компенсировать ущерб, который ей нанесла национализация германской собственности в Советской России. Между договаривающимися сторонами возобновлялись дипломатические отношения и торгово-экономические связи на основе принципа наибольшего благоприятствования.

Кроме того, между РСФСР и Германией была достигнута секретная договоренность об установлении сотрудничества в военно-технической области. По решению германского правительства рейхсверу для налаживания военного производства в России было выделено 250 млн марок, в том числе 140 млн на строительство авиационного завода в Филях под Москвой¹⁷.

Попытки советского руководства наладить военное сотрудничество с Германией объяснялись желанием вывести страну из изоляции, заботой об укреплении России на случай возобновления против нее военной интервенции со стороны Антанты. Такие опасения советскому правительству внушали безуспешные попытки найти понимание у держав-победительниц и связанных с ними других государств в решении вопроса о коллективной безопасности в 1922–1923 гг. На Генуэзской международной конференции в апреле 1922 г. глава советской делегации нарком иностранных дел Г. В. Чичерин заявил, что Россия готова способствовать упрочению мира и поэтому советская делегация намерена «предложить всеобщее сокращение

вооружений и поддержать все предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма», а также дополнить «правила войны полным запрещением ее наиболее варварских форм»¹⁸. Но это предложение не было поддержано представителями западноевропейских держав.

Германия заключила Рапалльский договор, несмотря на противодействие Антанты ее сближению с Советской Россией. В самой Германии было также немало противников этого договора. Правозэкстремистская организация «Консул» осуществила убийство германского министра иностранных дел В. Ратенау, поставившего под договором свою подпись. Группа германских сторонников крестового похода против большевизма во главе с А. Рехбергом, братом «калийного короля» Ф. Рехберга, и отставным генералом М. Гофманом, участвовавшим в разработке германских условий Брестского мира, негодовала. Генерал Гофман при помощи Рехберга в декабре 1922 г. подготовил меморандум правительствам Великобритании и Франции, в котором пытался убедить их в целесообразности создания с участием немецких войск «европейской интервенционистской армии» для захвата «неизмеримых природных богатств России» и ликвидации «большевистской угрозы»¹⁹. Однако вскоре произошли события, которые показали безнадежность этой затеи.

Франция, стремящаяся к максимальному ослаблению Германии, вместе с Бельгией в ответ на саботаж германскими промышленниками поставок угля и леса в счет погашения репарационных платежей ввели свои войска в Рурскую область. Советское правительство публично клеймило эту военную акцию Франции как «преступление», чреватое угрозой новой мировой войны²⁰. Его заявление одновременно было предупреждением и французской союзнице Польше на тот случай, если бы она попыталась выступить против Германии.

Германию в 1923 г. захлестнула волна новых революционных и националистических выступлений. Сотни тысяч рабочих во главе с коммунистами выступали под лозунгом «Бейте Паункаре на Рейне, а Куно на Шпрее», т. е. под лозунгом борьбы как против захватнической политики французского правительства во главе с Р. Пуанкаре, так и собственного буржуазного правительства во главе с В. Куно. Германские националисты ополчились против Франции и собственного правительства. Они добивались установления в Германии авторитарного режима, ликвидации демократических свобод, которые были закреплены в Веймарской конституции 1919 г. Особенно агрессивно вел себя фюрер Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) А. Гитлер, который вместе с генералом Э. Людендорфом в ноябре 1923 г. предпринял в Мюнхене попытку организовать «поход на Берлин» в целях свержения законного правительства. За это он был посажен в тюрьму, а возглавляемая им в Баварии немногочисленная в то время партия временно запрещена.

Правительство СССР не было заинтересовано в нарушении связей с Германией. Поэтому через Коминтерн оно ориентировало немецких коммунистов на концентрацию усилий в борьбе не против своего правительства, а за вывод из Рура французских войск²¹.

Чрезмерное усиление позиций Франции в Европе за счет Германии не входило в планы Великобритании, США и Италии. Американское посольство в Берлине в 1923 г. заверило германское правительство в том, что вступление французских войск в Рурскую область — это «последняя насильственная акция Франции», а военные атташе Великобритании и Италии в Берлине высказывались за оказание Германии помощи оружием для того, чтобы она могла дать надлежащий отпор Франции²².

США и Великобритания в августе 1924 г. созвали в Лондоне конференцию репарационной комиссии, на которой был принят план американского банкира Ч. Дауэса, предусматривавший облегчение положения Германии за счет притока американских и отчасти английских капиталовложений в ее промышленность. По решению конференции Франция была обязана через год вывести свои войска из Рурской области и впредь не предпринимать против Германии военных санкций без единогласного одобрения их членами репарационной комиссии²³.

В соответствии с планом Дауэса в 1924—1929 гг. Германия получила в виде долгосрочных и краткосрочных кредитов до 20 млрд марок, в то время как на выплату репараций ушло 9 млрд марок. Благодаря этому германская экономика через пять лет по всем показателям превзошла довоенный уровень промышленного производства²⁴.

Восстановление германской промышленности положительно сказалось на развитии германо-советского экономического сотрудничества. С 1924 по 1933 г., т. е. до установления в Германии нацистской диктатуры, германская промышленность занимала ведущее место в экспорте продукции машиностроения в СССР²⁵, что способствовало курсу на индустриализацию советской экономики. Во время первой пятилетки СССР получил из Германии более 50 % всех закупленных машин и оборудования. В 1932 г. она экспортировала в СССР почти все произведенные ею паровые и газовые турбины, прессы, краны и автомобили, 70 % станков, 60 % экскаваторов, динамо-машин и металлических ферм, половину никеля, сортового железа, воздуходувок и вентиляторов²⁶.

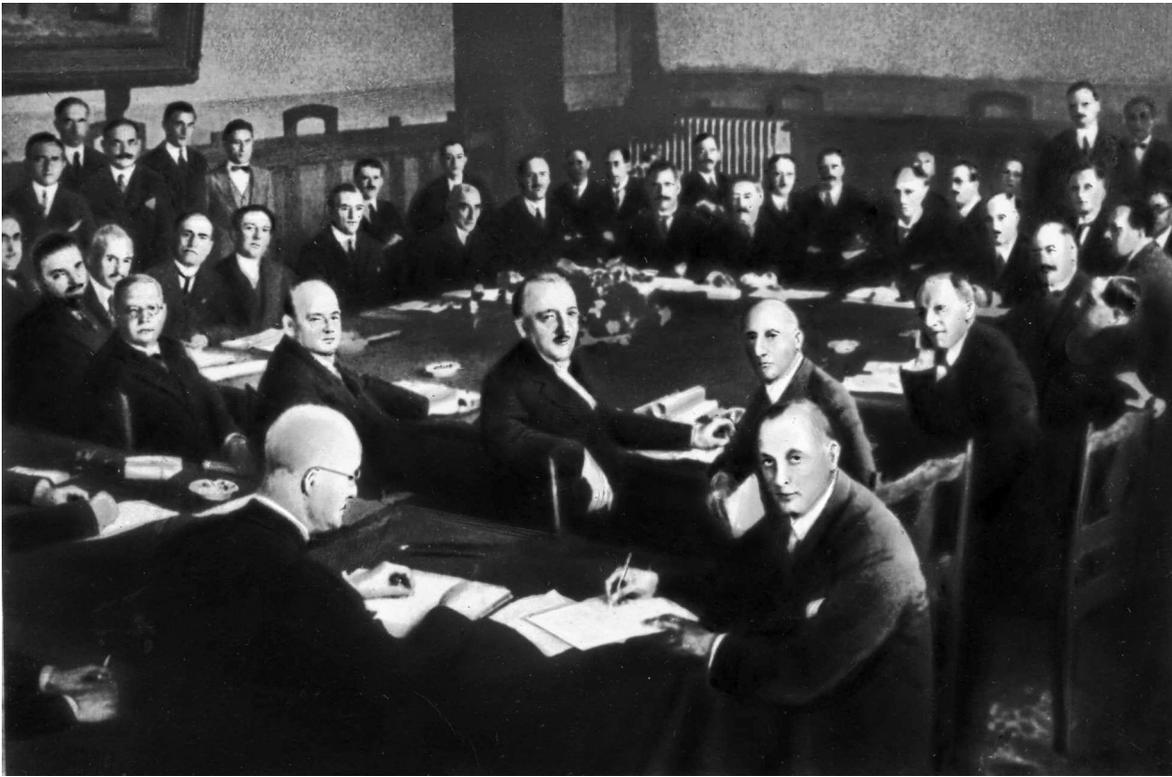
Начиная с 1923 г. Германия и СССР предпринимали попытки наладить сотрудничество и в области военного производства. Фирма «Юнкерс» в 1923–1925 гг. построила в Филях под Москвой авиационный завод и выпустила там 170 цельнометаллических самолетов «юнкерс-20» и «юнкерс-21». Фирма «Круппверке» в эти годы наладила на ряде советских предприятий выпуск крупнокалиберных снарядов. Однако германо-советское сотрудничество в области военной экономики на этом фактически прекратилось. Фирма «Юнкерс» не была заинтересована в налаживании массового производства самолетов в СССР. Поэтому в 1925 г. она разорвала заключенный с ним концессионный договор. Фирма «Круппверке» прекратила свою деятельность в СССР в 1926 г., так как об этом сотрудничестве стало известно в Великобритании и Германии. Основанное в 1923 г. германо-советское акционерное общество «Берсоль», намеревавшееся построить под Куйбышевом завод по производству боевых отравляющих веществ, оказалось мертворожденным, так как главнокомандование рейхсвера нашло фирмы в самой Германии, готовые удовлетворить его потребности в химическом оружии²⁷.

Вместе с тем до 1933 г. сохранялось и развивалось секретное сотрудничество между вооруженными силами двух стран. На военно-воздушной базе под Липецком в 1924–1933 гг. проходили испытания образцов новых типов немецких военных самолетов, осуществлялась боевая подготовка 150 немецких пилотов. От 20 до 30 немецких специалистов отрабатывали приемы боевого использования химического оружия на советском полигоне в Саратовской области (объект «Томка»). В танковой школе с полигоном под Казанью (объект «Кама») испытывали новые образцы немецких танков и получили боевую подготовку 30 немецких офицеров²⁸. Сотрудничество с рейхсвером не играло существенной роли в повышении боеготовности Красной армии. Но, как отмечало в 1931 г. советское военное командование, эти связи давали ему «возможность следить за развитием техники в Германии и на Западе вообще и перенимать то, что полезно для нас»²⁹.

После образования в декабре 1922 г. СССР начался процесс нормализации его отношений с другими капиталистическими странами. 2 февраля 1924 г. Советский Союз признала де-юре Великобритания и установила с ним дипломатические отношения. Затем, в том же году, ее примеру последовали Италия, Франция и другие страны Европы, а также Китай. 2 января 1925 г. между СССР и Японией была заключена конвенция об основных принципах взаимоотношений, которая определила нормализацию их дипломатических связей. Вместе с тем под давлением Японии СССР согласился оставить в силе Портсмутский мирный договор между Россией и Японией 1905 г., который ущемлял его интересы. Особым протоколом было оформлено обязательство Японии вывести из Северного Сахалина все еще находившиеся там войска³⁰.

Полоса признаний СССР 1924–1925 гг., как и начавшееся ранее советско-германское сотрудничество, отвечала принципу мирного сосуществования государств с различными общественными системами, что являлось одним из необходимых условий стабилизации международных отношений в целом. Однако на пути к достижению этой цели оказалось немало препятствий. Западноевропейские державы, хотя и установили с СССР дипломатические и торговые связи, но по-прежнему не признавали за ним равноправия в решении международных проблем, которые затрагивали его интересы.

Одним из событий, относящихся к проблеме безопасности СССР, стали начавшиеся осенью 1924 г. переговоры Великобритании, Франции, Италии, Германии, Польши и Чехо-

Международная конференция в Локарно. 1925 г.

словакии о гарантии границ Германии с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, установленных в Версале, и последующем вступлении Германии в Лигу Наций. По существу, в ходе этих переговоров речь шла о создании регионального объединения в центре Европы, большинство членов которого проводили в отношении СССР недружественную политику. В связи с этим в Москве возникли опасения, что Германия откажется от поддержания дружественных отношений с СССР. В сентябре — декабре 1924 г. советское правительство пыталось склонить германское руководство к отказу от вступления в Лигу Наций, выражая готовность установить с ним более тесные договорные отношения, которые исключали бы вероятность вступления как Германии, так и СССР во враждебные той или иной договаривающейся стороне группировки³¹.

Однако германское правительство считало, что Германия не должна придерживаться «чистой ориентации» на СССР и ей следует переходить к более активной политике, чтобы она «снова стала субъектом мировой политики»³². Вместе с тем оно выступало за сохранение нормальных отношений с СССР.

На состоявшейся 5—16 октября 1925 г. международной конференции в Локарно (Швейцария) была осуществлена ратификация общего гарантийного договора — так называемого Рейнского (или Западного) пакта, по которому Германия, Франция и Бельгия должны были сохранять в неприкосновенности германо-французскую и германо-бельгийскую границы, соблюдать положение Версальского мирного договора о демилитаризации Рейнской зоны, а Великобритания и Италия обязались выступить гарантами германо-французской и германо-бельгийской границ. В Локарно были также ратифицированы германо-польский и германо-чехословацкий договоры об арбитраже при возникновении пограничных споров.

Попытки Великобритании и Франции склонить Германию к заключению ею договоров о ненападении с Чехословакией и Польшей оказались безуспешными. 1 декабря 1925 г. Локарнские договоры были подписаны в Лондоне³³.

Германское правительство считало, что в Локарно ему удалось пробить «весьма существенную брешь в Версальском договоре» и «покончить» с французской послевоенной политикой³⁴. Действительно, Локарнские соглашения серьезно ослабили позиции Франции. Она уже не могла рассчитывать как прежде на беспрепятственный ввод войск в Рурскую область. Германия же оставила за собой право оспаривать установленные в Версале границы с Польшей и Чехословакией.

Франция, пытаясь хоть как-то подкрепить свои пошатнувшиеся позиции в Европе, заключила в Локарно с Польшей и Чехословакией соглашения об оказании взаимной помощи на случай «неспровоцированной» агрессии со стороны Германии³⁵. Германия ответила на это заключением 24 апреля 1926 г. договора о нейтралитете с СССР, который на пять лет продлил действие Рапалльского договора. Одновременно Германия заверила СССР в том, что ее вступление в Лигу Наций не нанесет никакого ущерба дружественным германо-советским отношениям³⁶.

Для СССР укрепление связей с Германией имело важное значение в связи с резким ухудшением его отношений с Англией. В 1926 г. советские профсоюзы направили помощь английским шахтерам, объявившим всеобщую стачку. Это послужило поводом для обвинения английским правительством СССР во вмешательстве во внутренние дела Великобритании. В 1927 г. оно разорвало дипломатические отношения с СССР и вознамерилось создать антисоветский блок с участием Германии, Франции и Польши. Однако Лондон не нашел поддержки ни в Берлине, ни в Париже. Германия заверила СССР, что будет отстаивать свой нейтралитет, а Франция обещала проводить «свою собственную русскую политику» и «не присоединяться в этом конфликте к Англии»³⁷. В 1929 г. англо-советские отношения были восстановлены.

В Германии Локарнские договоры и вступление в Лигу Наций в 1926 г. подействовали воодушевляюще на правоконсервативные буржуазные партии, которые выступали за полное освобождение от «оков Версаля». В их рядах все более усиливалась оппозиция к правительству, которое, по их мнению, действовало недостаточно энергично в этом направлении и не оправдывало их надежд.

Особо непримиримую позицию по отношению к правительству занимала НСДАП. Она являлась наследницей и носителем самых реакционных и агрессивных идей, распространенных в Германии Пангерманским союзом до начала, в ходе и после окончания Первой мировой войны. От этого союза, как отмечали его идеологи, она переняла «расовую идею», лозунг об «освобождении от еврейского ига», «враждебность к парламентаризму», убеждение в том, что «народом может управлять только энергичное и фанатичное меньшинство», стремление к установлению в Германии «национальной диктатуры», цель которой должна была состоять в защите «трудового капитала», т. е. немецких банкиров и промышленников, а также в «возобновлении борьбы против внешних врагов»³⁸.

Нацистская партия в отличие от других буржуазных партий претендовала на роль защитницы всей германской нации от внутренних и внешних врагов, распространяя свое влияние не только на буржуазию, но и другие слои германского общества. В области внутренней политики она стремилась прежде всего подорвать влияние социал-демократов и коммунистов. Ради этого нацистские «фюреры» рядились в тогу революционеров, включив в название своей партии слова «рабочая» и «социалистическая», избрали в качестве символа возглавляемого ими политического течения багровые стяги со свастикой, широко использовали внепарламентские формы борьбы — митинги и демонстрации, создали военизированные формирования — штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды.

Однако нацисты, как и социал-демократы, не ставили вопрос об отмене частной собственности на средства производства и землю, а после неудачной попытки устроить государственный переворот в 1923 г. объявили себя сторонниками легальных методов борьбы за власть, не выходя за рамки Веймарской конституции³⁹.

В программе нацистской партии содержалось немало требований, которые отвечали интересам наемных рабочих, ремесленников и мелких торговцев и были связаны с усилением регулирующей роли государства. В программе говорилось о том, что государство должно взять на себя «обязательство в первую очередь заботиться о зарплате и пропитании граждан», о наделении всех граждан «равными правами и обязанностями», об «отмене нетрудовых доходов, уничтожении процентного рабства», о «полной конфискации всех военных прибылей», о «запрете спекуляции землей» и т. д. Вместе с тем эта программа была нацелена на реванш за поражение Германии в Первой мировой войне и ликвидацию демократических свобод. В ней содержались требования отмены Версальского мирного договора, создания «Великой Германии» с «сильной централизованной государственной властью», введения вместо немногочисленной «наемной армии» массовой «народной армии», а также искоренения в стране «еврейско-материалистического духа»⁴⁰, носителями которого нацисты объявили социал-демократов и коммунистов.

Внешнеполитическая программа нацистского руководства была подробно изложена в книге Гитлера «Майн кампф», первое издание которой появилось в 1925 г., и в его так называемой «Второй книге», написанной в 1928 г., но опубликованной лишь после Второй мировой войны, а также в книгах одного из нацистских идеологов А. Розенберга «Будущий путь германской внешней политики» и «Миф XX века», опубликованных в 1927 и 1928 гг. Эти труды были пронизаны духом расизма и агрессии. Основное внимание в них уделялось определению путей укрепления мощи Германии «посредством завоевания новых земель в Европе». Причем нацисты не оставили никакого сомнения относительно того, какие земли они имели в виду. «Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер, — сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом довоенного времени. Мы возобновляем движение в том направлении, в котором оно было приостановлено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»⁴¹.

Расширению «жизненного пространства» Германии за счет России согласно замыслам нацистов должны были предшествовать агрессивные акции против других европейских государств — Франции и стран Малой Антанты. Франция была включена ими в разряд «смертельных врагов немецкого народа», с которыми следовало покончить в «решающей битве». Для того чтобы посеять среди немцев вражду к французам, они утверждали, что французы из-за смешения с африканцами утратили «арийскую кровь», «выродились в расовом отношении» и стали представлять «угрозу для существования белой расы в Европе»⁴² и т. п.

Малую Антанту и Польшу нацисты обвиняли в том, что они вместе с Францией зажали немецкую нацию в «стальное кольцо», препятствующее им расширить «жизненное пространство». При этом особую ненависть у Гитлера и Розенберга вызывала Польша. «Ликвидация польского государства, — заявлял Розенберг, — это наипервейшая потребность Германии»⁴³.

Разгром Франции, Польши и СССР, согласно замыслам нацистской верхушки, должен был открыть Германии путь к установлению господства в Европе. После этого намечалось «исключить евреев из всех государств Европы» и добиться ее «единства в расовом отношении». Расовой чистке подвергались и немцы. Имея в виду перспективу ведения Германией расовых войн в глобальном масштабе, Гитлер писал: «Северной Америке в будущем сможет противостоять только такое государство, которое сумеет благодаря характеру как своей внутренней жизни, так и внешней политике повысить расовую ценность своего народа, создать подходящую для этого форму государственного правления»⁴⁴.

Нацисты считали, что посредством «умной союзной политики» можно усилить разлад между бывшими союзниками по Антанте и заручиться поддержкой некоторых из них в осуществлении собственных захватнических планов. Гитлер и Розенберг были едины в том, что Италию, где в 1922 г. пришли к власти фашисты, следует рассматривать «как союзника в самую первую очередь», поскольку она является антиподом демократии, врагом большевизма

и руководствуется империалистической политикой «вечного Рима»⁴⁵. К числу вероятных союзников они причисляли также Венгрию, проявлявшую враждебность к Югославии, и Испанию в силу ее «антипатий» к деятельности Франции в североафриканских колониях. С одобрением нацисты отзывались и о Японии, стремившейся к подрыву статус-кво в Азии⁴⁶.

Великобритания также была включена нацистами в число вероятных союзников в силу того, что она занимала более мягкую, чем Франция, позицию в отношении побежденной Германии и весьма враждебно была настроена к СССР. Розенберг называл ее «прирожденным врагом единой России», заинтересованной в «создании на континенте государства, которое будет в состоянии задушить Москву»⁴⁷.

В то время как в Германии национал-социалисты еще только заявляли о своих претензиях на власть, пришедшие к власти в 1922 г. фашисты Италии уже начали готовиться к захватническим войнам на основе внешнеполитической программы, сформулированной Муссолини в 1925 г. Она предусматривала создание Итальянской империи путем борьбы за установление господства Италии на Средиземном море и Балканах⁴⁸.

Набирала силы и готовилась к возобновлению военной экспансии в Азии Япония. Она не оставила надежды на захват преобладающих позиций в Китае и не смирилась с тем, что ее войскам не удалось удержать за собой территории, которые они оккупировали во время иностранной военной интервенции в России. В 1928 г. японский генеральный штаб подготовил план ведения войны против СССР под условным названием «Оцу» и лишь выжидал удобного момента для его реализации. Составной частью этого плана являлось овладение Северо-Восточным Китаем (Маньчжурией) и превращение его в стратегический плацдарм для сосредоточения и развертывания сил, задачей которых являлся захват советского Приморья и Сибири вплоть до озера Байкал⁴⁹.

То, что версальско-вашингтонская система таила в себе зародыши новых войн, к концу 1920-х гг. было очевидно политическим деятелям всех стран. Так, с декабря 1925 г. по декабрь 1930 г. работала учрежденная Лигой Наций комиссия, на которую была возложена подготовка международной конференции по вопросам сокращения и ограничения вооружений. Наряду с членами Лиги в ее работе приняли участие США и СССР. Однако эта комиссия так и не утвердила проект конвенции, который предусматривал бы прямое сокращение вооружений⁵⁰.

Советское правительство в ноябре 1927 г. выступило в комиссии с программой полного и всеобщего разоружения, предусматривавшей уничтожение всех видов вооружений, роспуск всех вооруженных сил, ликвидацию военной промышленности и военных бюджетов, запрет военной пропаганды, а в феврале 1928 г. представило в Лигу Наций соответствующий этой программе проект международной конвенции⁵¹. Однако в реальность разоружения уже мало кто верил. На состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП(б) было решено укреплять обороноспособность страны и наращивать мощь вооруженных сил⁵².

27 августа 1928 г. по инициативе Франции и США в Париже 15 государств заключили всеобщий договор об «отказе от войны как орудия национальной политики» — так называемый пакт Бриана — Келлога (по имени министра иностранных дел Франции А. Бриана и государственного секретаря США Ф. Келлога). В сентябре 1928 г. к нему присоединилось советское правительство. Оно явилось инициатором подписания протокола с Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией о досрочном введении пакта в действие в феврале 1929 г. Затем к пакту присоединились Литва, Иран и Турция.

Осенью 1929 г. в экономической жизни капиталистического мира произошло чрезвычайное событие — 29 октября с катастрофическим падением котировок на нью-йоркской бирже начался мировой экономический кризис, который закончился лишь в 1933 г. Он повлек за собой разорение массы мелких и средних предприятий, крестьянских хозяйств, невиданную по своим масштабам безработицу, затронувшую свыше 30 млн человек, нарастание социальной напряженности в капиталистических странах, каждая из которых стремилась путем усиления регулирующей роли государства преодолеть возникшие трудности. При этом если одни государства кризис подтолкнул к преодолению трудностей через демократические реформы (США, Великобритания, Франция), то другие — путем усиления диктаторских

методов правления (Италия, Япония) и замены парламентской демократии террористическими режимами (Германия).

Япония, где традиционно большое влияние на политику оказывали милитаристские круги, связала расчеты на выход из кризиса с реализацией своих планов внешней экспансии. Пользуясь тем, что США и другие страны были поглощены собственными и общеевропейскими проблемами, она первой встала на опасный путь, приведший к концу 1930-х гг. к новой мировой войне. В 1931–1932 гг. Япония оккупировала Маньчжурию и создала там марионеточное государство Маньчжоу-Го, превратив его территорию в военную базу для подготовки нападения на СССР, Монгольскую Народную Республику и расширения агрессии против Китая. Этими действиями Япония нарушила Устав Лиги Наций, договор о режиме «открытых дверей» в Китае, пакт Бриана — Келлога и Портсмутский договор с Россией 1905 г., запрещавший ей ввод войск в Маньчжурию. Несмотря на это, Лига Наций отказалась объявить Японию агрессором и применить к ней экономические и военные санкции. В феврале 1933 г. она приняла резолюцию, в которой признала «особые интересы» Японии в Маньчжурии, но подтверждала суверенитет Китая над маньчжурской территорией и обязывала Японию вывести войска из Маньчжурии. В ответ на это японское правительство 27 марта 1933 г. официально объявило о выходе Японии из Лиги Наций.

У СССР не было возможности воспрепятствовать вторжению Японии в Маньчжурию в связи с тем, что в конце 1920-х гг. серьезно осложнились его отношения с Китаем. Пришедшее там к власти гоминьдановское правительство Чан Кайши, взяв курс на сближение с западными державами, в 1929 г. разорвало с Москвой дипломатические отношения и поддержало попытку китайских милитаристов захватить принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В этой ситуации советское правительство заняло нейтральную позицию в маньчжурском конфликте и дважды — в декабре 1931 г. и январе 1932 г. — предлагало Японии заключить договор о ненападении. Эти предложения были отклонены.

С захватом Японией Маньчжурии возник очаг войны в Азии, угрожавший безопасности СССР, МНР и Китая, а также позициям США и западноевропейских держав в Китае. В связи с этим начался процесс сближения СССР и Китая, который привел к восстановлению советско-китайских дипломатических связей в декабре 1933 г. Американское правительство откалось от политики непризнания Советского государства и в ноябре 1933 г. установило с ним дипломатические отношения. Советское правительство, стремясь к сохранению мира в Азии, предложило президенту Ф. Рузвельту обсудить идею о заключении «тихоокеанского пакта» о ненападении с участием в нем четырех держав — СССР, США, Японии и Китая. Рузвельт в 1934 г. в принципе одобрил эту идею, но взять на себя роль инициатора в постановке вопроса о ее реализации отказался. Таким образом, попытка СССР заручиться поддержкой США в укреплении своих границ на Дальнем Востоке не имела успеха⁵³.

Главные события, которые повлекли за собой усиление угрозы войны, произошли во время мирового экономического кризиса в Европе. Ослабление западных демократий, столкнувшихся с крупными внутренними проблемами, было на руку Германии, добивавшейся ликвидации Версальского договора. Она усилила свое давление на Францию. Последняя, пытаясь укрепить свои слабеющие позиции, в 1929–1930 гг. выдвинула план объединения континентальной Европы, получивший название «Пан-Европа», полагая, что это будет способствовать преодолению экономических трудностей и решению проблем безопасности. При этом Франция отказывала в праве на вступление в это объединение США, Англии (как неконтинентально-европейскому государству) и СССР, не являвшемуся якобы европейской державой. Естественно, что отношение этих трех держав к проекту «Пан-Европы» было негативным. Не поддержала его и Италия, считавшая, что прежде чем создавать европейский союз, нужно провести ревизию существующих договоров⁵⁴.

На открывшейся в феврале 1932 г. в Женеве Всеобщей конференции по сокращению и ограничению вооружений Германия настойчиво требовала «равенства прав» в области вооружений. Перспектива оказаться лицом к лицу с вооруженной Германией вынудила

Францию искать опору в лице СССР, который со своей стороны, опасаясь возникновения единого фронта капиталистических держав, сам искал сближения с Францией. В 1932 г. был оформлен советско-французский договор о ненападении. В том же году СССР заключил такие пакты с Польшей, Финляндией, Литвой и Эстонией.

США, Великобритания, Франция и Италия, пытаясь ослабить напряженность в отношениях с Германией, в 1931 г. согласились с ее отказом от выплаты репараций, а 11 декабря 1932 г. подписали декларацию о предоставлении ей «равноправия в вооружениях» при принятии международной конвенции о всеобщем сокращении вооруженных сил⁵⁵.

В самой Германии правящая элита все более склонялась к авторитаризму как средству поддержания относительной стабильности общества. В этой ситуации нацистская партия ловкой пропагандой своих программных требований, критикой буржуазно-демократической системы правления сумела создать себе широкую социальную базу. Количество полученных ею голосов на выборах в рейхстаг составило 40,9 % в сентябре 1930 г. и 52,8 % в июле 1932 г. от всех голосов, собранных остальными буржуазными партиями⁵⁶. Основываясь на этих фактах, представители германской тяжелой промышленности, финансировавшие нацистскую партию, стали требовать от рейхспрезидента Гинденбурга «передать правление самой сильной национальной партии», утверждая, что это будет отвечать «высшему принципу демократии»⁵⁷. На самом деле это требование было продиктовано их стремлением, как и нацистов, к ликвидации демократии и установлению в Германии диктаторской формы правления. Надежду на это им внушал быстрый рост числа голосов, собранный НСДАП в ходе выборов в рейхстаг. Если в сентябре 1930 г. за нее проголосовало 18,3 % участвовавших в голосовании, то в июле 1932 г. уже 37,3 %. Однако состоявшиеся в ноябре 1932 г. новые выборы в рейхстаг показали, что популярность нацистской партии с середины лета стала быстро падать. Она получила всего 32,8 %, т. е. на два миллиона голосов меньше. В то же время главная противница нацистов — Коммунистическая партия Германии (КПГ) увеличила число своих сторонников с 14,3 % до 16,7 % (на 610 тыс. человек), а Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) хотя и получила меньше голосов, чем в июле (вместо 21,6 % всего 20,3 %), но все же оставалась наиболее влиятельной германской рабочей партией.

Распределение голосов, отданных за основные политические партии Германии на выборах в рейхстаг в 1930, 1932 и 1933 гг.

Политическая партия	Количество голосов избирателей			
	14.9.1930 г.	31.7.1932 г.	6.11.1932 г.	5.3.1933 г.
Коммунистическая партия Германии	4 500 160 (13,1 %)	5 282 626 (14,3 %)	5 980 162 (16,7 %)	4 848 068 (12,3 %)
Социал-демократическая партия Германии	8 575 244 (24,5 %)	7 969 712 (21,6 %)	7 247 968 (20,3 %)	7 181 629 (18,3 %)
Немецкая национальная народная партия	2 457 688 (7 %)	2 177 414 (5,9 %)	3 019 099 (8,4 %)	—
Немецкая народная партия	1 577 365 (4,5 %)	436 012 (1,2 %)	661 800 (1,9 %)	432 312 (1,1 %)
Партия Центра	5 185 637 (14,8 %)	5 782 019 (15,7 %)	4 230 640 (11,8 %)	5 498 457 (14 %)
Национал-социалистическая немецкая рабочая партия	6 379 672 (18,3 %)	13 745 781 (37,3 %)	11 737 010 (32,8 %)	17 277 180 (43,9 %)

О падении влияния НСДАП свидетельствовали и прошедшие вскоре после выборов в рейхстаг коммунальные выборы в некоторых землях Германии. В Саксонии в Хемнице количество голосовавших за кандидатов от нацистской партии сократилось на 15 %, в Плауене — на 20 %, в Цвикау — на 34 %. В Тюрингии число проголосовавших за нацистов

сократилось на 40 %⁵⁸. Однако эти события не ослабили стремления нацистской верхушки к захвату власти. 30 января 1933 г. Гинденбург поручил Гитлеру сформировать так называемое правительство национальной концентрации, открыв тем самым путь к установлению в Германии диктаторского режима.

После прихода нацистов к власти в Германии в период 1933–1938 гг. решался вопрос о том, быть или не быть новому мировому конфликту. Важнейшими событиями этого периода явились переход Германии, Италии и Японии к открытой агрессии, начало их сближения на основе стремления к новому переделу мира, попытки СССР при опоре на зарубежные антифашистские и миролюбивые силы создать систему коллективной безопасности, сопротивление западных демократий усилиям Советского Союза, направленным на формирование общего фронта против агрессивных держав, их вступление на путь умиротворения агрессоров за счет других стран.

Гитлер уже на первом после вступления на пост рейхсканцлера совещании с высшим командованием вооруженных сил 3 февраля 1933 г. изложил основные пункты программы возглавляемого им правительства: «искоренение марксизма», «устранение раковой опухоли — демократии», установление «жесточайшего авторитарного государственного руководства», «введение всеобщей воинской повинности» и «приобретение союзников», «борьба против Версаля», «отвоевание новых рынков сбыта», «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация»⁵⁹.

После прихода к власти нацисты развязали террор против всех своих политических конкурентов. Внутренняя жизнь была полностью подчинена подготовке страны к войне. Германия стала центром притяжения всех агрессивных сил, главным очагом новой мировой войны.

Основное внимание нацистов в сфере внешней политики в 1933–1935 гг. было направлено на ликвидацию установленных в Версале военных ограничений. Английский премьер-министр Р. Макдональд решил пойти на некоторые уступки в этом вопросе. 10 марта 1933 г. он представил на конференции по разоружению проект конвенции о всеобщем сокращении вооружений, согласно которому численность германских сухопутных войск могла составлять не более 200 тыс. человек⁶⁰. Этот план был отвергнут в Берлине на том основании, что он не давал каких-либо преимуществ ни перед Францией, за которой закреплялось право держать только в Европе 400-тысячную армию, ни перед союзной ей Польшей, располагавшей 200-тысячной армией.

Итальянский диктатор Муссолини, который в то время вынашивал замысел захвата Эфиопии и поэтому был крайне заинтересован в устранении конфликтов с Германией в Европе, выразил готовность пойти на более существенные уступки Гитлеру. 18 марта 1933 г. он выдвинул проект так называемого Пакта четырех, согласно которому Великобритания, Франция, Италия и Германия должны были впредь руководствоваться по отношению друг к другу принципом неприменения силы, осуществить на практике равноправие Германии и ее бывших союзников в вооружениях и придерживаться «общей линии» при решении всех европейских, внеевропейских и колониальных вопросов⁶¹.

Проект Пакта четырех, предложенный Муссолини, также не устраивал нацистское руководство. Оно опасалось сближения в его рамках Италии и Франции и их совместного противодействия плану присоединения (аншлюса) Австрии к Германии⁶². Вместе с тем в Берлине полагали, что этот проект в конце концов окажется неприемлемым для Франции. Это предположение оправдалось. Хотя 15 июля 1933 г. Пакт четырех и был парафирован в Риме Муссолини и послами Великобритании, Франции и Германии, но не вступил в силу из-за неодобрения его французским и английским парламентами, а также из-за протестов Польши и стран Малой Антанты, опасавшихся усиления Германии, не говоря уже об СССР, который в то время имел все основания опасаться, что «директория четырех» займет по отношению к нему враждебную позицию.

Муссолини после провала проекта Пакта четырех резко взял курс на сближение с СССР, пытаясь таким способом укрепить свои международные позиции. По его инициативе в

сентябре 1933 г. был заключен советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете⁶³. Этот договор не помешал, однако, итальянскому руководству в дальнейшем пойти на сотрудничество с Германией и Японией в расчете при их поддержке реализовать собственные захватнические планы.

Правительство Гитлера с первых дней своего существования взяло курс на резкое сокращение экономических и ликвидацию военных связей с СССР, развернуло антисоветскую пропаганду. Это был тяжелый удар по внешнеполитическим позициям Советского Союза. Вместе с тем нацистское руководство в период утверждения своей власти в Германии в 1933–1935 гг. принимало меры, чтобы не довести дело до разрыва германо-советских отношений. Гитлер лицемерно заверял советское руководство, что его правительство намерено поддерживать с Советским Союзом «дружественные взаимовыгодные отношения»⁶⁴. Как бы в подтверждение в мае 1933 г. германский рейхстаг утвердил навечно действие германо-советского договора о нейтралитете 1926 г.⁶⁵ Однако нацисты рассматривали этот договор как временный. При обсуждении планов развязывания войны в Европе Гитлер в кругу своих единомышленников говорил: «Советская Россия — это очень трудно. Вряд ли я смогу с нее начать»⁶⁶.

Гитлеровское правительство, обвинив западные державы в нежелании разоружаться, 14–19 октября 1933 г. объявило о своем выходе из Лиги Наций и отозвало свою делегацию с конференции по разоружению. Тем самым оно сбросило с себя международные обязательства, мешавшие начать подготовку к ведению захватнических войн.

После прихода к власти в Германии нацистов возникла потенциальная угроза с ее стороны соседним странам как на востоке, так и на западе. Это обстоятельство объективно создавало предпосылки для установления сотрудничества между СССР и заинтересованными в своей безопасности другими государствами Европы. К их числу, казалось, прежде всего относились Франция и Польша.

Осенью 1933 г. Франция предложила СССР вступить в Лигу Наций и заключить с ней двусторонний договор о взаимопомощи на случай отражения нацистской агрессии⁶⁷. В связи с французской инициативой Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) СССР подготовил предложения о создании в Европе системы коллективной безопасности, которые после одобрения 20 декабря 1933 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) были переданы в Париж. В них СССР выражал готовность вступить в Лигу Наций, предлагал заключить в рамках этой организации «региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии» (Восточный пакт), одобрил присоединение к этому соглашению «Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции или Польши»⁶⁸.

Идея регионального пакта о взаимопомощи между странами Центральной и Восточной Европы была поддержана французским министром иностранных дел Ж. Поль-Бонкурмом и сменившим его на этом посту в феврале 1934 г. Л. Барту. По инициативе французской стороны в советский проект был внесен ряд поправок. Из числа стран, входивших в этот пакт, исключалась Бельгия на том основании, что она была участницей Локарнских договоров. Но должна была войти Германия, чтобы избежать упреков со стороны германского правительства в том, что СССР, Франция и Польша якобы стремятся к ее окружению. Французское правительство выразило желание не участвовать в Восточном пакте, а, подписав договор о взаимопомощи с СССР, стать лишь его гарантом⁶⁹.

Участниками Восточного пакта должны были теперь стать следующие страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехословакия, Германия, Советский Союз, Прибалтийские государства и Финляндия. Они обязывались взаимно гарантировать нерушимость границ и оказывать помощь государству — участнику пакта, подвергнувшемуся нападению, и не поддерживать государство-агрессор. Наряду с подписанием Восточного пакта планировалось утвердить отдельный договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Франция становилась гарантом Восточного пакта, а СССР наравне с Англией и Италией — гарантом Локарнского пакта 1925 г.⁷⁰

Основная цель планируемого Восточного пакта заключалась в том, чтобы добиться такого положения, когда ни один из его участников не мог бы рассчитывать на безнаказанность агрессии. Восточный пакт не был заключен из-за позиции, занятой Германией и Польшей. Гитлеровское правительство отказывалось от вступления в этот пакт, объявив себя приверженцем двусторонних договоров.

Польша разделяла позицию Германии. 26 января 1934 г. она подписала с ней «Декларацию о необращении к силе» сроком на 10 лет⁷¹ и этим фактически обесценила свой союзный договор с Францией от 18 февраля 1921 г. В случае войны с Германией Франция уже не могла бы, как прежде, рассчитывать на помощь Польши, а Германия была бы спокойна за свой тыл на востоке. В связи с этим Гитлер утвердился в своем намерении укрепить позиции Германии на западе. 3 февраля 1933 г. он в беседе с английским послом в Берлине Э. Пипсом поставил под сомнение дальнейшее существование Рейнской демилитаризованной зоны и заявил о своем намерении ее ликвидировать⁷².

В Варшаве начали обсуждать планы раздела европейской части СССР. Они выглядели следующим образом: Польша должна была получить Украину, а «северо-западные районы — стать немецкой сферой влияния»⁷³.

Нацистская верхушка, однако, не собиралась воевать с СССР ради удовлетворения аппетитов воинственно настроенной части польского руководства. Не собиралась она отказываться и от захвата польских земель. Польша рассматривалась в Берлине не как союзник, а лишь как временный «попутчик», прежде всего в борьбе против попыток СССР и Франции создать Восточный пакт.

В сентябре 1934 г. Совет Лиги Наций утвердил принятие СССР в Лигу Наций и предоставление ему постоянного места в Совете. Это было признание широкой общественностью других стран его стремления к сотрудничеству в реализации идеи коллективной безопасности.

В октябре 1934 г. пост французского министра иностранных дел занял П. Лаваль, который был противником военно-политического сотрудничества с СССР. Тем не менее советскому руководству удалось подписать договоры о взаимопомощи с Францией (2 мая 1935 г.) и Чехословакией (16 мая)⁷⁴. Советско-французский договор по вине Франции не был подкреплён соответствующей военной конвенцией. Во второй половине мая 1935 г. Лаваль при встрече со вторым послом Гитлера государственным лицом Германии Г. Герингом объявил, что франко-советский договор — это ничего не значащий в международных делах документ, появление которого на свет вызвано лишь «внутренними причинами»⁷⁵, т. е. является обманом тех французов, которые искренне стремились к установлению сотрудничества с СССР в целях совместной защиты мира от посягательств на него со стороны Германии.

Основной движущей силой политики умиротворения была Великобритания. После провала попытки заключить Пакт четырех летом 1933 г. она не расставалась с мыслью об организации западной безопасности на базе сговора четырех великих держав. В рамках этого блока она рассчитывала подготовить почву для сделки с нацистской Германией, застраховав себя от вступления с ней и Италией в вооруженную борьбу, добиться полной изоляции СССР или ослабления его связей с европейскими государствами.

Английское правительство стремилось не допустить возникновения франко-русского союза, направленного против Германии⁷⁶. Поэтому в ответ на заключение 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи оно 6 июня 1935 г., несмотря на протесты французского правительства, подписало с Германией морское соглашение, по которому в нарушение Версальского договора Германии было предоставлено право иметь флот, тоннаж которого должен был составить 35 % тоннажа английских ВМС. Благодаря этому соглашению германские верфи были обеспечены заказами на строительство кораблей по меньшей мере на 10 лет.

Установление нацистского режима в Германии и его разновидностей в ряде стран Европы и Азии вызвало в мире широкое протестное движение демократических сил. Конкретным его проявлением явилось возникновение Народных фронтов, а впоследствии правительств

Народного фронта, которые пришли к власти под лозунгом борьбы против фашизма и войны. Весьма значителен был резонанс решений VII конгресса Коминтерна, проходившего в Москве 25 июля — 30 августа 1935 г. Участвовавшие в работе конгресса делегации 65 коммунистических партий, не отказываясь от лозунга мировой революции, ближайшей задачей объявили налаживание сотрудничества с социал-демократами, реформистскими профсоюзами и другими силами в целях создания единого рабочего фронта и на его базе широкого антифашистского фронта⁷⁷.

Любопытно в этой связи интервью И. В. Сталина в марте 1936 г. американскому журналисту Р. Говарду. На его вопрос, оставил ли Советский Союз в какой-либо мере «свои планы и намерения произвести мировую революцию», был дан ответ: «Таких планов и намерений у нас никогда не было... Экспорт революции — это чепуха. Каждая страна, ежели она этого захочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет...»⁷⁸

Правительства Народного фронта с участием левых партий были сформированы и действовали во Франции (1936—1938), в Испании (1936—1939), в Чили (1938—1941). Они не обрели достаточной силы, чтобы противостоять фашизму в международном масштабе, но оказали немаловажное влияние на создание широкого антифашистского фронта народов и государств в годы Второй мировой войны.

Вторая половина 1930-х гг. характеризовалась дальнейшим развалом версальско-вашигтонской системы в результате агрессивных действий Германии, Италии и Японии при явном попустительстве со стороны Великобритании, Франции и США и неудачных попытках СССР добиться с ними взаимопонимания для совместного отпора агрессорам.

В ночь на 3 октября 1935 г. Италия совершила нападение на Эфиопию. 5 мая 1936 г. пала эфиопская столица Аддис-Абеба. 9 мая 1936 г., когда итальянские войска оккупировали лишь треть территории Эфиопии, Муссолини объявил о ее завоевании, а Большой фашистский совет в Риме издал декрет о превращении Италии в империю.

Итало-эфиопская война, как и японская оккупация Маньчжурии, показала неэффективность Лиги Наций как инструмента сохранения мира. Принятие ею ограниченных экономических санкций к итальянскому агрессору не защитило Эфиопию, не предотвратило утраты ею свободы и независимости.

Во время итало-эфиопской войны Германия оказывала политическую и экономическую поддержку Италии, а Италия в ответ на эту услугу заблаговременно дала согласие Германии не противодействовать ее плану ввода войск в Рейнскую демилитаризованную зону (немецкую территорию по левому берегу р. Рейн и 50-километровую полосу на правом берегу), установленную Версальским мирным договором. Заручившись отказом Италии от выполнения роли гаранта демилитаризованного статуса Рейнской зоны, Германия 7 марта 1936 г. ввела туда свои войска (операция «Винтерюбунг»). Предложение Франции Совету Лиги Наций применить к Германии экономические санкции было отклонено по настоянию Англии, заявившей, что для этого якобы «нет никакой юридической базы»⁷⁹.

Рейнская зона была превращена нацистами в военный плацдарм, который предназначался как для подготовки наступления на Францию, так и для прикрытия тыла Германии на западе на случай развертывания агрессии на востоке. Менее уязвимым стал Рурский промышленный район — главная кузница немецкого оружия.

11 июля 1936 г. Германия при содействии Италии навязала Австрии секретное «джентльменское соглашение», по которому австрийское правительство обязалось амнистировать местных нацистов, находившихся в заключении за свершенные ими политические преступления, допустить некоторых представителей «национальной оппозиции», т. е. нацистов, к участию в политической жизни страны, согласовывать свою внешнюю политику с германским правительством и т. д. Кроме того, Австрия официально признала себя вторым «немецким государством»⁸⁰. Это был роковой шаг, который в конечном счете должен был привести Австрию к утрате суверенитета.

17 июля 1936 г. в Испанском Марокко вспыхнул военный мятеж, пламя которого на следующий день перекинулось на территорию Испании. Началась гражданская война, в

ходе которой главарь мятежников под руководством генерала Ф. Франко преследовали цель свергнуть пришедшее к власти в стране правительство Народного фронта, восстановить авторитарную форму правления. В результате быстрой консолидации демократических сил, поднявшихся с оружием в руках на защиту республики, мятежники в Испании через несколько дней оказались на грани разгрома. В этой ситуации Франко обратился за помощью к Германии и Италии. В конце июля — начале августа 1936 г. эту помощь они начали оказывать. Немецкие и итальянские корабли и авиация обеспечили вторжение в Испанию через Гибралтарский пролив формированиями 40-тысячного войска Франко. Из Германии и Италии в распоряжение мятежников стали поступать артиллерия и военное снаряжение. 27 августа эскадрилья «юнкерсов» сбросила первые бомбы на столицу Испании Мадрид.

Совместная помощь мятежникам в Испании еще более сблизила Германию и Италию. 23 октября 1936 г. в Берлине был подписан конфиденциальный германо-итальянский протокол, согласно которому Германия официально признала захват Италией Эфиопии, а Италия обязалась проводить в Лиге Наций выгодную для Германии политику, в частности поддержать ее усилия, направленные на приобретение колоний. Обе стороны согласились расширить военную помощь путчистам в Испании, одновременно признать сформированное Франко «национальное правительство», согласовывать свою политику по отношению к Англии и Франции, «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды». Так возникла «ось Берлин — Рим».

18 ноября 1936 г. Германия и Италия официально объявили о своем признании Франко главой правительства Испании. 1 декабря их примеру последовала Япония. С этого времени итало-германская интервенция в Испании стала носить качественно иной характер: на помощь мятежникам отныне направлялись не только военная техника, но и крупные формирования регулярных итальянских и немецких войск. Интервенция в Испании продолжалась до конца марта 1939 г. и завершилась установлением в этой стране диктаторского режима, который тут же был признан Англией, Францией и США.

Победа франкистов полностью вписывалась в геополитические расчеты Гитлера и Муссолини, поскольку она привела к возникновению нового, уже третьего фашистского государства у границ Франции — главного их противника на Западе.

Германские нацисты вскоре после прихода к власти стали предпринимать шаги, направленные на сближение с Японией. Решение этой задачи облегчалось тем, что Берлин и Токио тесно связывали враждебность к СССР, стремление к грабежу его богатств, а также расчеты на взаимную поддержку при столкновении с западными демократиями в борьбе за новый передел мира. В мае 1935 г. по инициативе Берлина начались секретные германо-японские переговоры о заключении военного союза. Эти переговоры были довольно продолжительны, так как в Японии в то время большая часть правящих кругов все еще ориентировалась на сохранение сотрудничества с США и Англией и опасалась вызвать их недовольство сближением с Германией. Кроме того, Германия являлась одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок. Неурегулированным оставался также вопрос, связанный с дальнейшей судьбой части бывших колоний Германии в районе Южных морей, которые по Версальскому миру были объявлены японскими владениями. В этой сложной ситуации нацисты и их сторонники в Японии все же сумели провести свою линию, правда, несколько необычным способом. По предложению немецкой стороны было решено подписать германо-японское соглашение, формально направленное против Коммунистического интернационала. Это решение было одобрено японским императором и Гитлером, считавшим, что «борьба против коммунизма и коммунистических идей» будет способствовать осуществлению планов «расчленения России».

25 ноября 1936 г. в Берлине состоялось подписание соглашения против Коммунистического интернационала (Антикоминтерновский пакт), по которому Германия и Япония обязались в течение пяти лет совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». Кроме того, стороны подписали дополнительное секретное военное соглашение,

Подписание Антикоминтерновского пакта. (Берлин, 25 ноября 1936 г.)

по которому обоюдно обязались не принимать каких-либо мер, способствующих облегчению положения СССР в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию.

Демагогическое заявление о возможности «неспровоцированного нападения» СССР на Германию или Японию являлось маскировкой совместного курса Германии и Японии на внешнеполитическую изоляцию Советского Союза, подготовку благоприятных внешних условий для осуществления замыслов его уничтожения. Характерна в этой связи реакция японского правительства на советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., обвинившего германское правительство в нарушении духа дополнительного секретного военного соглашения.

6 ноября 1937 г. в Берлине был подписан протокол о присоединении к Антикоминтерновскому пакту Италии. Германия и Япония признали этот протокол «равноценным подписанию оригинального текста пакта», подчеркнув тем самым, что признают Италию своим полноправным партнером. В следующем месяце Италия объявила о выходе из Лиги Наций.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках Антикоминтерновского пакта возник так называемый мировой политический треугольник Берлин — Рим — Токио, явившийся прологом к формированию военного союза трех агрессивных держав.

Антикоминтерновский пакт был далеко идущим политическим маневром. Он учитывал антикоммунистические настроения правящих кругов других капиталистических держав и призван был создать у них впечатление, что Германию, Италию и Японию объединяет прежде всего враждебность к международному коммунистическому движению и Советскому Союзу. На практике же этот пакт служил оправданием вмешательства трех агрессивных держав во внутренние дела других государств, маскировкой их военных приготовлений в целях ведения захватнических войн не только против СССР, но и против западных демократий.

Сближение с Германией и заключение Антикоминтерновского пакта стимулировали рост агрессивности Японии. На проходившей в конце 1935 — начале 1936 г. Лондонской морской конференции японская делегация объявила об отказе соблюдения регламентации морских вооружений, установленной на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Она заявила о праве Японии иметь военно-морские силы, равноценные в количественном и качественном отношении вместе взятым флотам США и Англии в дальневосточных водах. При этом соотношение сил флотов Японии, США и Англии должно было бы выражаться отношением 5:3:2⁸¹. К тому времени ни для кого не представляло секрета, какими при этом интересами руководствовалось японское правительство, ибо офицерами японских ВМС открыто была развернута пропаганда о необходимости включения в сферу «жизненных интересов» Японии Голландской Индии, Малайского архипелага и Новой Гвинеи. В середине 1936 г. Япония официально объявила о принятии курса на экономическое проникновение в южном направлении⁸². Было очевидно, что как только Япония почувствует себя достаточно сильной на море, экономическая экспансия будет подкреплена военной силой, а это затрагивало интересы в Азии прежде всего США, Англии и Франции, о чем свидетельствуют документы. Прибывший в Германию профессор Токийского университета Д. Мамо, тесно связанный с японской правящей верхушкой, в неофициальных переговорах с командованием германских военно-морских сил предварительно разъяснил, что цели Японии в Азии и на Тихом океане состоят в том, чтобы установить господство в Желтом море, захватить по крайней мере еще три китайские провинции, установить контроль над Бирмой и Французским Индокитаем, а также «захватить Австралию, что, естественно, предполагает предварительное создание крупных военных баз на Филиппинах и в самой Австралии». Мамо доверительно сообщил, что, готовясь к схватке с Великобританией, японская разведка еще в 1935 г. заполучила секретный план оборонительных сооружений английской военно-морской базы в Сингапуре⁸³.

В июле 1937 г. Япония под лозунгом борьбы с Коминтерном развязала широкомасштабную войну против Китая. К концу года ее войска захватили Тяньцзинь, Пекин, Ханькоу, Шанхай и тогдашнюю столицу страны Нанкин. Захватчики чинили массовые расправы над мирным населением и военнопленными, применяли химическое и бактериологическое оружие.

Китайское правительство, стремясь заручиться поддержкой в отражении японской агрессии, в августе 1937 г. заключило пакт о ненападении с СССР. В сентябре того же года гоминьдановцы приняли предложение китайских коммунистов о сотрудничестве, в результате чего возник национальный антияпонский фронт. Такое развитие событий в Китае вызвало недовольство в Берлине, обвинявшем Японию в том, что она своими действиями толкает Китай в объятия СССР. В ответ Япония выдвинула требование, чтобы Германия прекратила продажу Китаю оружия и убрала военных советников из китайской армии. Гитлеровское правительство не спешило выполнять эти требования, подрывавшие его влияние в Китае. Сначала оно сделало лишь незначительную уступку Японии, запретив своим Военным советникам в Китае как представителям нейтральной страны непосредственно участвовать в боевых действиях против японских войск⁸⁴. Но затем для того, чтобы сохранить Японию в качестве своего партнера по Антикоминтерновскому пакту, германское правительство все же выполнило все ее требования. 20 февраля 1938 г. Гитлер объявил о признании Германией марионеточного государства Маньчжоу-Го и одобрил действия японских войск в Китае. В апреле 1938 г. германское правительство прекратило поставки оружия Китаю и отозвало своих военных советников, так как не желало успеха национально-освободительной борьбы китайского народа.

Оккупировав Рейнскую зону и установив особо близкие отношения с Италией и Японией, нацистское руководство почувствовало себя более уверенно. В ноябре 1937 г. Гитлер на секретном совещании с высшим командованием вермахта подтвердил свое намерение начать «большую войну» с нападения на Францию, а до этого аннексировать соседние Австрию и Чехословакию с тем, чтобы исключить фланговую угрозу наступления на западе⁸⁵.

Секретариат Исполнительного комитета, избранный на VII конгрессе Коминтерна.
Справа налево: В. Пик, О. Куусинен, Г. Димитров, К. Готвальд, Д. Мануильский, П. Тольятти. 1935 г.

В качестве первого объекта захвата была намечена Австрия. Сначала германское руководство намеревалось достичь присоединения (аншлюса) этой страны к Германии без применения военной силы при поддержке «пятой колонны» — австрийских нацистов. 12 февраля 1938 г. Гитлер и австрийский канцлер К. Шушниг подписали протокол (Берхтесгаденское соглашение), согласно которому австрийское правительство обязалось поддерживать германскую внешнюю политику, предоставить австрийским нацистам полную свободу действий, назначить одного из их фюреров — А. Зейсс-Инкварта на пост министра внутренних дел, принять меры по укреплению сотрудничества между австрийскими и германскими вооруженными силами⁸⁶. Это соглашение по замыслу Гитлера должно было способствовать осуществлению захватнической акции, демонстрировать стремление австрийцев к воссоединению с немецким народом. Однако Берхтесгаденское соглашение вызвало бурный протест населения. Шушниг был вынужден назначить на 13 марта проведение плебисцита о «независимости» Австрии. В Берлине переполошились, опасаясь провала «мирной» аннексии. 11 марта 1938 г. по указанию Гитлера была подготовлена директива о вторжении немецких войск в Австрию.

12 марта утром 200 тыс. немецких войск беспрепятственно оккупировали эту страну. 13 марта по распоряжению из Берлина было сформировано новое австрийское правительство из нацистов, которое в тот же день приняло закон, объявивший Австрию одной из земель германского рейха⁸⁷. Против антифашистов под руководством Берлина был развернут жесточайший террор, сочетавшийся с крикливой пропагандой под лозунгом «один народ — один рейх — один фюрер». 10 апреля 1938 г. в Австрии состоялся референдум. Голосующий должен был ответить на вопрос: «Согласен ли ты с происшедшим воссоединением Австрии с германским рейхом?» Подавляющее большинство австрийцев, запуганных террором и одурманенных нацистской пропагандой, ответили «да».

Аннексия Австрии укрепила стратегические позиции вермахта для последующего нападения на Чехословакию (операция «Грюн»). Эту акцию Гитлер и его генералы решили

осуществить при «подходящем внешнем поводе». Такой повод они замыслили создать сами, организовав убийство германского посла в Праге⁸⁸. Большие надежды на ослабление Чехословакии они связывали с подрывной деятельностью в этой стране своей «пятой колонны» — финансируемой из Берлина нацистской Судето-немецкой партии, насаждавшей расистскую идеологию и ирредентистские настроения среди судетских немцев.

Советский Союз выступил против эскалации агрессии Италией, Германией и Японией. В период гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. он оказывал помощь республиканскому правительству Народного фронта кредитами, медикаментами, военной техникой. Кроме того, на стороне республиканской армии сражалось более двух тысяч советских военнослужащих, а также большое число добровольцев из многих стран Европы и Америки. Правящие круги Англии и Франции не препятствовали итало-германской интервенции в Испании. Они видели в нацистской Германии прежде всего противника большевизма, недооценивали исходящую от нее угрозу Западу. 19 ноября 1937 г. председатель тайного совета в британском кабинете министров Э. Галифакс в беседе с Гитлером назвал Германию «бастионом Запада против большевизма», согласившись предоставить ей свободу действий для изменения «европейского порядка» за счет Данцига и Чехословакии при условии, что это изменение осуществится «путем мирной эволюции»⁸⁹.

После развязывания Японией войны против Китая СССР, заключив с гоминьдановским правительством договор о ненападении, стал главным поставщиком вооружения для боровшегося за свою независимость китайского народа. В 1937—1939 гг. в Китае сражались свыше 700 советских летчиков. С 1938 г. в руководстве военными действиями китайской армии участвовали советские военные советники, среди них будущие крупные военачальники периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

После присоединения Австрии к Германии СССР призвал западные державы к совместным действиям с целью «приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранить усилившуюся опасность новой мировой бойни»⁹⁰. Но этот призыв не был услышан.

В Англии, Франции и США недооценивали роль СССР как вероятного союзника в случае развязывания войны Германией. В немалой степени это объяснялось недоверием к кремлевскому руководству, которое было вызвано кампанией необоснованных репрессий видных партийных, военных и хозяйственных деятелей в СССР, особенно усилившихся в 1937—1938 гг.

Политические процессы, происходившие в СССР, воспринимались за рубежом как свидетельство кризиса советского режима, порождали среди общественности буржуазно-демократических стран сомнения в его способности быть надежным партнером в обуздании агрессоров.

В начале апреля 1938 г. Гитлер сообщил Муссолини, что он намерен прекратить движение Германии в сторону Средиземного моря и приступает к решению проблем Судетской области и «польского коридора», а затем начнет продвижение в Прибалтику⁹¹.

Проблема Судетской области, где проживало свыше трех миллионов немцев, использовалась нацистским руководством Германии лишь как предлог для оправдания своего замысла уничтожить Чехословакию. В директиве по плану «Грюн» от 30 мая 1938 г. Гитлер указывал: «Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии посредством военной акции в обозримом будущем». Начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель дополнительно сообщил главнокомандующим видами вооруженных сил, что выполнение этой директивы «должно быть обеспечено самое позднее с 1 октября 1938 г.»⁹².

Однако нападение на Чехословакию не состоялось из-за вмешательства Англии, правительство которой сочло нужным оказать поддержку Германии в ее борьбе за расширение «жизненного пространства» за счет части чехословацкой территории. 15 сентября 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен встретился с Гитлером в Берхтесгадене (Германия) и заверил его в своем стремлении к «германо-английскому сближению» и готовности ради этого признать включение судето-немецких областей в состав Германии⁹³. 22—23 сентября Чемберлен снова встретился с Гитлером в Годесберге. Гитлер потребовал от

него, чтобы ввод немецких войск в Судеты был осуществлен Германией не позднее 1 октября. Чемберлен согласился на это.

28 сентября Муссолини сообщил Гитлеру, что по просьбе Великобритании он выступит посредником на конференции, посвященной решению судетской проблемы.

Фатальным политическим событием, которое в итоге привело ко Второй мировой войне, явилась Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 г.). В Мюнхене Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье предписали правительству Чехословакии передать Германии в десятидневный срок около 75 % территории страны. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, а новая граница теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этому диктату правительства Чехословакии во внимание не принималось.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий (США поддержали мюнхенскую сделку). В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, по сути являющиеся пактами о ненападении, которые она, однако, не собиралась выполнять.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которого могли бы составить советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи.

Важно подчеркнуть три особенности Мюнхенского соглашения:

— во-первых, это был согласованный диктат Германии и Англии (Франция и Италия следовали в фарватере своих партнеров);

— во-вторых, соучастниками сговора и раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую область, Венгрия — южные районы Словакии;

— в-третьих, Советский Союз оказался в изоляции. Предпринятые им меры в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии, которая капитулировала в условиях диктата.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия — с другой, преследовали Мюнхенским соглашением различные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату Чехословакии и дальнейшему движению на восток. Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих захватнических планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок за счет Чехословакии умиротворить Германию, ослабить рядя ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии. Советская разведка сообщила в Москву, что перед отлетом из Мюнхена Чемберлен еще раз встретился с Гитлером, который заявил: «Для нападения на СССР у нас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах»⁹⁴.

Таким образом, Версальско-Вашингтонская система мира, установленная после Первой мировой войны, только временно стабилизировала международную обстановку. С образованием в 1922 г. СССР историческое противостояние Европы и России усилилось межформационным противоречием «капитализм-социализм». Советское руководство в это время вело дипломатическую борьбу за признание и утверждение международного положения страны. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. прервал послевоенную стабилизацию, привел к рождению фашистских режимов в ряде стран и к обострению всех международных противоречий. Каждая страна стремилась обеспечить свою безопасность и решение поставленных геополитических целей заключением взаимных соглашений. Так образовался новый, теперь фашистский блок из бывших побежденных государств. Политика блока бывших победителей в Первой мировой войне (Великобритания, Франция и США) как и фашистского блока носила антисоветскую направленность. От ликвидации Версальских ограничений по Германии и до Мюнхенских соглашений — таков итог дипломатических игр западных держав. Постоянно разыгрывая при этом «советскую карту», они постепенно направляли и поощряли фашистскую агрессию против СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Wörterbuch zur deutschen Militärgeschichte. В., 1983. S. 814–815, 1070–1071.
- ² Сен-Жерменский мирный договор / Полный пер. с франц. М., 1925.
- ³ Мир в Нейи / Полный пер. с франц. М., 1926.
- ⁴ Трианонский мирный договор / Полный пер. с франц. М., 1926.
- ⁵ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне / Полный пер. с франц. М., 1927.
- ⁶ Версальский мирный договор / Пер. с франц. М., 1925. С. 9–13.
- ⁷ Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958. С. 58.
- ⁸ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам / Полный пер. актов и док. М., 1924.
- ⁹ См.: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Ист. очерк. М., 2005. С. 613.
- ¹⁰ Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 10.
- ¹¹ Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988. С. 6–7.
- ¹² Современный взгляд специалистов на историю Брестского мирного договора см.: Чубарьян А. О. К истории Брестского мира 1918 г. // Этот противоречивый век. М., 2001. С. 131–142; Игнатьев А. В. Была ли альтернатива Бресту? // Там же. С. 143–151; Шубин А. В. Брестский мир: раздвоение стратегии // Германия и Россия в судьбе историка. М., 2008. С. 143–170.
- ¹³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). М., 1959. Т. III. С. 56.
- ¹⁴ Хормач И. А. СССР — Италия. 1924–1939. Дипломатические и экономические отношения. М., 1999. С. 23, 65.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 352–353.
- ¹⁶ Meier-Welcker H. Seckt. Frankfurt a. M., 1967. S. 294–295.
- ¹⁷ Groeler O. Selbstmörderischer Allianz: Deutsch-russische Militärbeziehungen, 1920–1941. В., 1992. S. 34.
- ¹⁸ ДВП СССР. М., 1961. Т. V. С. 193.
- ¹⁹ Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. В., 1929. S. 364–369.
- ²⁰ Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1994. Т. II. С. 706–707.
- ²¹ Россия и Германия. М., 1998. Вып. I. С. 286–287.
- ²² Meier-Welcker H. Op. cit. S. 356.
- ²³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1966. Bd. 3. S. 356.
- ²⁴ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. В., 1974. Bd. 1. S. 37.
- ²⁵ Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. М., 1985. С. 35–36.
- ²⁶ Пыхалов И. В. Великая обманная война. М., 2005. С. 199–200.
- ²⁷ Groeler O. Op. cit. S. 39–41.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Рейхсвер и Красная армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1923–1933. Кобленц, 1995. С. 126.
- ³⁰ ДВП СССР. М., 1963. Т. VIII. С. 72–73.
- ³¹ Meier-Welcker H. Op. cit. S. 475.
- ³² Ibid. S. 473–476; Hirsch F. Stresemann: Ein Lebensbild. Göttingen, 1972. S. 198–199.
- ³³ См.: Локарнская конференция: Документы. М., 1959.
- ³⁴ Dokumente zur deutschen Geschichte, 1924–1929. В., 1971. S. 27, 59.

- ³⁵ Локарнская конференция. С. 497.
- ³⁶ ДВП СССР. М., 1965. Т. IX. С. 252.
- ³⁷ Там же. С. 231, 303.
- ³⁸ *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbands, 1890–1939. Wiesbaden, 1954. S. 195.
- ³⁹ Dokumente zur deutsche Geshichte. 1929–1933. В., 1975. S. 25.
- ⁴⁰ Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947– 949. Vol. XXVI. P. 477–481 (далее — ИМТ).
- ⁴¹ *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1940. Bd. II. S. 252.
- ⁴² Ibid. S. 264, 308–309; *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. München., 1934. S. 113, 649.
- ⁴³ *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. München. 1927. S. 35, 97.
- ⁴⁴ Hitlers Zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 130.
- ⁴⁵ Ibid. S. 216–217.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Aussenpolitik. S. 69, 80, 84.
- ⁴⁸ См.: Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 15.
- ⁴⁹ См.: *Овсяный А. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975. С. 27–28.
- ⁵⁰ Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 52.
- ⁵¹ Там же. С. 51.
- ⁵² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. 2. С. 194–195.
- ⁵³ Кризис и война: Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М., 1998. С. 43–46.
- ⁵⁴ Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 54.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 62.
- ⁵⁷ Dokumente zur deutschen Geshichte. 1929–1933. S. 43.
- ⁵⁸ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1966. Bd. 4. S. 380; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 63.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Сборник документов по международной политике и международному праву. М., 1934. Вып. 6. С. 71.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² *Hauser O.* England und Dritten Reich. Stuttgart, 1971. Bd. 1. S. 22–23.
- ⁶³ Архив внешней политики РФ. Ф. 098. Оп. 16. Д. 615. П. 136. Л. 33 (далее — АВП РФ).
- ⁶⁴ Россия и Германия. Вып. 1. С. 297.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2005. С. 11.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 19. Д. 22. Л. 37.
- ⁶⁸ ДВП СССР. М., 1976. Т. XVI. С. 876.
- ⁶⁹ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 19. Д. 22. Л. 17.
- ⁷⁰ Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980. С. 116.
- ⁷¹ Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988. С. 689–690.
- ⁷² *Hauser O.* Op. cit. S. 47.
- ⁷³ Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialisms auf die Aggression gegen die UdSSR (1933–1941). В., 1970. S. 26.
- ⁷⁴ ДВП СССР. М., 1973. Т. XVIII. С. 309, 336.
- ⁷⁵ *Schmidt P.* Statist auf diplomatischen Bühne, 1923–1945. Bonn, 1950. S. 310.
- ⁷⁶ См.: 1939 год: Уроки истории. М., 1989. С. 61.
- ⁷⁷ VII конгресс Коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М., 1975. С. 368–373, 385–390.
- ⁷⁸ *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 10. С. 106.
- ⁷⁹ Европа XX века: Проблемы мира и безопасности. С. 70.

- ⁸⁰ Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. В., о. J. Bd. XI. S. 590–593.
- ⁸¹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 8. Д. 1 (363). П. 130ф. Л. 165.
- ⁸² Там же. Ф. 098. Оп. 14. Д. 657. П. 141. Л. 3–6.
- ⁸³ The National Archiv of United States: A microfilm Publication. Т. 20-337. Р. 246242 (Далее — NAUS).
- ⁸⁴ Ibid. Р. 246198.
- ⁸⁵ См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 125–127.
- ⁸⁶ Ursachen und Folgen. Bd. XI. S. 620–621.
- ⁸⁷ Ibid. S. 679–670.
- ⁸⁸ IMT. Vol. XXV. P. 416.
- ⁸⁹ Причины Второй мировой войны. Документы и комментарии. С. 388–390; см. также: *Неизвестный Гитлер* / Пер. с нем. М., 2005. С. 52, 399–400.
- ⁹⁰ ДВП СССР. М., 1977. Т. XXI. С. 128–129.
- ⁹¹ *Die Weizsäcker-Papiere, 1933–1950.* Stuttgart, 1974. S. 125.
- ⁹² *Hass G. Münchner Diktat 1938.* В., 1988. S. 159.
- ⁹³ Ibid. S. 220–221.
- ⁹⁴ Независимое военное обозрение. 2000. № 23. С. 5.

Обострение обстановки в Азии и на Тихом океане. Японская угроза на Дальнем Востоке

К середине XIX в. колониальные державы покорили практически все населявшие Восточную Азию народы, превратив их земли в колонии. Не до конца поделенным оставался только Китай, где эти державы владели концессиями и «арендовали» территории. В известной степени благодаря политике самоизоляции сохраняла суверенитет Япония, которая всеми силами противилась активной международной торговле, небезосновательно опасаясь разрушения внутреннего рынка и попадания в экономическую, а затем и в политическую зависимость от западных государств. Со своей стороны, превосходившие Японию в экономическом и военном отношении западноевропейские страны и США не рассматривали эту находившуюся во власти феодальных порядков дальневосточную страну равным себе партнером, стремясь установить в этой стране полуколониальные порядки.

Ситуация стала меняться после произошедшей в 1868 г. незавершенной буржуазной революции — «реставрации Мэйдзи», ознаменовавшей переход Японии к капитализму и созданию современных вооруженных сил. Победа Японии в развязанной ею войне в Китае (1894–1895), успешные военные действия армии и флота против России (1904–1905), захват ряда германских владений в годы Первой мировой войны, активное участие в вооруженной интервенции против Советской России (1918–1922) выдвинули это государство в число военных держав мира. Помогавшие материально и политически военному возвышению Японии западные державы скоро поняли, что Токио не удовлетворится достигнутым и будет добиваться контроля над богатыми сырьевыми ресурсами территориями Восточной Азии и Тихого океана, создавая угрозу уже поделившим этот регион европейским колониальным державам и не допуская туда США. Пытаясь оправдать переход Токио к агрессивной внешней политике, современные японские авторы пишут: «Япония заразилась хищнической манерой поведения других держав Европы и Америки. Пожалуй, можно считать, что типичным примером этого является Японо-китайская война (1894–1895). Одержав победу, Япония отторгла от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров»¹. С тех пор бедная сырьевыми ресурсами Япония считала отторжение чужих территорий естественной манерой поведения в мировой конкурентной борьбе. В японской прессе прямо указывалось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны».

В декабре 1920 г. В. И. Ленин предсказал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определенных указаний на то, как это столкновение растёт и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»²

Главной ареной борьбы был Китай, где в первую очередь сталкивались интересы западных держав и Японии, которых объединяло алчное стремление грабить эту страну, подавляя сопротивление китайского народа засилью иностранцев. Характеризуя эту ситуацию, американский сенатор У. Бора отмечал: «Невозможно передать словами то, как... иностранный капитал в Китае эксплуатирует человека. Нет другого места на земле, кроме Китая, где бы так успешно чеканились доллары и центы из крови беспомощных детей»³.

Неизбежность военного столкновения из-за Китая сознавали как японцы, так европейцы и американцы. В Вашингтоне понимали, что Япония не откажется без боя от богатств этой крупнейшей азиатской страны, изобиловавшей не только природными ресурсами, но и дешевой рабочей силой. В 1924 г. в США был утвержден план военных действий против Японии, получивший название «Оранжевый план». В его основу была положена стратегическая идея обладания превосходством военно-морского флота США над японскими силами в западной части Тихого океана и создания на Филиппинах плацдарма для нанесения удара по Японии. Достижению поставленной цели должны были способствовать результаты Вашингтонской конференции 1922 г., согласно которым совокупные тоннажи линкоров США, Великобритании, Японии, Франции и Италии соотносились в пропорции 5:5:3:1,75:1,75.

Хотя в Токио выражали недовольство подобной «несправедливостью и ущемлением Японии», а в военно-исторической литературе и по сей день можно встретить утверждения о диктате на конференции США и Великобритании, в действительности японцы пошли на такие пропорции из-за неспособности экономически выполнить план строительства флота «8×8», предусматривавший наличие в строю восьми линкоров и восьми линейных крейсеров, ибо к 1921 г. расходы на военно-морской флот достигли трети национального бюджета, а общие затраты на вооружение составили 60 % от бюджета и дальше их увеличивать было невозможно⁴.

Несмотря на достигнутые договоренности, в Японии рассматривали западные державы как потенциальных военных противников. На проходивших в 1923 г. совещаниях военнополитического руководства, возглавляемых императором, вырабатывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления вооруженной экспансии Японии — северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась в основном на сухопутные войска, против США — на военно-морской флот.

Однако в те годы война с США и Великобританией рассматривалась как теоретическая возможность, которая могла быть реализована в неопределенном будущем при условии изменения ситуации и соотношения сил в пользу Японии. Поэтому, не желая раньше времени обострять отношения с западными державами, Япония согласилась и на условия Лондонской морской конференции 1930 г. Тогда между США и Японией было достигнуто компромиссное соглашение: 1) Япония сохраняла 60 % тоннажа США в категории тяжелых крейсеров; 2) в отношении легких крейсеров и эсминцев Япония получала норму, равную 70 % тоннажа США; 3) Япония получала предельный тоннаж подводных лодок, равный предельному тоннажу США и Великобритании. При этом Япония в принципе не отказывалась от своего требования на постоянную норму в 70 % тоннажа США в тяжелых крейсерах⁵.

Учитывая, что США приходилось размещать свой флот как на Тихом, так и на Атлантическом океане, а Японии — только на Тихом, можно считать, что при достигнутом соотношении сил Токио оказывался даже в более выгодном положении, чем американцы. Тем более что японцы не считали достигнутые договоренности окончательными. Принимавший участие в Лондонской конференции будущий главнокомандующий японским объединенным флотом адмирал И. Ямамото незадолго до следующей конференции по морским вооружениям 1935 г. писал: «Япония стала неизмеримо сильнее со времени Вашингтонской конференции,

и я остро ощущаю: пришло время для могущественной империи, встающей на Востоке, посвятить себя, со всей требуемой осмотрительностью, продвижению вперед, к своей удаче... Перед нами сейчас стоит задача спокойно и обстоятельно накапливать нашу мощь. Даже если эта конференция окажется безуспешной, я чувствую — недалек тот день, когда Британия и США будут нам кланяться. Для морского флота сейчас самая срочная задача — обеспечить быстрый прогресс в авиации»⁶.

В конце 1920-х гг. Япония была озабочена не столько подготовкой к войне против США и западноевропейских держав, сколько обеспечением их нейтралитета в отношении последовательного завоевания Китая. Тогда в обстановке приближавшегося экономического кризиса японские правящие круги стремились разрешить внутренние трудности за счет внешней экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике государства военные круги добились в апреле 1927 г. сформирования кабинета, который возглавил известный своими широкими планами внешних завоеваний генерал Г. Танака. Он же стал министром иностранных дел и колоний Японии.

27 июня 1927 г. в Токио начала работу так называемая Восточная конференция, в которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также дипломатические работники, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции являлась выработка политики в отношении Китая. Обсуждение было вызвано не только целями расширения экономического проникновения в эту страну, но и стремлением силовым путем подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской республики на Дальнем Востоке японским военно-политическим руководством ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону». Впоследствии в такую «особую зону» была включена и Монголия.

По итогам Восточной конференции 7 июля 1927 г. был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которого состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...»⁷

Подлинный смысл данного положения документа раскрыл один из организаторов Восточной конференции, заместитель министра иностранных дел Японии К. Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На этих территориях предполагалось создать марионеточные государства. Мори говорил о том, что, какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, на них должна «обрушиться вся государственная мощь» Японии. «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», — указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»⁸.

Овладение Маньчжурией отвечало как чисто экономическим, так и военно-стратегическим замыслам японского руководства. Если японские политики и крупные капиталисты заявляли, что «Японии не выдержать длительной войны с Россией без китайского сырья», то генералы замыслили превратить территорию Маньчжурии в мощный военный плацдарм для будущего наступления на сопредельные страны — Китай и СССР. Захват и колониальная эксплуатация Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) должны были быстро разрешить экономические проблемы Японии, обеспечить сырьем и материалами армию и флот. На долю этого наиболее развитого района Китая приходилось 93 % добычи нефти, 79 % выплавки железа, 55 % добычи золота, 41 % железнодорожных линий, 37 % запасов железной руды, 23 % выработки электроэнергии и 37 % внешнеторгового оборота Китая.

Стремясь получить передышку для восстановления разрушенной Гражданской войной и иностранной интервенцией экономики страны и считая себя неготовым к масштабным военным столкновениям, советское правительство изыскивало возможности обезопасить границы СССР, в том числе на Дальнем Востоке. В мае 1927 г. Москва официально обратилась к японскому правительству с инициативой заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»⁹.

На принятие такого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия по поводу дальнейшей политики в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале на северо-востоке, затем на севере Китая и в провинции Синьцзянь. До укрепления Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать развертыванию экспансии Японии в Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информировав советское правительство о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А. А. Трояновский писал: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»¹⁰. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время».

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически не готова к серьезной войне с СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в России, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Тогда японские генералы, как пишут официальные историки Страны восходящего солнца, «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»¹¹.

Учитывалось также, что к началу 1930-х гг. в Японии не была создана надлежащая для современной войны экономическая база и еще не закончился процесс реорганизации и перевооружения вооруженных сил. Основное место в промышленной структуре страны занимало текстильное производство, в котором в 1930 г. было занято 50 % общего числа рабочих. Стоимость продукции промышленности, производящей средства производства, достигала лишь 30 % общей стоимости всего выпуска этой отрасли. В Японии существовало большое число мелких предприятий. В 1929 г. на крупных предприятиях было занято немного более половины рабочего класса страны. Металлургия и машиностроение были развиты слабо. В стране не было собственной железной руды, хлопка, цветных металлов. Нефть имелась в незначительном количестве, уголь, хотя и добывался, был низкого качества. Проблему дефицита сырья намеревались разрешить благодаря эксплуатации недр Маньчжурии.

Приступая к новому этапу расширения колониальной империи (в состав империи тогда уже входили в качестве колоний архипелаг Рюкю, Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения на Тихом океане), японское правительство и командование тщательно выбирали момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире в 1929 г. экономическим кризисом. В Токио учитывали, что занятия внутренними задачами выхода из кризиса западные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Принимали во внимание также, что для Советского Союза было важно обеспечить мирные условия для экономического развития страны, поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

После завершения необходимых приготовлений 18 сентября 1931 г. японские вооруженные силы спровоцировали так называемый маньчжурский инцидент, и через три месяца военных действий вся территория Северо-Восточного Китая была оккупирована японской

армией. Захват Маньчжурии был чрезвычайно крупной по своим последствиям акцией в плане расширения колониальной империи Японии. Этого не могли не понимать как в соседнем Советском Союзе, так и в столицах западных государств.

Опасаясь реакции Запада на открытую агрессивную акцию в Китае, японское руководство убеждало правительства США и Великобритании, что оккупация Маньчжурии в 1931 г. и создание затем на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-Го являются необходимыми для подготовки будущей войны против СССР. Еще до оккупации Маньчжурии в июле 1931 г. в японской прессе было опубликовано выступление влиятельного генерала К. Койсо на заседании кабинета министров, в котором говорилось, что «выполнение (в СССР) пятилетки создает серьезную угрозу Японии... Ввиду этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения»¹². При этом широко использовалась риторика о возрастании «коммунистической угрозы». Следует отметить, что подобная японская пропаганда возымела свой эффект.

Правительства западных держав всерьез поверили, что дальнейшая экспансия Японии будет направлена не на юг, а на север. Во второй половине октября 1931 г. на заседании правительства президент США Г. Гувер изложил свои взгляды, которые затем были оформлены в специальном меморандуме. «Предположим, — писал Гувер, — Япония наберется смелости и заявит: «Больше мы не можем терпеть эти договоры. Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривается договорами. Значительная часть территории Китая находится под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках военного авантюриста, не признающего китайское правительство, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиниться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо. Само существование нашего народа зависит от расширения экспорта наших промышленных товаров в Китай и от гарантии поставок сырья из этой страны. Сегодня наша экономика почти парализована в связи с тем, что в Китае происходят беспорядки. Кроме того, при наличии большевистской России на севере и возможности появления на нашем фланге большевистского Китая наша независимость окажется под угрозой. Либо страны, поставившие свои подписи под пактом девяти держав, должны объединиться с нами и восстановить в Китае порядок, либо мы должны сделать это сами в качестве акта самосохранения. Если вы к нам не присоединитесь, мы будем считать себя свободными от взятых обязательств, поскольку ныне обстановка полностью изменилась». Америка, разумеется, не приняла бы такое предложение, но и не смогла бы выдвинуть серьезные возражения против этого шага японцев»¹³.

В результате правительство США не предприняло ни военных, ни экономических санкций в ответ на агрессивные действия Японии в Китае.

Европейские державы занимали аналогичную позицию. Они не только не противились агрессии японцев, но фактически поддерживали их. Английская «Таймс» писала 14 ноября 1931 г., что «с политической и экономической точки зрения действия Японии имеют значительное оправдание». О надеждах на использование оккупированной Маньчжурии для войны с СССР открыто писала французская «Либерте»: «Советская держава уязвима в Сибири. И если Европа поймет свой долг перед цивилизацией, то бесконечные степи Сибири могут стать в ближайшие дни полем битвы, в которой погибнет большевизм»¹⁴.

Не пожелала применить к Японии экономические и военные санкции Лига Наций. Фактически руководившие этой, созданной после Первой мировой войны международной организацией ведущие западноевропейские государства отделались словесным осуждением. Была занята двойственная позиция. Лига Наций, подтвердив суверенитет Китая над оккупированными территориями и призвав Токио вывести оттуда японские войска, в то же время признала «особые интересы» Японии в Маньчжурии.

Однако в западных столицах не могли не сознавать, что экспансионистские планы Японии не ограничиваются захватом советских дальневосточных территорий, а предусматривают широкое продвижение в южном направлении под лозунгом «Азия для азиатов». Одним из

свидетельств того было принятие конгрессом США в 1933 г. решения об ассигновании бюджетных средств на строительство 32 новых военных кораблей. Это явилось сигналом того, что американцы не смиряются с господством Японии в Восточной Азии и будут противодействовать Токио, не останавливаясь перед мерами военного давления.

Оккупация японской армией Маньчжурии оказала существенное влияние на последующее развитие советско-японских отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Ёсидзавой, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»¹⁵.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того (впоследствии посол в СССР и министр иностранных дел Японии), говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»¹⁶.

В конце 1932 г. император Японии, являвшийся главнокомандующим японскими армией и флотом, одобрил разработанный генеральным штабом план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны основные удары предусматривались с территории Маньчжоу-Го, и оккупации подлежали не только Приморье, как ранее, но и вся территория к востоку от озера Байкал.

Вопрос о будущей войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны»¹⁷. Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления. Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба (разведуправление) Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии». Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предлагалось воспользоваться заинтересованностью советского правительства в улучшении советско-японских отношений и изучить условия заключения пакта о ненападении с СССР.

Главный смысл предложений сторонников серьезной подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство участников совещания, хотя и понимали важность «китайского фактора», проголосовали за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который был определен армией как «противник номер один».

Замыслы японских армейских офицеров и генералов не остались незамеченными в столицах западных держав, которые были заинтересованы в военной конфронтации Японии с СССР и пытались ее стимулировать. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепарта-

мент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше». В октябре 1933 г. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»¹⁸.

В Советском Союзе верно расценивали складывавшуюся обстановку. 3 марта 1933 г. заместитель наркома иностранных дел Л. М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»¹⁹

Следует отметить, что в начале 1930-х гг. реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы — Великобритания, Франция и США — в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами. Поэтому трудно было рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии в Китае. Препятствовало сотрудничеству с западными державами на Дальнем Востоке и то, что Вашингтон отказывался признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

Ситуация не изменилась и после того, как администрация президента Ф. Рузвельта в 1933 г. пошла на установление с СССР дипломатических отношений. Тогда американцы не проявили активности в отношении сделанного в 1934 г. советским правительством предложения о заключении «Тихоокеанского пакта» о ненападении, в котором приняли бы участие США, СССР, Япония и Китай. Едва ли согласились бы на такой пакт и правящие круги Японии, которые, игнорируя решения Лиги Наций, приступили к расширению подготовки вооруженных сил и страны в целом к «большой» войне в Китае, не останавливаясь перед опасностью столкновения со способными воспрепятствовать этому СССР и США.

В 1936 г. правительство и военное командование Японии приняли решение о необходимости активизировать подготовку к войне на двух ранее избранных направлениях: северном — против СССР и южном — против США, Великобритании, Франции и Голландии. Продолжение агрессивной политики в Китае рассматривалось как составная часть экспансии на юг. Это нашло отражение в принятых в июне 1936 г. двух документах японского правительства «Курс на оборону империи» и «Программа использования вооруженных сил». В них было решено «считать главными потенциальными противниками США и Советский Союз, а также следующими по важности за ними — Китай и Великобританию»²⁰. Исходя из этого, ставилась задача резко увеличить мощь армии и флота. Предусматривалось иметь в сухопутных силах 50 дивизий и 142 авиационные эскадрильи, в ВМС 12 линкоров, 12 авианосцев, 96 эсминцев, 70 подводных лодок, 65 авиаотрядов морской авиации. Это была программа небывалого увеличения вооруженных сил. К 1936 г. японская армия имела лишь 17 дивизий, а флот — 9 линкоров и 4 авианосца.

Летом того же года японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран Южных морей. Политические цели империи были сформулированы в принятом кабинетом министров 7 августа 1936 г. документе «Основные принципы национальной политики». В нем провозглашалось превращение Японии «номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, в которой говорилось: «В данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений»²¹. Вслед за этим японский генеральный штаб наряду с разработкой планов войны против СССР приступил к планированию операций по овладению Северным Китаем. В Токио считали, что с военной точки зрения Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей.

Идеологическое обоснование агрессии использовалось для прикрытия алчных планов грабежа подлежащих захвату японской армией стран и территорий. Современные американские исследователи признают: «Лишь теперь (к своему немалому удивлению) мы наконец сознаем, насколько война в Тихом океане зависела от собственно экономических appetites финансово-промышленной элиты, а не только от “отбившегося от рук японского милитаризма”. Или, говоря иначе, войну опрометчиво развязали японские милитаристы, заручившиеся поддержкой национального бизнеса. Японская властная верхушка соблазнялась радужной перспективой наискорейшего обогащения. Разве могла ее армия устоять перед подобным соблазном? В Токио до начала войны не стихали экзальтированные дискуссии о том, как именно следует изгонять западных империалистов из Азии, о планах Японии по созданию восточноазиатской сферы совместного процветания... На деле все обернулось грабежом “сферы” под прицелом японского орудийного дула. Остановись Япония на Маньчжурии и Корее, Запад определенно не возражал бы против “сохранения этих территорий” в составе “Большой Японии” на постоянной основе»²².

Готовясь к расширению агрессии в Китае и обострению в связи с этим отношений с США и СССР, японское военно-политическое руководство озаботилось обретением влиятельных союзников в Европе, политика которых могла бы сдерживать западные державы в их противодействии Японии. После прихода к власти в Германии гитлеровского руководства японские правящие круги сразу же стали искать пути сближения с нацистами. Уже в феврале — марте 1933 г. после выхода Японии из Лиги Наций глава объявившей об этом японской делегации Ё. Мацуока нанес визит в Берлин. Там в публичном заявлении он назвал Германию «единственной страной, имеющей столько исторических параллелей с Японией, также борющейся за свое место в мире».

Со своей стороны, германское руководство видело в Японии потенциального союзника, способного создать второй фронт при столкновении Германии с СССР или с США. Поэтому А. Гитлер и его окружение с самого начала после прихода к власти изучали возможность военно-политического или чисто военного союза с Японией. В 1935 г. фюрер лично выступил с предложением заключить подобный альянс. Это предложение особенно пришлось по душе командованию японских сухопутных сил, которое нацеливалось на войну с Советским Союзом, но опасалось бороться с ним в одиночку. Военный атташе японского посольства в Москве настойчиво рекомендовал правительству «вовлечь западных соседей и другие государства в войну против СССР»²³.

Однако более осторожные японские политики и представители крупного бизнеса считали неразумным связывать себя прямыми военными обязательствами с наиболее агрессивным государством Европы, дабы не обострять раньше времени отношения с Великобританией и США, в торговле с которыми Япония была весьма заинтересована. Не способствовало быстрому заключению военного союза и то, что Германия была одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок и поднимала вопрос о судьбе бывших колоний Германии в Тихом океане, которые были переданы Японии по Версальскому мирному договору.

Стремясь избежать прямого указания стран, против которых замышлялся германо-японский альянс, Берлин и Токио прибегли к уловке, оформив его как направленный «на борьбу с подрывной деятельностью Коммунистического интернационала». Это позволило придать объединению двух стран видимость не столько военного, сколько идеологического союза. Заметим, что в данный период руководство Советского Союза, против которого направлялся альянс, заботила не столько перспектива «мировой революции», сколько оборона собственной страны, причем на двух отдаленных друг от друга направлениях — европейском и дальневосточном. По поводу мировой революции советский лидер И. В. Сталин в уже упоминавшемся интервью в марте 1936 г. американскому журналисту Р. Говарду опроверг планы экспорта революции²⁴.

Заключенное 25 ноября 1936 г. в Берлине сроком на пять лет германо-японское «Соглашение против Коммунистического интернационала» более известно под названием

Антикоминтерновский пакт. Германия и Япония обязались совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». При этом антисоветская направленность пакта не вызывала сомнения. Как указывалось Токийским трибуналом, этот пакт был «своим острием направлен против Союза Советских Социалистических Республик». Через год одним из основных участников альянса стала также фашистская Италия.

Содержание пакта раскрывает приложенное к нему «секретное соглашение». В нем говорилось: «В случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик. В случае возникновения указанной выше ситуации, договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты общих интересов»²⁵. Вслед за заключением пакта было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве между Японией и Германией.

Учитывая, что как японское, так и германское военное-политические руководства едва ли всерьез опасались нападения Советского Союза, который своими внешнеполитическими акциями продолжал демонстрировать заинтересованность в сохранении мирных условий для социально-экономического развития страны, нетрудно понять истинный смысл «секретного соглашения». Перед заключением пакта в секретном документе японского правительства от 7 августа 1936 г. было записано: «В отношении Советского Союза интересы Германии и Японии в основном совпадают... Наше сотрудничество необходимо направить на обеспечение обороны страны и осуществление мероприятий по борьбе с красными». 25 ноября 1936 г. министр иностранных дел Японии Х. Арита на заседании Тайного совета, который одобрил заключение Антикоминтерновского пакта, заявил: «Отныне Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией»²⁶.

Хотя антикоммунистическая направленность пакта вселяла надежду западным политикам на перспективу вовлечения Германии и Японии в вооруженную борьбу с Советским Союзом, наиболее дальновидные из них понимали, что факт тесного сближения агрессивных держав мира может обернуться опасностью и для западных держав. Было очевидно, что вознамерившиеся перекроить карту мира Германия и Япония не удовлетворятся завоеванием СССР, а будут стремиться к мировому господству, ниспровержению руководящей роли «старых» колониальных держав и США. Эти опасения весьма быстро стали оправдываться. В Германии начали готовить «воссоединение с германским рейхом» Австрии, аннексию Чехословакии, разгром Франции. Получив набравшего военную мощь союзника в Европе, японцы уже меньше оглядывались на западные державы в своих планах последовательного завоевания всего Китая. Проверкой их реакции должно было стать дальнейшее военное продвижение из Маньчжурии в Китай.

Разработанный в 1936–1937 гг. японским генеральным штабом план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки — трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае — одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию²⁷. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца.

Оккупация Китая Японией означала ущемление интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок был весьма важен для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 37 %²⁸. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес

США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 %. Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, инвестиции которой в этой стране составляли в 1936 г. 1141 млн долларов²⁹.

В Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 1930-х гг. в стране была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии К. Хирота заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма»³⁰. Японские лидеры рассчитывали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии в Восточной Азии, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы вновь не окажут сопротивления японской агрессии.

Однако, поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивавшая невмешательство в войну этих держав. В связи с этим военно-морское министерство и главный морской штаб Японии 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». В отношении США предусматривалось «обратить самое серьезное внимание (этой страны) на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»³¹.

Как показали последующие события, расчеты Токио в значительной степени оправдались. После начала 7 июля 1937 г. в результате спровоцированной японцами перестрелки на мосту Лугоуцяо (Марко Поло) близ Пекина полномасштабной войны Японии в Китае американский посол в Японии Дж. Грю телеграфировал 14 июля в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией»³². Тем не менее правительство США считало, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует переписка американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Посол Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: «Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Н. Джонсона. — *Прим. ред.*), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта»³³. Посол рекомендовал правительству США «избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы». При этом подчеркивалась необходимость «предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией». Грю считал, что политика умиротворения будет оценена японцами, которые «не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы»³⁴.

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госдепартамент положительно оценил точку зрения Дж. Грю. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала военных действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не

намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: «Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие обязательств...» Не делая разницы между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая «к сдержанности в интересах мира во всем мире». Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США «желают избежать малейшего вмешательства»³⁵.

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: «Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае»³⁶. Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М. М. Славуцкому: «Мы точно осведомлены о том, что Япония перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании»³⁷.

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав — Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел Э. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством»³⁸. Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Ф. Рузвельту премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен рассуждал: «Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь согласия с Японией?»³⁹

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основным смысл его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии приведут лишь к повышению роли военных в японской политике, а значит, к усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция, ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос в беседе с послом США в Париже В. Буллитом заявил, что «по его мнению, японское наступление в конечном счете направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу), для того чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дебольс рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами⁴⁰.

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая — Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента

американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Однако японцы игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае глава китайского правительства Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию — это совместные действия США, Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой — взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший независимость и целостность Китая. Чан Кайши настойчиво призывал западные державы к сотрудничеству «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка — полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае.

В Токио Англия сделала «дружественные» представления японскому правительству. Во всяком случае, Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются.

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»⁴¹.

Оправдались расчеты Токио и на то, что крупный капитал США и отражающее его интересы правительство постараются сохранить с Японией отношения «экономической взаимозависимости».

Планируя войну в Китае, японские лидеры опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запрещать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели для Японии жизненно важное значение. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики»⁴².

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию за инцидент. В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

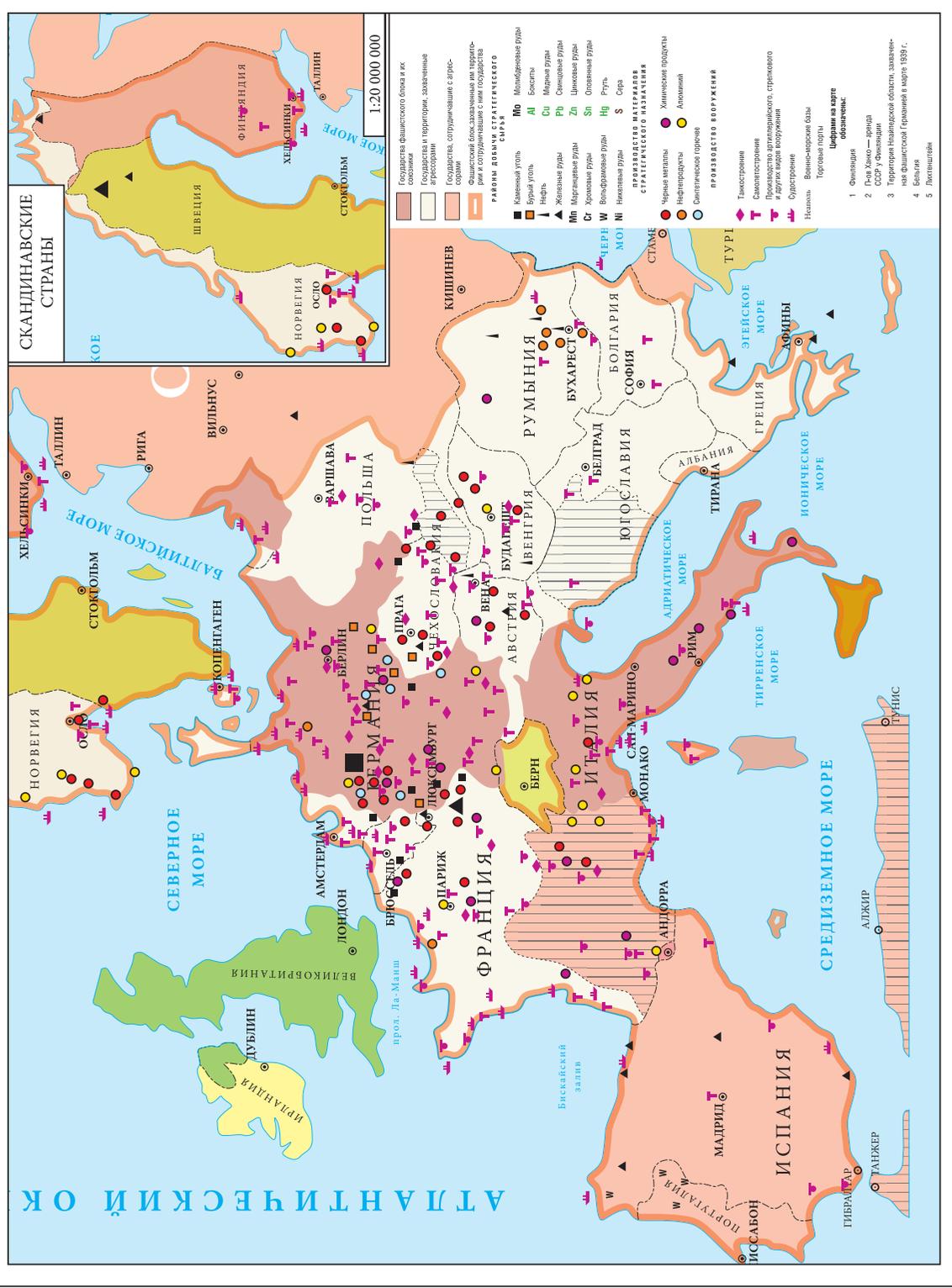
В свою очередь, монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в два-три раза. При этом если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 %, то экспорт военных материалов за тот же период возрос на 124 %. Военные материалы составляли 58,5 % от общего экспорта США в Японию. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим мирным годом в следующих размерах: по железнному и стальному лому — в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним — в 2,5 раза, метал-

ФАШИСТСКИЙ БЛОК В ЕВРОПЕ к июню 1941 г.

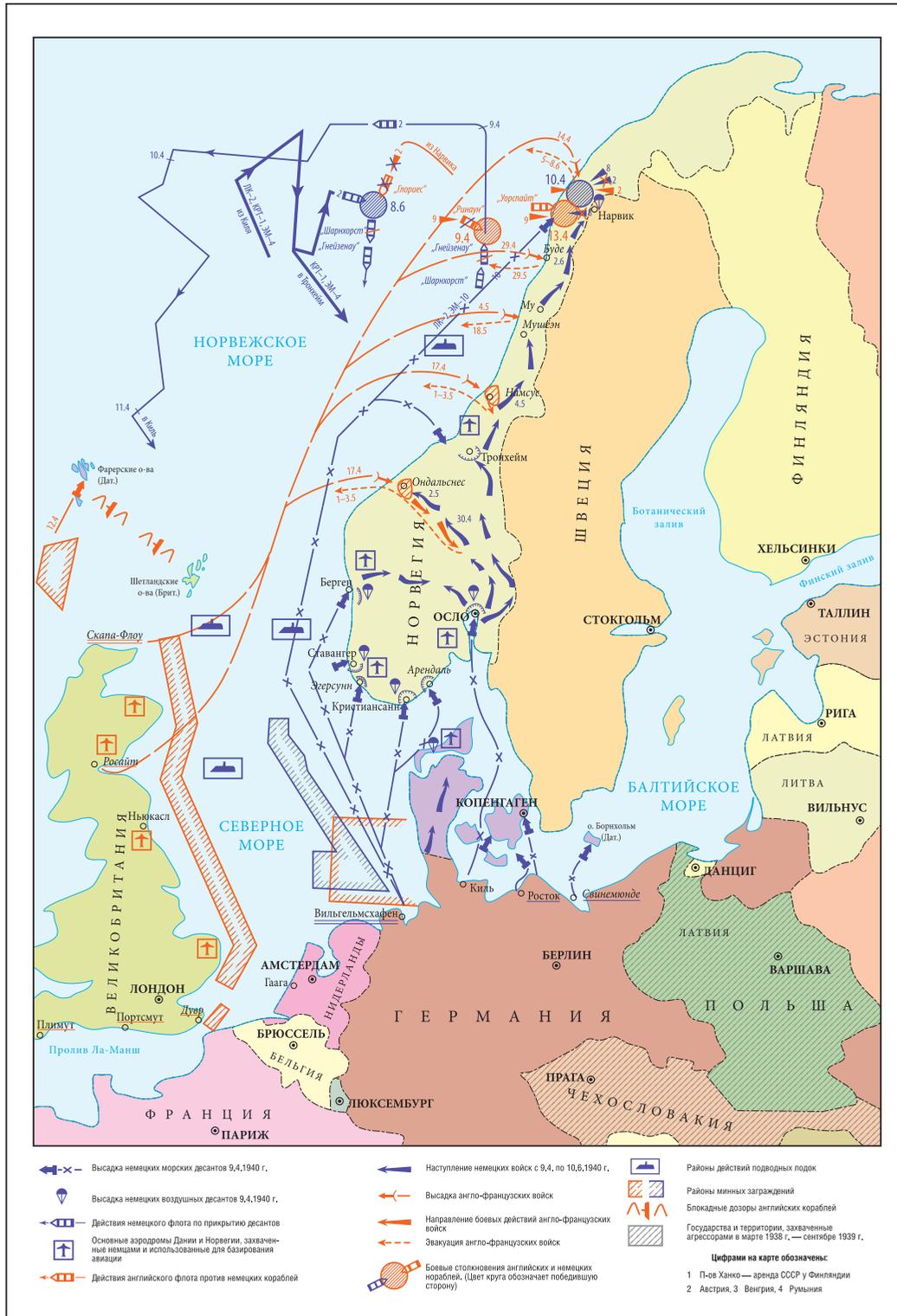
1:25 000 000

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ БАЗА ФАШИСТСКОГО БЛОКА В ЕВРОПЕ к июню 1941 г.

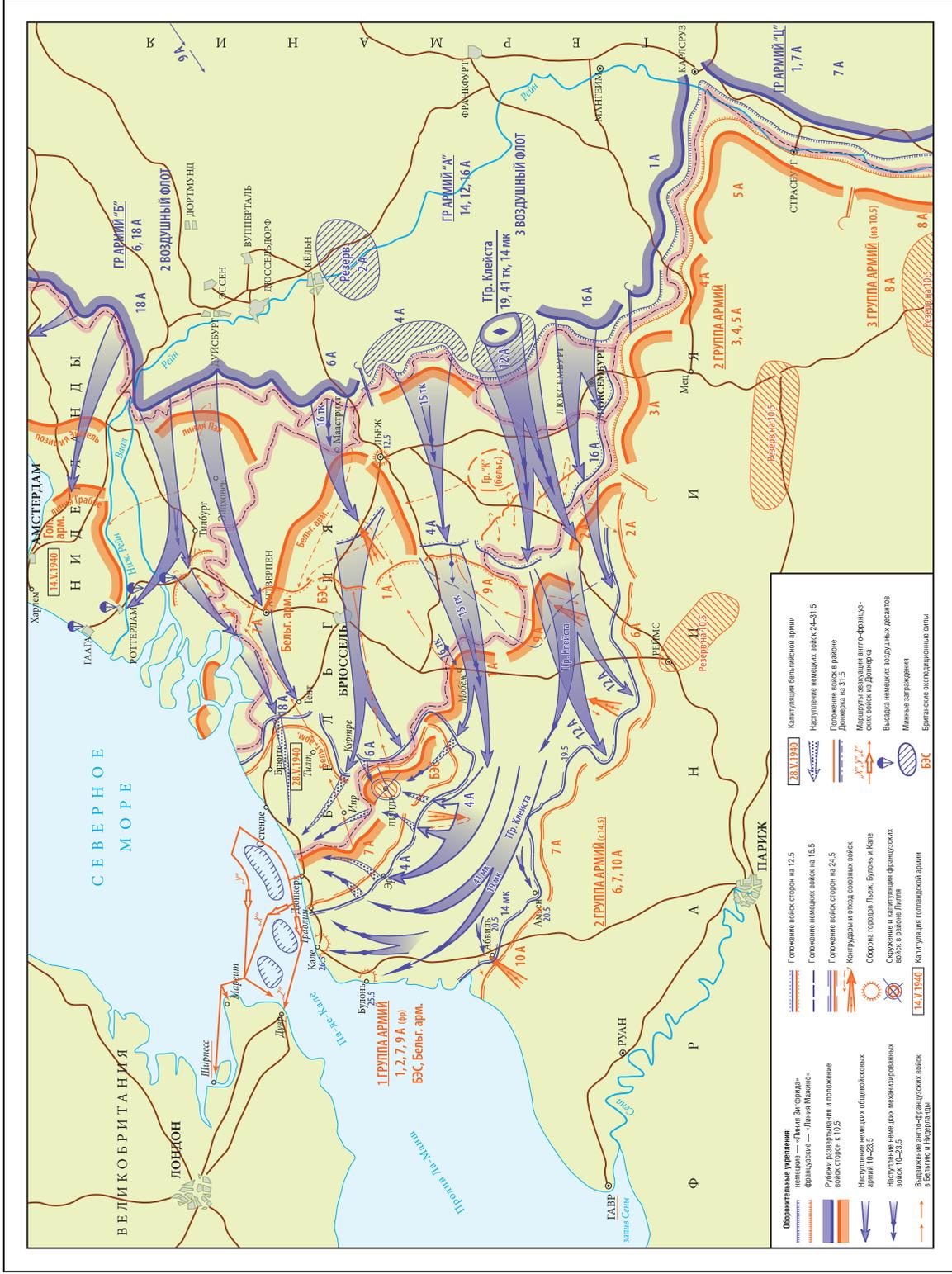
1:15 000 000

ЗАХВАТ ГЕРМАНИЕЙ ДАНИИ И НОРВЕГИИ. Апрель — июнь 1940 г.

1:15 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В НИДЕРЛАНДАХ, БЕЛГИИ И СЕВЕРНОЙ ФРАНЦИИ. 10–31 мая 1940 г.

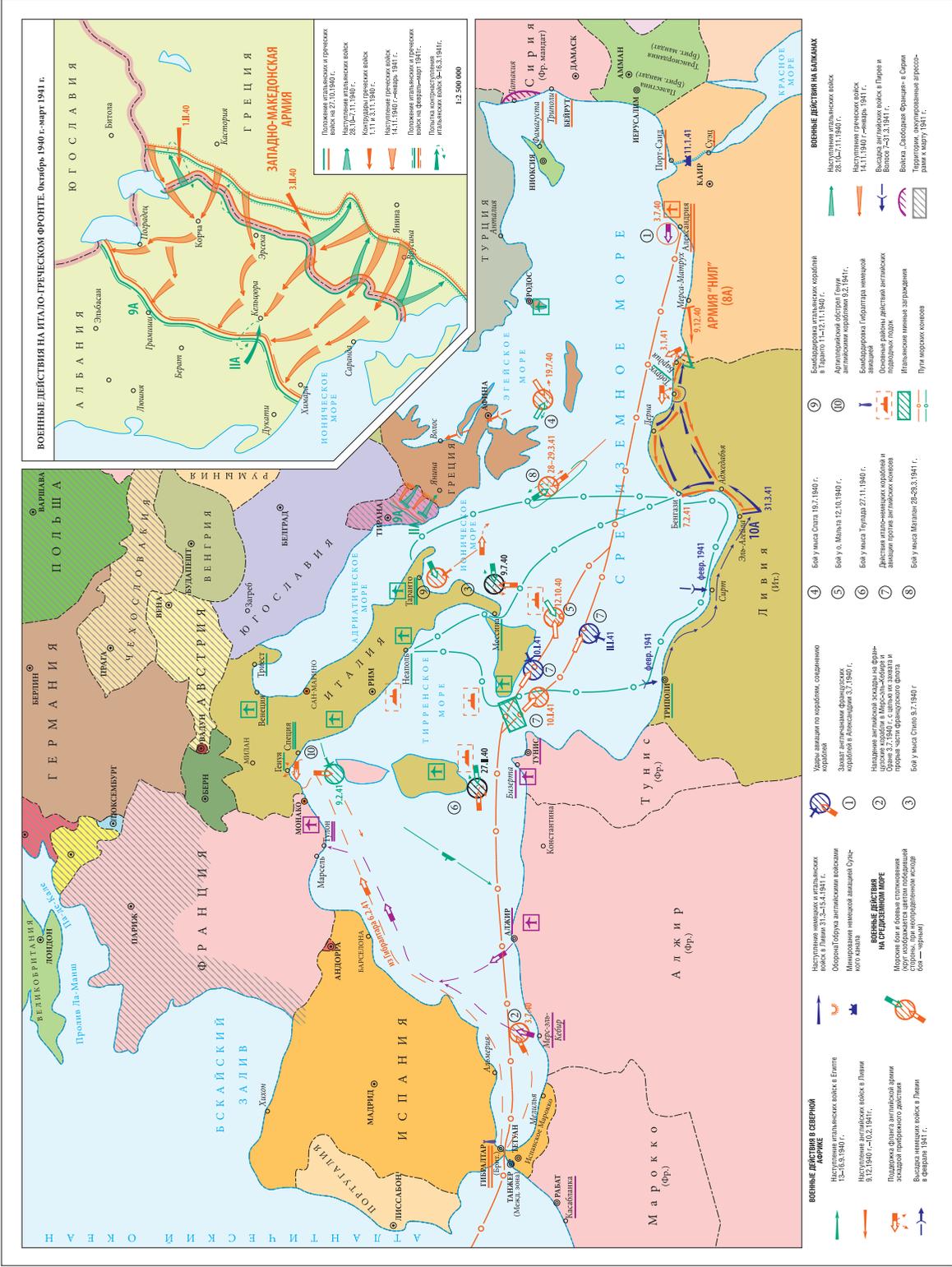

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВО ФРАНЦИИ. 5–24 июня 1940 г.

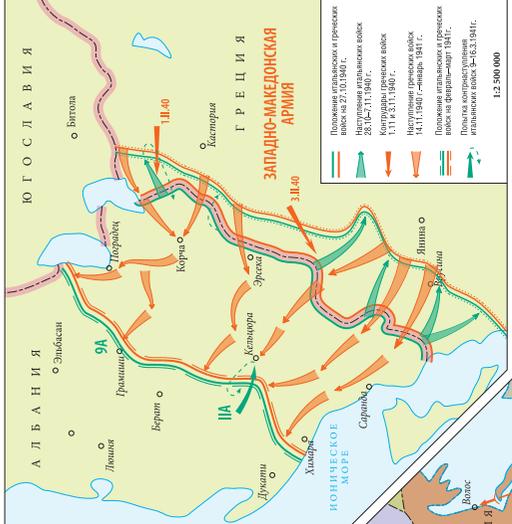

1:5 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ, В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И НА БАЛКАНАХ. Июнь 1940 — март 1941 г.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ИТАЛО-ГРЕЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Октябрь 1940 г.—март 1941 г.

1:2 500 000

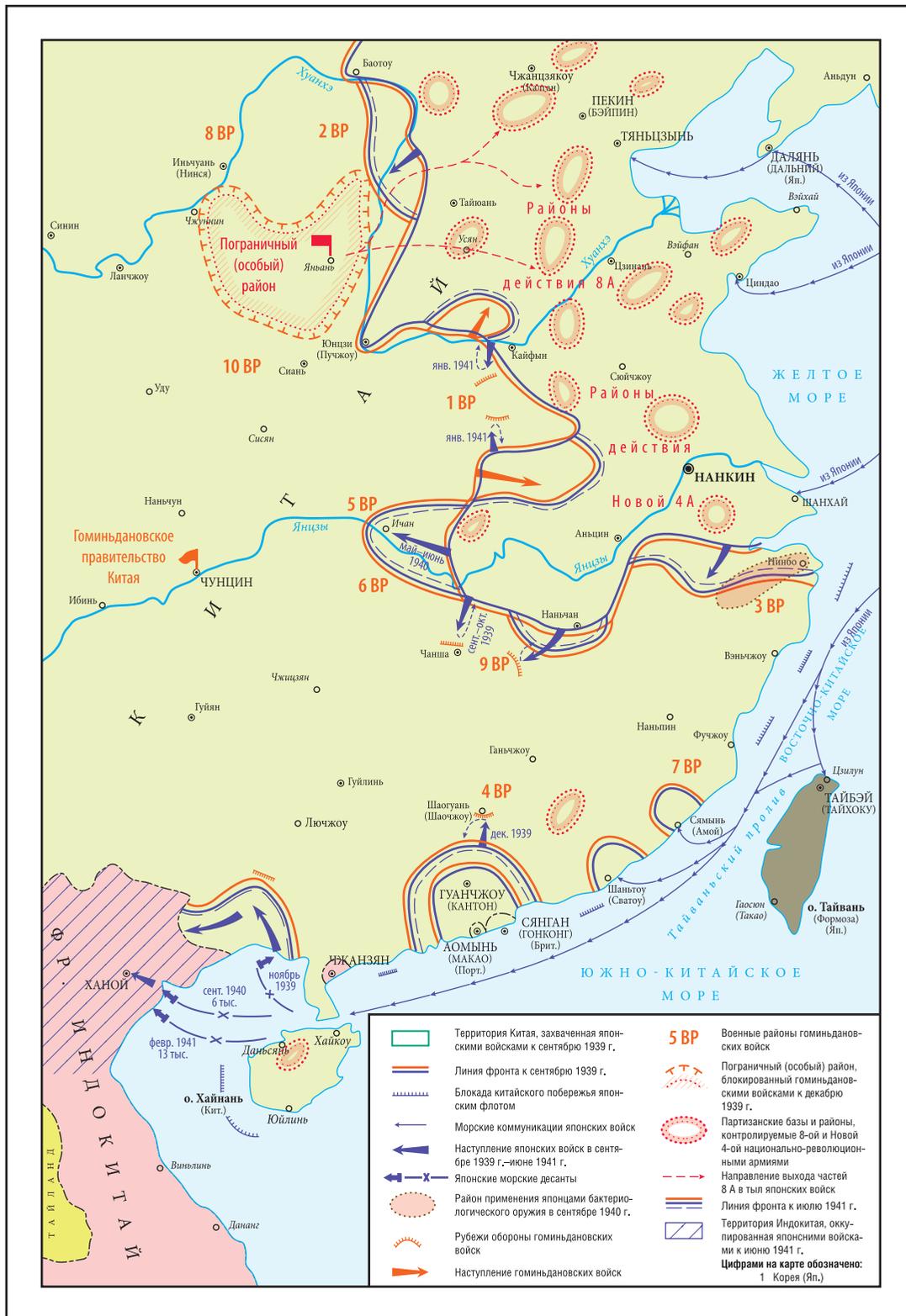
- ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ**
- Использование итальянских войск в Египте 12.10.1940—1941 г.
 - Использование итальянских войск в Ливии 13.1.1941—1941 г.
 - Использование английских войск в Ливии 13.1.1941—1941 г.
 - Поддержка фронта английской армии эскадрой прибрежного действия 14.1.1941—1941 г.
 - Высадка немецких войск в Ливии в феврале 1941 г.
- ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БАЛКАНАХ**
- Использование итальянских войск 28.10.1940—1941 г.
 - Использование греческих войск 14.1.1941—1941 г.
 - Высадка английских войск в Греции и Югославии 7.3.1941 г.
 - Итальянские военные заградительные районы к марту 1941 г.
- ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ**
- Ущерб авиации по кораблям, содействию кораблей
 - Захват английскими фрегатскими кораблями в Александрии 3.7.1940 г.
 - Начало английских операций на Фронтоне 3.7.1940 г. с целью их захвата и прорыва части французского флота
 - Бой у мыса Сидон 9.7.1940 г.
 - Ущерб авиации по кораблям, содействию кораблей в Триполи 1.11.1940 г.
 - Англические обстрелы берега италийских кораблей 3.2.1941 г.
 - Бомбардировка Gibraltar немцами
 - Основные районы действий итальянских подводных лодок
 - Итальянские минные заграждения
 - Путь морских конвоев
- ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ**
- Бой у мыса Сидон 19.7.1940 г.
 - Бой у о. Мальта 12.10.1940 г.
 - Бой у мыса Триполи 27.11.1940 г.
 - Действия итальянских кораблей и авиации против английских конвоев
 - Бой у мыса Матани 28.3.1941 г.

ФАШИСТСКАЯ АГРЕССИЯ НА БАЛКАНАХ. Апрель — май 1941 г.

1:8 000 000

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЕ И НАЧАЛО ОККУПАЦИИ ЯПОНИЕЙ ИНДОКИТАЯ. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г.

1:15 000 000

ГРУППИРОВКА СИЛ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

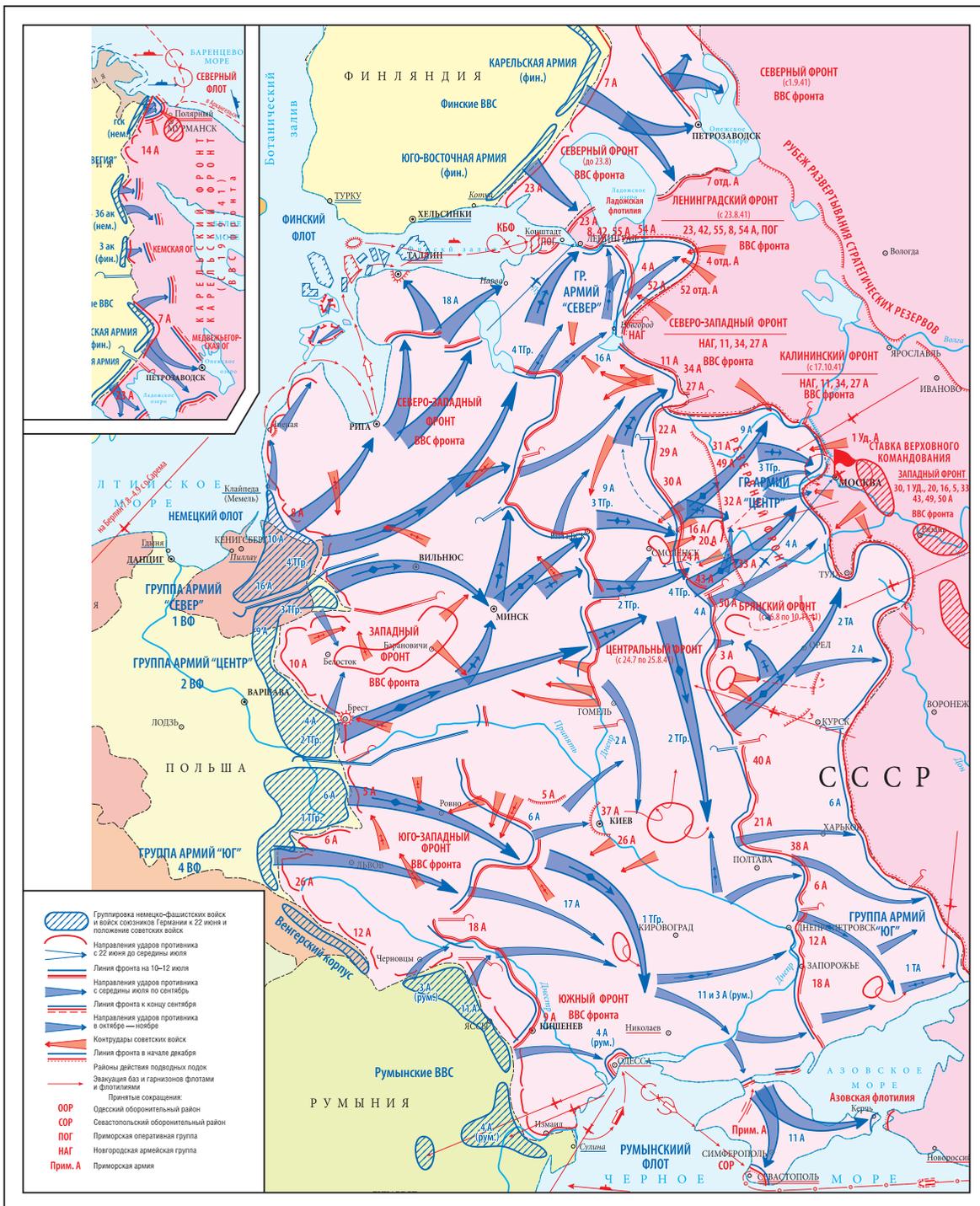
1:8 000 000

**ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ.
22 июня — середина июля 1941 г.**

1:8 000 000

ОБЩИЙ ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ летом и осенью 1941 г.

1:8 000 000

лообработывающим станкам — в 3,5 раза, сырой нефти — в 2,5 раза, бензину — в 1,5 раза, меди — в 2,4 раза, свинцу — в 1,1 раза, чугуну и стали — в 16,3 раза⁴³.

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в Японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Л. Швеленбаха, который говорил: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, — это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль»⁴⁴.

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой росло число сторонников объявления экономического бойкота Японии. Учитывая это, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплен какими-либо существенными действиями. В речи выражалось стремление американского правительства оставаться вне войны. «Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)», — подчеркнул президент⁴⁵.

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу — Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д. В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению китайско-советских отношений»⁴⁶.

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим вовлечение Китая в «антикоминтерновский блок».

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединенные силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г. отмечалось: «На азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»⁴⁷

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции по ситуации вокруг Маньчжурии советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США К. Хелла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции».

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз к самостоятельному выступлению против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время

Брюссельской конференции западные представители в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию сговорчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попутать Токио»⁴⁸. Было очевидно, что вовлечение СССР в Японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение Японии от Центрального и Южного Китая.

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент у Лугоуцяо в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»⁴⁹. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря глава правительства Гоминьдана Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств.

Несмотря на то что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредит на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 г. по октябрь 1938 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также большое количество боеприпасов, оборудования и снаряжения⁵⁰.

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов. В наиболее трудный начальный период Японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 г. по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 тонн пороха⁵¹.

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По данным китайских источников, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70 % поступило из США. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-то последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»⁵². По подсчетам китайских исследователей, от американского оружия погибли 54 из 100 мирных жителей Китая.

Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывает Китаю Советский Союз»⁵³.

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военнослужащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше — 124. Информировав посла СССР в Японии

о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома Б. С. Стомоняков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»⁵⁴.

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в Токио был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и Корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью в целях его захвата и отсечения войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа, затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику. Однако в отличие от военных более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» возможно лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом в Токио не скрывали намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Восточной Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь К. Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»⁵⁵.

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР.

Военные действия у озера Хасан и на реке Халхин-Гол

Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских антисоветских намерений западным державам. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе японской армии приняли решение продемонстрировать военную мощь, выяснить готовность СССР к войне с Японией... Вначале было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке»⁵⁶.

Одной из основных целей хасанских событий было вынудить советское руководство пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в Японо-китайскую войну.

Как уже отмечалось, японцы рассматривали советскую помощь Китаю как вмешательство в Японо-китайскую войну и предпринимали попытки выступать с дипломатическими протестами по этому поводу. Их опасения усиливала поступающая информация о том, что правительство Чан Кайши и лидеры западных держав все настойчивее подталкивают Москву к прямому участию в войне в Китае.

При анализе замыслов японской императорской ставки по использованию пограничного инцидента в районе озера Хасан важно учитывать тогдашнюю обстановку на Китайском театре военных действий. В июне 1938 г. ставкой была направлена в Экспедиционную армию в Китае директива о проведении операции по овладению трехградьем Ухань, объединявшем крупные промышленные центры — Учан, Ханьян и Ханькоу. 15 июня был отдан приказ о подготовке операции по захвату Ханькоу.

Планируя провокацию в районе озера Хасан, японское военное командование стремилось разведкой боем проверить достоверность сведений, предоставленных ему перешедшим

в июне 1938 г. к японцам начальником управления Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) по Дальневосточному краю комиссаром госбезопасности 3 ранга Г. С. Люшковым. Он дезертировал 13 июня 1938 г. на хуньчуньском участке границы в Посьетском районе, где сходились границы СССР, Кореи и Маньчжоу-Го. Выбор места для побега был выбран не случайно. Люшков, в чьем ведении находилась охрана советской границы, знал, что именно здесь был расположен самый незащищенный ее участок: из-за низинной и болотистой местности по молчаливому согласию японской и советской сторон он практически не охранялся. На основе показаний Люшкова японское командование получило представление о военной мощи, организационной структуре, вооружении, дислокации, основах тактики Красной армии. Люшков передал японцам карты с планом советских приграничных укреплений, размещения пограничных отрядов и частей Красной армии, предоставил данные о численности военнослужащих, шифры радиосвязи и другие секретные документы⁵⁷.

Данные, полученные от Люшкова, придали японскому командованию определенную уверенность в успехе. Оценивая создавшееся в Красной армии и в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии положение как близкое к катастрофическому, японская военщина умышленно усиливала напряженность на границе, так как считала, что «русские были слишком потрясены и ослаблены, чтобы осмелиться скрестить мечи с императорской армией»⁵⁸.

Когда известие о случившемся поступило в Москву, И. В. Сталин срочно направил на Дальний Восток заместителя наркома внутренних дел М. П. Фриновского и начальника Главного политуправления РККА Л. З. Мехлиса для расследования обстоятельств бегства Люшкова и принятия необходимых карательных мер в Дальневосточном краевом комитете ВКП(б) и Особой Дальневосточной армии. По их распоряжению началась тщательная проверка Посьетского погранотряда.

Было принято решение о создании на высоте Заозерная пограничного поста. На высоту были направлены пограничники, которые приступили к натяжке проволочных заграждений, вырыли окопы и установили пулемет. 7 июля японская разведка впервые обнаружила одиночных советских солдат на вершине высоты Заозерная, откуда хорошо просматривались японские позиции, в том числе и железная дорога, что, как решили военные, может представлять определенную угрозу Японии. Поэтому руководством Корейской армии, которой была поручена охрана данного района, было принято решение обратиться за консультациями в Токио. Дело осложнялось еще и тем, что между Корейской и Квантунской армиями существовало своего рода соперничество. Последняя всячески подчеркивала свое превосходство. Поэтому в связи с появлением русских в районе Заозерной из штаба Квантунской армии в Сеул была отправлена телеграмма, смысл которой состоял в призыве к активным военным действиям: «Если Корейская армия будет колебаться, то Квантунская армия возьмет на себя обязательство вытеснить русских...»⁵⁹

Следует добавить, что в эскалации напряженности между Москвой и Токио был заинтересован режим Чан Кайши, лидеры которого продолжали надеяться на вступление СССР в войну против Японии. С этой целью они вели непрерывный дипломатический зондаж, но дальше договора 1937 г. и оказания помощи И. В. Сталин не шел.

15 июля 1938 г. в беседе с поверенным в делах посольства Японии в СССР Х. Ниси в ответ на его требование вывести советские войска с высот западнее озера Хасан заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомонаков сказал, что «в соответствии с Протоколом о тщательно проверенном первом участке границы», подписанным в Ново-Киевском урочище 26 июня 1886 г. и составляющим часть Чанчуньского (Хуньчуньского) соглашения, а также с приложенной к нему картой нет ни малейшего сомнения в том, что «озеро Хасан... расположено полностью на советской территории и что не только западные берега этого озера, но и некоторый район к западу от этих берегов принадлежат Советскому Союзу»⁶⁰.

В соответствии с указанием генштаба командование Корейской армии подтянуло к хасанскому участку границы более чем 20-тысячную 19-ю пехотную дивизию со средствами

усиления и некоторые другие части в качестве ближайших резервов. У высот почти ежедневно стали появляться группы японских военнослужащих.

20 июля японский посол в Москве М. Сигэмицу добился аудиенции у наркома иностранных дел М. М. Литвинова и в ультимативной форме потребовал очистить от советских пограничников высоты Чанкуфэн (Заозерная) и Шачжаофэн (Безымянная) на том основании, что они якобы принадлежат Маньчжоу-Го. Посол добавил, что в случае отказа советской стороны Япония не остановится перед применением силы. Предъявленные М. М. Литвиновым документы и фотокопии разменных пограничных карт русско-китайского Хуньчуньского протокола от 26 июня 1886 г. о разграничении М. Сигэмицу счел «неубедительными доказательствами». В связи с этим 22 июля советское правительство направило Японии ноту, в которой отвергло японские требования об отводе советских войск с высоты, расположенной к западу от озера Хасан, так как эти требования не были подкреплены никакими документальными доказательствами. В ноте также указывалось, что Советский Союз никому не угрожает, но и посягательств на свою территорию не допустит⁶¹.

Тем временем японская сторона решила перейти к активным действиям. Началась передислокация к границе ряда соединений не только Корейской, но и Квантунской армии, командование которой тоже жаждало «проучить русских». Сосредоточение японских войск было отмечено в районе станции Пограничная и в ряде других маньчжурских пограничных пунктов. Главный морской штаб Японии сосредоточил в нейтральных водах против устья реки Тумень-Ула 15 кораблей и 15 катеров ВМС. К готовившейся провокации японская военщина собиралась вновь, как и в годы интервенции, привлечь белогвардейские отряды атамана Семенова. В случае успеха в районе озера Хасан на следующем этапе предполагалось вторгнуться на территорию советского Приморья крупными силами и использовать белоэмигрантов для «поддержания порядка» в оккупированных советских районах.

В последней декаде июля японцы неоднократно нарушали границу в районе Заозерной. Вооруженный конфликт мог вспыхнуть в любой момент. 22 июля командующий войсками Дальневосточного фронта (был создан 28 июля 1938 г. на базе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии) маршал В. К. Блюхер приказал привести в боевую готовность ближайшую к хасанскому району 40-ю стрелковую дивизию 39-го корпуса 1-й армии и части Барабашского укрепрайона, а 24 июля — все войска 1-й армии и срочно выдвинуть к району возможного конфликта несколько подразделений 40-й дивизии для усиления пограничников на случай возможной провокации японцев. Одновременно было дано указание Тихоокеанскому флоту (командующий — флагман 2 ранга Н. Г. Кузнецов), находившемуся в оперативном подчинении Дальневосточному фронту, привести в боевую готовность корабли и морскую авиацию для пресечения возможного нападения японских ВМС и авиации⁶².

Тем временем к району озера Хасан выдвигались 32-я стрелковая дивизия и 2-я механизированная бригада. Опасаясь возникновения конфликта на других участках границы, Военный совет Дальневосточного фронта распорядился привести в боевую готовность и 2-ю армию.

29 июля командование японской Корейской армии придвинуло вплотную к хасанскому участку границы части своей 19-й дивизии. Японцы, воспользовавшись туманом, захватили высоту Безымянную, выбив с нее советский пограничный наряд в составе 11 человек. Подоспевшая на помощь пограничникам рота поддержки из 40-й дивизии контратаковала нарушителей границы и к исходу дня отбросила их за пределы советской территории.

На другой день генштаб императорской армии особым распоряжением предоставил командованию Корейской армии право применять силу в случае «незаконного нарушения границы советскими войсками у высоты Чанкуфэн»⁶³. Во исполнение этого распоряжения 31 июля японцы, использовав силы пехотного полка с артиллерией, сбили с высот наряды советских пограничников и подразделения поддержки, отбросили их на глубину до 4 км и вышли на рубеж приморских населенных пунктов Пакшекори и Новоселки к северо-востоку от озера Хасан. Утром 1 августа, опасаясь ответного удара, они оставили занятый рубеж,

отошли к высотам Заозерная и Безымянная и стали поспешно возводить на советской территории укрепления⁶⁴.

На всем протяжении дальневосточной границы обстановка была тревожной и взрывоопасной. В любой момент можно было ожидать провокаций и на других участках.

Японское командование, захватив приграничные высоты, посчитало ближайшую задачу, поставленную генштабом армии, выполненной. Действуя по дипломатическим каналам, японцы предложили прекратить огонь и начать переговоры. Однако советская сторона проявила твердость и в ноте протеста, врученной в Токио министру иностранных дел Японии К. Угаки; главным условием урегулирования конфликта поставила безотлагательный отвод японских войск с советской территории.

Ожесточенные бои за хасанские высоты продолжались. 2 августа в район конфликта, в Посъет, прибыли В. К. Блюхер и член Военного совета фронта П. И. Мазепов. Блюхер одобрил распоряжения и действия комкора Г. М. Штерна, отдал уточняющие указания о сосредоточении частей, подошедших к границе, и начал заниматься улучшением снабжения войск. Но уже на следующий день нарком обороны К. Е. Ворошилов направил ему директиву, в которой разнес действия командования фронта, потребовал немедленной ликвидации многоначалия. Комкор Штерн был назначен командиром 39-го корпуса на время операции, а маршал Блюхер фактически отстранен от руководства. Ему было предписано вернуться в Хабаровск еще до окончания операции.

6 августа началось общее наступление советских войск. С юга в узкой полосе между границей и озером действовали полки 40-й стрелковой дивизии полковника В. К. Базарова, с северо-востока в такой же узкой полосе позиции японцев штурмовали основные силы 32-й стрелковой дивизии полковника Н. Э. Берзарина. Действия пехотинцев поддерживали танки 2-й механизированной бригады полковника А. П. Панфилова. Ожесточенные бои за высоты продолжались вплоть до 10 августа. В этих боях на завершающем этапе операции многие бойцы и командиры-дальневосточники показали отвагу и находчивость. В ночных боях воины 32-й стрелковой дивизии, добровольно вызвавшиеся участвовать в действиях групп прочесывания, смело уничтожали в рукопашном бою вражеских снайперов, прятавшихся в складках местности. В результате решительного натиска к 11 августа все захватчики были изгнаны с советской территории.

Уже в начале конфликта страна узнала о действиях отважных героев-пограничников Галифана Баторина, Василия Виневитина, Алексея Махалина, Петра Терешкина и Ивана Чернопятко, смело встретивших превосходящие силы нарушителей границы и подчас ценой жизни упорно отстаивавших каждую пядь советской земли. Затем дальневосточные газеты «Тихоокеанская звезда» и «Тревога» рассказали о подвигах других героев — штурмана Андрея Боровикова, танкистов Вячеслава Винокурова, Григория Колесникова, Григория Корнеева, Константина Пушкарева, Семена Рассохи, Алексея Тимакова, пулеметчиков Сергея Гуденко, Егора Чуйкова, Ярима Ягудина, сапера Василия Ракова, военврача Бориса Бегоулева, артиллериста Ивана Лазарева, политработников Сергея Бамбурова, Ивана Гвоздева, Ивана Мошлякова, Ивана Пожарского, помкомвзвода Николая Барина, командира роты Дорофея Левченко, командира батальона Михаила Бочкарева, командира полка Константина Провалова. Из 26 названных Героев Советского Союза девять были удостоены этого звания посмертно. 6500 участников боев у озера Хасан были награждены орденами и медалями. 40-я дивизия отмечена орденом Ленина, а 32-я дивизия и 59-й Посъетский погранотряд — орденом Красного Знамени⁶⁵.

10 августа 1938 г. японский посол в Москве М. Сигэмицу посетил наркома М. М. Литвинова и вновь высказал просьбу о прекращении огня в районе конфликта. К этому времени захватчики были полностью изгнаны с советской земли, и поэтому советская сторона согласилась с 11 августа прекратить боевые действия.

За две недели боев стороны понесли серьезные потери. Хотя в официальных японских сообщениях указывалось, что в ходе боев Корейская армия потеряла всего 158 человек убитыми и 644 ранеными, в секретной сводке генштаба армии приводились другие цифры:

526 человек убитых и 915 раненых (есть данные о 650 убитых и 2500 раненых). В донесениях 19-й пехотной дивизии отмечалось, что к 11 августа в некоторых ее ротах оставалось всего 20—30 солдат. Из числа участвовавших в боях японских солдат и офицеров каждый пятый был убит или ранен⁶⁶. «Во время крупнейшего столкновения на озере Хасан... в августе 1938 г. обе стороны потеряли тысячи убитых и раненых. Численность японской 19-й дивизии сократилась в три раза, после недели боев она, — считает американский историк М. Парилло, — была практически уничтожена»⁶⁷.

Тщательно подготовленная операция Корейской армии провалилась. Войска Квантунской армии, сосредоточенные на других участках границы, выступить не осмелились.

Дорогой ценой досталась победа и советской стороне. Пограничники и войска 1-й армии за время конфликта потеряли по уточненным данным 859 человек убитыми и умершими от ран, 2752 — ранеными и 95 — пропавшими без вести или попавшими в плен. Безвозвратные потери составили около 960 человек. Неоправданно большими оказались безвозвратные потери среди командного и политического состава (152 командира, 178 младших командиров). Кроме того, советские войска потеряли три самолета и 24 танка; 56 танков было повреждено, шесть из них противник захватил⁶⁸.

Имея локальные масштабы, конфликт по своим непосредственным результатам и отдаленным последствиям действительно имел важное значение для советского военного строительства и развития международной обстановки.

Во-первых, несмотря на первоначальные неудачи и довольно значительные потери в личном составе, победа советских войск не вызывает сомнения. Противник был разбит, и захваченные им территории освобождены. Ни одной из своих названных выше главных целей Японии достичь не удалось.

Во-вторых, подтвердилось, что Япония — серьезный и опасный противник, который не упустит своего шанса добиться территориальных приращений на Дальнем Востоке за счет СССР в случае, если почувствует его слабость. Отсюда следовал вывод, что нужно быть готовым к войне не только на западе, что было аксиомой, но и на востоке, т. е. к войне на два фронта.

Однако боевые действия вскрыли целый ряд недостатков в подготовке войск и сил. Бои на озере Хасан в 1938 г. показали серьезные пробелы в боевой подготовке войск РККА, которые сказались на эффективности боевых действий в ходе пограничного конфликта. В секретном приказе наркома обороны № 0040 от 4 сентября 1938 г. констатировалось: «События этих немногих дней обнаружили огромные недочеты в состоянии Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздерганы и небоеспособны; снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)...»⁶⁹ Об этом же открыто говорилось и в войсках Дальневосточного фронта, который был вскоре расформирован, и в среде пограничников.

Военное ведомство Франции в одной из сводок, подготовленных сразу же после завершения конфликта, сделало аналогичные выводы. Автор сводки, говоря о явном превосходстве советской стороны в военной технике, о полном ее господстве в воздухе, в то же время отмечает некомпетентность командного состава: «При этом личный состав проявлял смелость и отвагу. Явно чувствовался недостаток слаженности и маневренности. Связь между родами войск была слабым местом. Артиллерия вела стрельбу, руководствуясь картами, и не смогла обеспечить пехоте необходимую поддержку. А главное, массированные танковые атаки носили неподготовленный характер и не были поддержаны. Советские артиллерия и танки, несмотря на свой перевес, не сумели скоординировать свои действия в ходе танковых атак и обуздать в нужный момент противотанковую технику японцев. В конечном счете вышеуказанные неудачи советских войск объясняются неумелым командованием»⁷⁰.

И все же, развязав вооруженный конфликт у озера Хасан, японское военно-политическое руководство в известной степени добилось поставленных внешнеполитических целей.

Командиры и бойцы одного из батальонов 78-го Казанского Краснознаменного стрелкового полка 26-й Златоустовской Краснознаменной стрелковой дивизии. Дальневосточный фронт, 9 августа 1938 г.

Было не на словах, а на деле продемонстрировано западным державам намерение Японии продолжать конфронтацию с Советским Союзом. Это имело немаловажное значение, ибо именно в это время японское правительство вело переговоры с Великобританией о разделе Китая. Обострение японо-советских отношений было использовано японцами на этих переговорах с целью побудить британское правительство не создавать для них затруднений в Китае. 20 августа 1938 г. английский посол в Японии Р. Крейги телеграфировал в Лондон, что японский премьер-министр Ф. Коноэ лично выразил готовность сотрудничать с Великобританией в оккупированных районах Китая. 1 сентября английское правительство дало свое согласие на такое сотрудничество⁷¹.

О том, насколько были велики расчеты США на расширение вооруженного конфликта между Японией и СССР, свидетельствовали публикации в американской прессе, провокационный характер которых был очевиден. Так, 13 августа 1938 г. газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Хасанский инцидент еще не урегулирован... Инциденты могут легко возникать повсюду... Вдоль маньчжурской границы, вне всякого сомнения, найдутся места, которые согласно московской карте могут оказаться русскими, но которые заняты японцами». Отмечая, что «японские закупки нефти, производящиеся почти полностью в США, резко возросли», американская пресса давала понять, что в случае столкновения с СССР Япония может рассчитывать на еще большую материальную помощь из-за океана.

Получив согласие Лондона на сотрудничество, осенью 1938 г. японское правительство активизировало дипломатические переговоры с правительством Великобритании, требуя признания захватов Японии в Китае. К этому его подтолкнуло подписание 30 сентября 1938 г. Великобританией и Францией Мюнхенского соглашения с гитлеровской Германией

и фашистской Италией, результатом которого явились расчленение, а затем захват Чехословакии. Совершенное в Мюнхене предательство убеждало японское правительство, что Великобритания может вновь пойти на подобное соглашение и на Дальнем Востоке.

В Токио видели двойственность политики Великобритании в отношении Китая. С одной стороны, английское правительство, оберегая свои экономические интересы, не желало усиления Японии в Китае и пыталось этому противостоять, а с другой — готово было пойти на сделку с Японией за счет Китая, если японская агрессия будет повернута с юга на север, против Советского Союза. Поэтому японские лидеры стали усиленно убеждать англичан в возможности японо-английского сотрудничества в оккупированных районах Китая, если Великобритания откажется от поддержки правительства Чан Кайши.

При этом японцы продолжали разыгрывать в дипломатической игре с США и Великобританией «советскую карту». В сентябре 1938 г. премьер-министр Ф. Коноэ вновь выступил с призывом к усилению борьбы с «коммунистической опасностью». В Лондоне восприняли это как свидетельство сохранения в Японии планов войны против СССР.

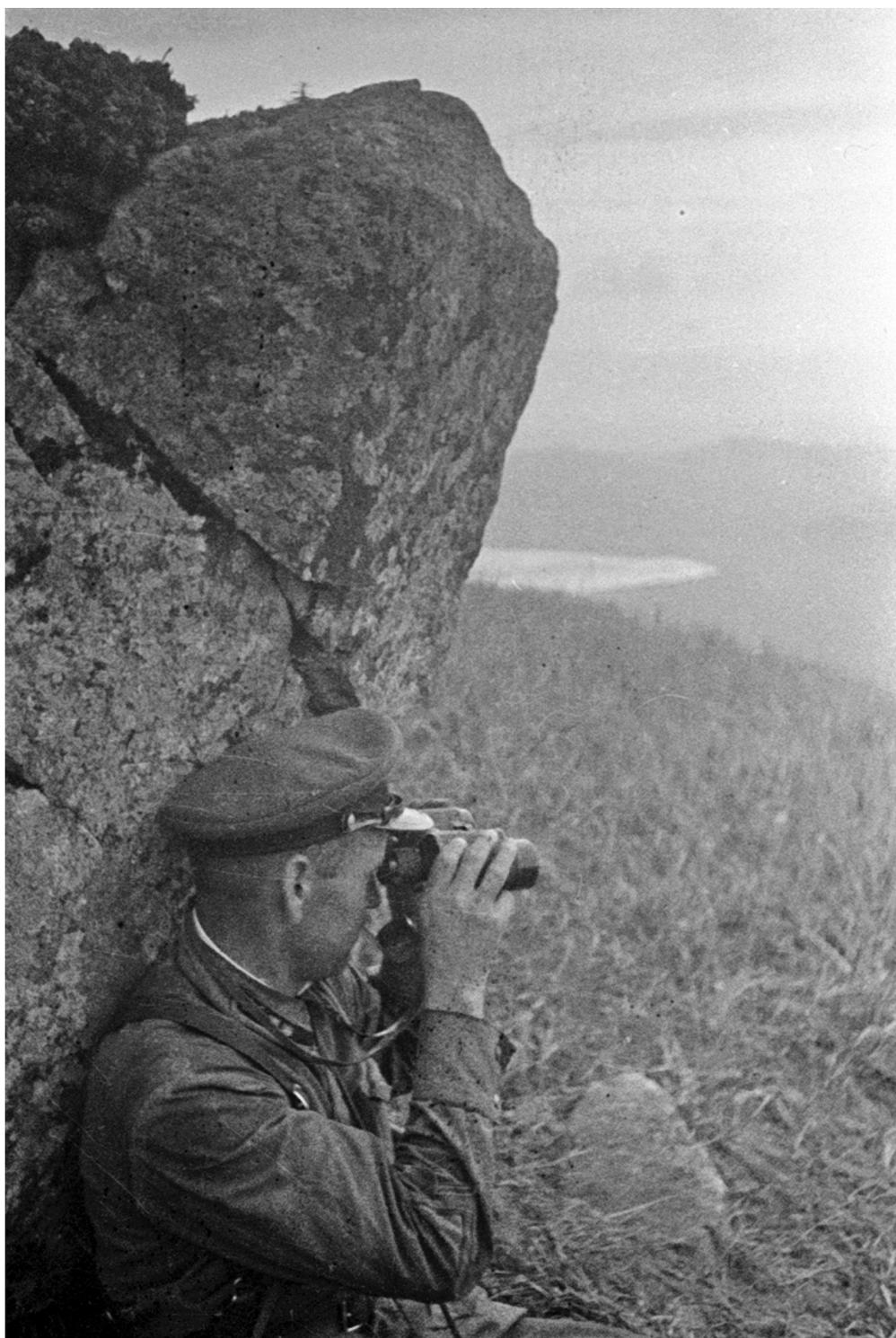
24 сентября 1938 г. Китай вновь обратился в Лигу Наций за помощью в борьбе против Японии. Однако его поддержал лишь Советский Союз, который продолжал настаивать на коллективных действиях для прекращения японской агрессии. Великобритания же, вступив на путь умиротворения, искала возможности для сговора с Японией. 27 сентября посол Крейги писал в Лондон: «Мы уже давно нащупываем базу для сотрудничества между английскими и японскими властями в Китае по защите английских интересов, и мы были бы готовы сделать все, что в наших силах, для укрепления сотрудничества в этой области»⁷².

Прояпонскую политику Великобритании подтверждает и отказ Лондона помогать Китаю в войне с японцами. Китайский посол в Великобритании Го Тайци говорил 22 сентября 1938 г. своему советскому коллеге И. М. Майскому, что «англичане до сих пор, по существу, палец о палец не ударили, чтобы помочь Китаю. За все время войны китайцы получили от них лишь 36 аэропланов среднего качества, да некоторое количество амуниции и химической продукции. Денег в Лондоне китайское правительство не получило ни копейки...»⁷³

Попустительство западными державами японской агрессии в Китае убеждало Токио в реальности плана овладения всей Восточной Азией, замены в этом обширном регионе мира «белого колониализма» на японский. Предполагая, что после только что завершившихся кровопролитных событий у озера Хасан советское руководство не решится в ближайшее время на новое столкновение с Японией, 22 октября 1938 г. японские войска захватили Кантон (Гуанчжоу), 25 октября — Ухань. С потерей порта Кантон Китай фактически оказался изолированным от внешнего мира. К концу октября японцы оккупировали огромную территорию Китая, овладев его главными промышленными центрами.

3 ноября 1938 г. было опубликовано заявление императорского правительства, в котором объявлялось, что «империя ставит своей целью построение нового порядка, который должен обеспечить стабильность в Восточной Азии на вечные времена. В этом же заключается конечная цель и нынешних военных действий... Идея построения нового порядка в Восточной Азии возникла еще во времена, когда складывались основы современного (японского) государства. Ее осуществление является священным и славным долгом нынешнего поколения японского народа... Правительство заявляет о твердости этого курса империи и о своей решимости провести его в жизнь».

В заявлении выразилась уверенность в том, что «великие державы тоже правильно поймут наши истинные намерения и будут поступать соответственно новой ситуации, сложившейся в Восточной Азии»⁷⁴. Тем самым, отбросив маскировку, японцы открыто заявили о своих планах завоевания господства в Азии и на Тихом океане, вытеснения из этого региона западных держав. Заявление о намерении Японии «установить новый порядок в Восточной Азии» было равнозначно отказу японского правительства принять американский принцип «открытых дверей» в Китае. 18 ноября правительство Японии направило американскому руководству ноту, смысл которой состоял в подтверждении того, что принцип «открытых дверей» несовместим с японским «новым порядком».

Разведчик И. Воронов ведет наблюдение за действиями противника в районе озера Хасан

В районе высоты Заозерная

Бойцы идут в атаку на подступах к высоте Заозерная

Лишь после столь откровенного заявления Японии о своих целях в Вашингтоне и Лондоне пришли к выводу, что политика уступок требует корректировки. Демонстрируя свое недовольство распространением японской экспансии на юг Китая, США в ответ на зондаж о заключении нового японо-американского торгового договора пригрозили Токио, что в случае нарушения их интересов в Китае США могут «прекратить дальнейшую помощь Японии»⁷⁵. Были приняты и некоторые другие шаги, преследовавшие цель продемонстрировать более тесное политическое сотрудничество на Дальнем Востоке между США и Великобританией.

Однако это не возымело действия. О намерении Японии не останавливаться на достигнутом свидетельствовала оккупация в феврале 1939 г. острова Хайнань, а в марте — островов Спратли, что выводило японские вооруженные силы на подступы к владениям западных держав в Юго-Восточной Азии.

Так как дальнейшее продвижение на юг было сопряжено с опасностью возникновения вооруженных конфликтов с европейскими колониальными державами и США, в Токио задалась целью нарушить возможную коалицию западных держав против Японии. Сделать это, как и прежде, планировалось путем достижения договоренности с Великобританией об отказе ее от помощи Китаю. Японское правительство видело стремление Лондона не осложнять отношения с Японией. В ноябре 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен, характеризуя политику британского правительства на Дальнем Востоке, высказал желание «поддерживать дружественные отношения с обеими странами (Японией и Китаем) в надежде на наступление момента, когда разногласия будут урегулированы»⁷⁶.

Важная цель Японии состояла в том, чтобы вынудить Великобританию не просто не противодействовать, но документально признать «создавшуюся обстановку в Китае». В этом случае у японцев появлялась возможность принудить китайское правительство к капитуляции и сосредоточить усилия на подготовке к войне с великими державами на юге и на севере. Чтобы сделать британское правительство стоворчивее, 14 июля 1939 г. японские власти начали блокаду английской и французской концессий в Тяньцзине. В конце концов японцы добились своего. 22 июля 1939 г. между Японией и Великобританией было заключено так называемое соглашение Ариты — Крейги, которое вошло в историю как дальневосточный вариант мюнхенского сговора.

По существу, капитулировав перед Японией, английское правительство пошло на признание японских захватов в Китае. Оно в официальном порядке обязалось не создавать Японии проблем на китайской территории. Соглашение гласило: «Правительство Соединенного Королевства полностью признает действительное положение в Китае, в котором ведутся крупномасштабные действия, и отмечает, что до тех пор, пока сохраняется такое положение, японская армия в Китае имеет особые права на обеспечение собственной безопасности и поддержание общественного порядка в районах, находящихся под ее контролем. Признается, что она (японская армия) вынуждена подавлять и устранять действия, которые будут выгодны ее противнику. Правительство Его Величества не намерено предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению вышеуказанных задач японской армии...»⁷⁷

С «пониманием» к нуждам Японии отнеслись и США. Хотя 26 июля Вашингтон и объявил о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Занятая США позиция позволила Японии закупить в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938 г. Не прекращалась выгодная монополиям США торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В таких обстоятельствах серьезной преградой для победоносного окончания войны в Китае и его порабощения оставался Советский Союз, который, занимая принципиальную позицию помощи жертве агрессии, продолжал снабжать китайскую армию необходимыми для сопротивления вооружением, снаряжением и материалами. Поэтому в Токио не видели иного способа прекратить эту помощь, как угрожать Советскому Союзу войной. Существовал

расчет и на то, что демонстрация готовности воевать с СССР будет поддержана европейскими союзниками Японии — Германией и Италией.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации против СССР, японское военно-политическое руководство Японии считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разрешению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта главным образом политическими методами, хотя продолжая при этом военные действия. Японский генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»⁷⁸.

После поражения японской армии в советском Приморье в районе озера Хасан японский генеральный штаб с осени 1938 г. разрабатывал план «Хати-Го» («Операция № 8»), предусматривавший нанесение удара по СССР через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз укрепит здесь свою обороноспособность⁷⁹.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. В японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» признается: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»⁸⁰.

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо сложнее, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Во-первых, главная причина, как и прежде, состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по расчетам японцев, Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна» и лучше пойти на мирное улаживание китайско-японского конфликта, разумеется, на японских условиях⁸¹.

Во-вторых, предстоящее вооруженное столкновение с СССР рассматривалось японским командованием как важный козырь в дипломатической игре с Западом. События в Монголии были использованы Японией в качестве дипломатического козыря в склонении Великобритании к серьезным уступкам Японии. В «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом боев на Халхин-Голе была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»⁸².

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США в применении к Японии экономических санкций. 10 июля 1939 г. японский посол в США К. Хориноути убеждал госсекретаря США К. Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе бесед с госсекретарем США он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза⁸³.

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии. Японское руководство упорно добивалось военного союза, направленного главным образом

против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио советский разведчик Р. Зорге весной 1939 г. следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»⁸⁴.

С захватом японцами Маньчжурии в правящих кругах Японии появилась идея создания «буферных зон» в пределах Внутренней Монголии и Северного Китая. Всячески поощрялись японцами разного рода сепаратистские движения Монголии, официально считавшейся составной частью Китая.

В японских оперативных планах Монгольская Народная Республика рассматривалась как ключ к Дальнему Востоку и щит, прикрывавший весьма уязвимую Транссибирскую железнодорожную магистраль. Вот почему после захвата Маньчжурии последовало вторжение японцев в китайские провинции Чахар и Суйюань, имевшие обширные границы с юго-восточной частью МНР. Сразу же началось и широкое строительство стратегически важных железных дорог в этих провинциях⁸⁵.

Для обоснования «правомерности» претензий на монгольскую территорию Япония в 1935 г. пошла на «картографическую агрессию», сфальсифицировав прохождение границы между Монголией и Маньчжоу-Го по реке Халхин-Гол, тогда как фактически она проходила в 20–25 км восточнее, о чем свидетельствовали многочисленные документы монгольской стороны⁸⁶. «Мощный натиск» в январе 1936 г. на «закрытые ворота границ Внешней Монголии», о котором писал во «Франкфуртер цайтунг» ее корреспондент в Токио советский разведчик Р. Зорге, был не только отбит при первых же столкновениях, но и временно отложен из-за попытки фашистского переворота в Японии 26 февраля⁸⁷. Длительные переговоры между монгольскими и японо-маньчжурскими властями ни к чему не привели, так как Японию не устраивал иной вариант, кроме создававшего предлог для агрессии в любой удобный момент.

В докладной записке наркому иностранных дел СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Японии М. М. Славуцкий сообщал, что активно дискутирующийся в Японии вопрос о создании «независимой» Монголии «своим острием направлен против МНР». «Пресса пестрит сообщениями, — докладывал в очередной записке полпред, — что войска МНР вступают или вступили в военные действия против Японии»⁸⁸.

Весной 1939 г. на погранзаставы МНР начались налеты баргутских кавалерийских частей из состава марионеточных войск, сформированных в Барге (баргуты — народность, проживающая в северо-западных районах Маньчжоу-Го). Инициатором вторжения на территорию МНР было командование Квантунской армии, действовавшее с ведома и по указанию генштаба императорской армии. «За полмесяца до инцидента на Номонхане, 25 апреля 1939 г., — свидетельствует японский исследователь событий у реки Халхин-Гол И. Исикава, — командование Квантунской армии спустило нижестоящим звеньям управления “Принципы разрешения советско-маньчжурских пограничных конфликтов”, документа, в котором содержался призыв к японской армии проявлять твердость духа с тем, чтобы одним ударом решить эти споры. В отношении проблем границы провозглашался принцип “не вторгнись, сам не подвергнешься нападению”, однако в отношении мест, в которых представляется трудным четко определить границы, подчеркивалось, что “командующий оборонительным районом самолично определит линию прохождения границы и в случае нарушения противником этой линии должен разбить противника в целях достижения решающей победы”. То есть характерной чертой этих “Принципов” являлась их наступательность»⁸⁹. Командующий Квантунской армией генерал К. Уэда издал оперативный приказ № 1488, вводящий этот документ в действие⁹⁰.

Ведя дело к открытому конфликту, японское руководство возлагало большие надежды на активную поддержку своих действий со стороны феодальной знати и высшего ламаистского духовенства Монголии, недовольных народной властью.

Для вооруженной провокации командование Квантунской армии выбрало восточный выступ границы МНР — безлюдный район к востоку от реки Халха, который из-за большой удаленности района от баз снабжения и полной его неподготовленности в оперативном отношении ограничивал ответные действия частей монгольской Народно-революционной армии (МНРА) и 57-го особого корпуса РККА.

К конфликту с МНР японцев всячески поощряли страны Запада, стремившиеся отвлечь ее от зоны своих колониальных владений. В надежде вызвать ответную реакцию СССР на действия Японии западная печать регулярно публиковала информацию об агрессивных замыслах японцев. Так, в феврале 1939 г. корреспондент «Нью-Йорк таймс» сообщал из Шанхая: «Известно, что Япония сосредоточила в Маньчжоу-Го, Чахаре и Суйюани свыше 600 тыс. своих солдат и продолжает перебрасывать войска из занятых районов Китая поближе к советским границам. Переброска большого количества войск на север усиливает подозрение в том, что Япония намерена ускорить нападение на Советский Союз»⁹¹.

Генеральный штаб императорской армии в то время был вплотную занят практическим изучением возможности переноса усилий в случае войны с СССР с северо-восточного направления на западное. В штаб Квантунской армии были направлены офицеры оперативного управления генштаба для оказания помощи в планировании предстоящей операции. Одновременно усиливалась группировка войск на направлении намечавшихся действий. В частности, в район Хайлара была перебросена 23-я пехотная дивизия. Активизировалась деятельность разведки по сбору данных об организации системы обороны в Монголии и прикрытии Забайкальского участка железной дороги⁹².

Таким образом, подготовка к военным действиям на западном (забайкальском) направлении приобретала конкретные формы. Определялись потребные для этого силы с учетом, что часть японских Экспедиционных сил в Китае придется использовать для обеспечения спокойствия в северокайских провинциях, а другую часть — для предотвращения прорыва советских мобильных частей в Южную Маньчжурию⁹³.

11 мая 1939 г. налеты баргутской конницы и пехотных подразделений японских войск общей численностью около 300 человек на погранзаставы МНР, расположенные в 16–20 км восточнее нижнего течения реки Халхин-Гол, привели к началу крупномасштабных военных действий. В течение первых десяти дней в этом районе почти ежедневно происходили пограничные бои, в результате которых обе стороны несли потери убитыми и ранеными. В налетах на монгольские погранзаставы принимала участие японская авиация⁹⁴.

Со стороны МНР для отражения этих налетов пришлось привлечь не только пограничников, но также части монгольских и советских войск. Использовалась и советская авиация, базировавшаяся на монгольских полевых аэродромах⁹⁵.

Действия 23-й пехотной дивизии получили полное «понимание» штаба Квантунской армии⁹⁶. 28 мая позиции монгольских и советских войск были атакованы более крупными силами с использованием частей, перебросенных из Хайлара. Им удалось выйти к реке Халхин-Гол и укрепиться. Создалась тревожная обстановка. В связи с этим советское руководство решило направить в МНР полномочную комиссию, чтобы оказать помощь командованию советского 57-го особого корпуса⁹⁷. Вскоре такая комиссия во главе с комдивом Г. К. Жуковым была направлена в Монголию.

Через несколько дней Г. К. Жуков, сменивший на посту командира 57-го особого корпуса комдива А. В. Фекленко, представил наркому обороны СССР предложения об организации контрудара по японским войскам, для чего считал необходимым усилить находившиеся в Монголии авиационные части, пополнить артиллерию и выдвинуть к району боевых действий не менее трех стрелковых дивизий и одну танковую бригаду⁹⁸. Эти предложения наркомом обороны были приняты.

Инструктаж японских танкистов перед наступлением

Со своей стороны, японское командование также готовилось к развитию операции и усиливало свои войска.

В течение всего июня в воздушном пространстве Монголии шли напряженные воздушные бои, а в конце месяца японской авиации удалось нанести бомбовый удар по советскому аэродрому на территории Монголии. Превосходство было вначале на стороне японцев⁹⁹. Но с прибытием в Монголию новой авиационной техники и группы опытных летчиков — мастеров воздушного боя во главе с комкором Я. В. Смушкевичем, сражавшихся в небе Испании и Китая, положение изменилось. Потери японской авиации возросли. Советские летчики стали уверенно завоевывать господство в воздухе. Чтобы удержать инициативу, командующий Квантунской армией отдал приказ 2-й японской авиадивизии, действовавшей в районе реки Халхин-Гол, внезапным ударом уничтожить советскую авиацию на аэродромах. Но этот замысел был сорван.

22 июня 95 советских истребителей завязали ожесточенные воздушные бои со 120 японскими самолетами, вылетевшими для нанесения удара, и рассеяли их, уничтожив 31 самолет противника. До конца июня было уничтожено еще 52 японских самолета, при этом потери советской авиации составили 11 единиц. Японцы были вынуждены усилить свою авиацию подкреплениями¹⁰⁰.

Японское командование, однако, не собиралось отказываться от своих планов и продолжало готовиться к дальнейшему развитию операции, получившей название «Второй этап номонханского инцидента». Цель этого этапа заключалась в том, чтобы путем общего

наступления окружить и уничтожить группировку советско-монгольских войск севернее речки Хайластын-Гол в районе высоты Баин-Цаган и, разгромив там резервы противника, расширить плацдарм на западном берегу реки Халхин-Гол, а затем ударить в тыл советско-монгольских войск, оставшихся на восточном берегу Халхин-Гола¹⁰¹.

Для проведения операции предусматривалось привлечь большие силы: 23-ю пехотную дивизию под командованием бывшего военного атташе Японии в Москве генерала М. Комацибары (выполнявшую основную задачу), а также части 7-й пехотной дивизии, два танковых полка, крупные силы артиллерии и авиации. Создавались две ударные группировки, на направлениях действий которых обеспечивалось общее трехкратное превосходство по пехоте, 4,5-кратное — в кавалерии и более чем двухкратное — в артиллерии. Советско-монгольские войска имели преимущество только в танках и бронемашинах.

Уверенность японского командования в успехе была столь велика, что оно пригласило в район боевых действий иностранных корреспондентов и ряд военных атташе. Считалось, что операцию удастся завершить в течение июля с тем, чтобы до наступления осени можно было закончить все военные действия в пределах МНР. Квантунская армия, как считает И. Исикава, явно недооценила военную мощь Красной армии, ее способность вести длительные военные действия. «До поля боя японскому командованию из Хайлара, — пишет этот японский исследователь, — было 200 км. Что касается советской стороны, то расстояние до их опорного пункта в Борзе было 740 км. Японское командование с пренебрежением относилось к возможностям советских войск обеспечивать армию в течение длительного времени при таких расстояниях. Однако Жуков решил эту проблему, собрав по всей стране 4250 грузовиков»¹⁰².

Операция, известная в истории как Баин-Цаганское сражение, была начата японскими войсками в ночь на 3 июля. Однако еще 2 июля советское командование, установив усиленную переброску японских частей, выдвинуло из Тамцак-Булака в район юго-западнее высоты Баин-Цаган танковую и мотоброневую бригады, мотострелковый полк и бронедивизион, что в последующих событиях сыграло решающую роль.

Переправившиеся через реку Халха и захватившие Баин-Цаган японские части были внезапно встречены танковым контрударом, разгромлены и отброшены назад. Операция закончилась полной неудачей для японцев, которые потеряли еще 45 самолетов, а также почти все танки, значительную часть артиллерии и 10 тыс. солдат и офицеров. Противодействуя продолжавшимся до 12 июля при поддержке авиации, танков, артиллерии и бронемашин вылазкам японцев, советско-монгольские войска вывели из строя еще 5,5 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе около 2 тыс. убитыми, уничтожили 61 самолет, захватили 254 пленных, четыре орудия, около 20 танков и бронемашин, 70 пулеметов и другое оружие. Всего же за период с 28 мая по 12 июля японцы потеряли 199 самолетов при 52 сбитых советских. В воздушных боях в последней декаде июля японцы потеряли еще 150 самолетов, из боя не вернулись 11 советских летчиков. Воздушное пространство в районе конфликта было завоевано советской авиацией, что во многом обеспечило успех советско-монгольских войск в решающем сражении, развернутом ими в воскресенье 20 августа¹⁰³.

Но победа у Баин-Цагана досталась дорогой ценой. 11-я танковая бригада потеряла половину личного состава: из 182 танков было потеряно 82. Всего в июле на Баин-Цагане советские потери составили 175 танков и 143 бронемшины¹⁰⁴.

Тем не менее это был первый крупный успех советско-монгольских войск. Баин-Цаганское сражение являло собой классический пример активной обороны в целях срыва наступления противника. Впервые в войсковой практике советское командование взяло на себя ответственность, вопреки требованиям уставов, использовать бронетанковые соединения для самостоятельного, без поддержки пехоты, контрудара по прорвавшемуся противнику¹⁰⁵. Большую роль также сыграло целенаправленное использование артиллерии и авиации.

После изгнания с левого берега реки Халхин-Гол японская сторона сосредоточила внимание на удержании районов, расположенных восточнее реки, а советско-монгольское

Комкор Г. К. Жуков на командном пункте Хамар-Даба

Зенитный расчет

Бойцы 1-й армейской группы во время атаки (Халхин-Гол, август 1939 г.)

командование — на подготовке окончательного разгрома находившейся на монгольской территории группировки войск.

Приказом народного комиссара обороны от 19 июля 1939 г. № 0036 из войск 57-го корпуса и прибывших пополнений была сформирована 1-я армейская группа, командовать которой было поручено комдиву (с 31 июля комкору) Г. К. Жукову¹⁰⁶. Она подчинялась фронтовой группе, созданной для координации действий 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий, Забайкальского военного округа и 57-го особого корпуса. Возглавлял ее командарм 2 ранга Г. М. Штерн. В соответствии с поставленной задачей командование 1-й армейской группы разработало план наступления в целях решительного разгрома японских захватчиков и изгнания их из пределов МНР. Планом предусматривалось сковать японскую группировку с фронта и ударами по ее флангам, не пересекая линию границы, окружить и уничтожить противника в районе между рекой Халхин-Гол и границей. Для выполнения этой задачи намечалось создать три группировки войск — северную (6-я кавдивизия МНР, 7-я мотобронева бригада, часть сил 11-й танковой бригады и другие части), центральную (основу которой составляли четыре полка 86-й стрелковой и 36-й мотострелковой дивизий), южную (57-я стрелковая, 8-я кавалерийская дивизии, основные силы 11-й танковой бригады и другие части), а также резерв.

В период подготовки операции была осуществлена огромная работа по подвозу материальных средств, созданию запасов и обеспечению войск предметами снабжения. Все необходимое войскам было доставлено автотранспортом от станции снабжения, находившейся, как указывалось выше, на расстоянии более 700 км от района боевых действий.

Подготовка к наступлению велась скрытно, с тщательным соблюдением мер маскировки¹⁰⁷. Для введения японцев в заблуждение был разработан хорошо продуманный план дезинформации. Как отмечал в одном из своих докладов Г. К. Жуков в декабре 1940 г., советско-монгольская сторона стремилась создать у противника впечатление, будто она готовится не наступать, а обороняться. С этой целью применялись широкоэвентральные радиостанции, имитировались окопные и другие инженерные работы. Были выпущены специальные листовки-памятки о последовательности подготовки бойца к обороне. Передавались сообщения и сводки с данными о ходе подготовки оборонительной операции. Час перехода в наступление был доведен до подчиненных только перед самым началом операции. Все это себя оправдало. Японцы, как потом выяснилось, действительно до начала удара не знали о готовящемся наступлении¹⁰⁸.

К новому наступлению готовилась и японская Квантунская армия. Оно намечалось на 24 августа, на этот раз с ограниченной целью — овладеть районом восточного берега реки Халха¹⁰⁹. Для наступления выделялись дополнительные силы. Был подписан императорский указ об объединении всех японских войск, действовавших в районе реки Халхин-Гол, в 6-ю армию под командованием генерал-лейтенанта О. Риппо¹¹⁰.

Однако советско-монгольские войска упредили японцев — операция началась на рассвете в воскресенье 20 августа мощной артиллерийской подготовкой. Затем удар по японским позициям нанесла авиация. Это оказалось для противника столь неожиданным, что японская артиллерия в течение первых полутора часов не смогла сделать ни одного ответного выстрела.

Действовавшим на флангах эскадронам 6-й и 8-й кавдивизий МНРА в первый же день удалось нанести поражение баргутской коннице и выйти на государственную границу МНР, обеспечив фланги наступающих ударных группировок советских войск.

Утром 24 августа войска северной и южной групп встретились в районе высоты Номон-Хан-Бурд-Обо, завершив за четыре дня полное окружение основных сил японской 6-й армии. Все попытки противника разорвать кольцо или пробиться к окруженным извне были сорваны советскими войсками.

С 25 августа начались бои по расчленению и уничтожению окруженной японской группировки. Эта задача была выполнена совместными усилиями авиации, артиллерии, танковых и стрелковых частей. К утру 31 августа остатки японской группировки были уничтожены, вся

территория МНР очищена от противника. Советско-монгольские войска вышли на границу на всем ее протяжении. В течение первой половины сентября японская сторона неоднократно пыталась вновь нарушить границу МНР, а японские самолеты не прекращали воздушные налеты на полевые аэродромы. Но, имея полное превосходство в воздухе, советские летчики успешно вели борьбу с японской авиацией.

«В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье реки Халхин-Гол. — *Прим. ред.*), — отмечает известный американский историк Д. Глэнтц, — они пошли на прекращение кровопролития»¹¹¹.

За четыре месяца боев стороны понесли значительный урон. Япония официально объявила, что ее потери убитыми, ранеными и больными составили 18 тыс. человек из 76 тыс., участвовавших в боевых действиях¹¹². По советским данным, японские потери только убитыми составили не менее 18 300 человек и 464 человека пленными¹¹³. По утверждению японского историка С. Хаяси, общие японские потери составляли не менее 73 % участвовавших в конфликте, т. е. примерно 55 тыс. человек. В качестве трофеев в руки советских войск попали 12 танков и 23 бронемашин, а также 25 тягачей, 100 автомашин, 190 орудий, 40 минометов, 189 гранатометов, 9 тыс. винтовок, 370 пулеметов и большое количество боеприпасов. В воздушных боях было сбито 608 японских самолетов. Советско-монгольские войска потеряли 2413 человек убитыми, 10 020 — ранеными и 216 — пленными¹¹⁴.

Относительно меньшие потери советской стороны свидетельствовали о возросшем мастерстве командиров и бойцов Красной армии. Этому в значительной степени способствовали высокая насыщенность войск бронетанковой техникой и надежная поддержка их с воздуха. Особо искусно была проведена заключительная операция советско-монгольских войск. В ее подготовке большое внимание уделялось достижению внезапности. Четко осуществлялось взаимодействие пехоты, танков, артиллерии и авиации. Операция подтвердила большие возможности танковых войск, важность повышения силы первого удара и достижения поставленных целей в короткие сроки.

В боях в районе реки Халха советские бойцы и командиры показали себя подлинными интернационалистами, продемонстрировали высокие морально-боевые качества, способность решительно действовать в самых сложных условиях. За успешное выполнение поставленных задач 36-я мотострелковая дивизия, 11-я танковая, 7-я мотоброневая и 100-я авиационная бригады, а также 24-й стрелковый и 175-й артиллерийский полки были награждены орденом Ленина, 57-я стрелковая дивизия, 6-я танковая, 8-я и 9-я мотоброневые бригады, 127, 149, 293 и 601-й стрелковые и 22, 56 и 70-й истребительные авиационные полки — орденом Красного Знамени. Орденами и медалями также награждены более 17 тыс. военнослужащих Красной армии. 70 бойцов и командиров удостоены звания Героя Советского Союза, а летчики Я. В. Смушкевич, С. И. Грицевец и Г. П. Кравченко отмечены этим званием во второй раз. Высокую оценку советско-монгольского руководства получили действия кавалерийских соединений МНРА, превосходно показавших себя в маневренных боях против японо-баргутской конницы.

Военно-политическое руководство Японии, встревоженное провалом халхингольской авантюры, сняло с постов все командование Квантунской армии. В число опальных попали командующий К. Уэда, начальник штаба Р. Исогаи, а также командующий 6-й армией, командир 23-й дивизии и многие офицеры штаба Квантунской армии¹¹⁵.

Значение событий в Монголии многие зарубежные исследователи явно недооценивают. «Халхин-Гол, — считает, однако, американский историк М. Парилло, — был сражением в сердце Азии... Оно происходило в тот момент, когда внимание всего мира было приковано к событиям в другой части планеты. Поэтому его скрытый смысл часто оставался незамеченным или недооцененным. На самом деле Халхин-Гол был одним из решающих факторов, определивших ход Второй мировой войны»¹¹⁶.

Операции советских войск в районе реки Халха были вполне современны по способам действий и насыщенности боевой техникой. Характерными их чертами стали достижение в

Советские солдаты осматривают брошенную японскую технику после боев на Халхин-Голе

Допрос японских военнопленных

Победа

напряженной борьбе господства в воздухе (в небе над рекой Халхин-Гол советскими летчиками впервые в боевой обстановке были успешно применены реактивные снаряды — прототип снарядов для знаменитых «Катюш») ¹¹⁷, смелый маневр силами и средствами на земле. Под умелым руководством Г. К. Жукова в районе реки Халхин-Гол, как считает российский исследователь полководческого искусства выдающегося советского военачальника В. А. Афанасьев, «советские войска получили первый опыт организации и проведения армейской наступательной операции в пустынно-степной местности с массированным применением танков и самолетов, закончившейся окружением и уничтожением противника. В этой операции танки и бронемашинны совместно с моторизованной пехотой и артиллерией впервые использовались для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших маневр на окружение... Образование внешнего и внутреннего фронтов окружения, смелый маневр с выходом в тылы неприятеля, создание обороны против деблокирующих вражеских группировок, расчленение окруженного противника и уничтожение его по частям (и не в результате численного превосходства, а благодаря высокой степени военного искусства командования и всесторонней выучке войск) — все это явилось вкладом в развитие советского военного искусства» ¹¹⁸.

Бои на реке Халхин-Гол существенно сказались на действиях японских войск в Китае. В этот период заметно сократились бомбардировки китайских городов, снизилась активность японских войск на фронтах ¹¹⁹. Зарубежная печать объясняла это тем, что японцам пришлось неоднократно пополнять действовавшие в районе Халхин-Гола авиачасти летчиками, имевшими опыт войны в Китае ¹²⁰, а также перебрасывать с китайского фронта на монгольскую границу некоторые части наземных войск.

Перспективы развития начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны нападением Германии на Польшу были неясны. Япония сочла целесообразным воздержаться от вступления в войну на стороне своих союзников. 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ «Основы политики государства», в котором указывалось: «Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой. Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготвлений и мобилизации для войны всей мощи государства» ¹²¹.

Цель политики временного невмешательства состояла в том, чтобы дождаться первых серьезных результатов войны в Европе, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных стратегических планов.

Разгром в мае 1940 г. германскими войсками Франции и Голландии потребовал от Токио определиться в отношении места Японии во Второй мировой войне. Радикально настроенные военные выступили за нанесение массированного удара на юге и захват всей Юго-Восточной Азии. При этом имелось в виду, что Японии в этом случае будет предпочтительнее вести переговоры «с позиции силы». Для твердого проведения курса на обладание Юго-Восточной Азией и районом Южных морей требовалось правительство «сильной руки».

Пришедший к власти в июле 1940 г. кабинет министров во главе с Ф. Коноэ принял 27 июля «Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении», в которой формулировались основные внешнеполитические задачи Японии. Важнейшими из них объявлялись «установление нового порядка в Великой Восточной Азии» и создание «восточноазиатской сферы совместного процветания», для чего предусматривалось «применение в удобный момент военной силы». Программой намечалось:

1. Укрепить союз Японии, Германии и Италии.
2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение.
3. Осуществить активные меры по включению колоний Великобритании, Франции, Голландии и Португалии в сферу нового порядка в Восточной Азии.
4. Иметь твердую решимость устранить вооруженное вмешательство США в процесс создания нового порядка в Восточной Азии ¹²².

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во Вторую мировую войну: «южный» — против США и западноевропейских государств и «северный» — против СССР. Предпочтение было отдано «южному». Решение же «северной проблемы» откладывалось до начала германо-советской войны, о приближении которой в Токио знали.

Так как в Программе выдвигалось требование избежать войны на два фронта, заключение с СССР пакта о ненападении или нейтралитете оставалось одной из задач японской дипломатии. «Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-японского пакта о ненападении, — было написано в одной из японских газет. — Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику продвижения на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США»¹²³.

По мере обострения противоречий Японии с западными державами в борьбе за колониальные владения в Юго-Восточной Азии и районе Южных морей возможности нахождения взаимоприемлемого политического компромисса сокращались. Так как японский стратегический план осуществления южного варианта экспансии предусматривал овладение Китаем, Французским Индокитаем, Филиппинами, Малайей, Сингапуром, Таиландом, Голландской Индией, Бирмой, а также Австралией и Новой Зеландией, перспектива вооруженного столкновения с западными державами становилась реальной. Обострение японо-американских отношений свидетельствовало о том, что на определенном этапе США могут силой воспротивиться дальнейшим захватам Японии. Поэтому с конца 1940 г. японское верховное командование приступило к более детальной, чем ранее, разработке планов военных действий против западных держав, в первую очередь США и Великобритании.

В августе — сентябре 1940 г. в Токио велись переговоры о заключении японо-германского военного союза. Германское руководство, подчеркивая антиамериканский характер союза, в большей степени исходило из его антисоветской направленности, ибо к этому времени Гитлер уже принял решение о нападении на СССР. Япония соглашалась с этим, хотя и стремилась обеспечить себе свободу действий при выборе направления и сроков вступления во Вторую мировую войну. В оппозиции в вопросе о заключении пакта с Германией было руководство японского военно-морского флота, сознававшее опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. На императорском совещании 19 сентября 1940 г. главнокомандующий объединенным флотом И. Ямамото предупреждал, что подобная демонстрация враждебности к США и Великобритании может пагубно сказаться на экономической ситуации в Японии. Он говорил: «Согласно предварительным расчетам Планового комитета правительства по мобилизации материальных ресурсов... восемьдесят процентов всех ресурсов подлежат поставке с территорий, находящихся под контролем Британии или Америки. Подписание пакта означает их неизбежную потерю»¹²⁴.

На совещании начальник главного морского штаба Н. Канъин подчеркнул: флот дает свое согласие на заключение союза с Германией при условии, что «будут приняты все мыслимые меры для недопущения войны с Соединенными Штатами»¹²⁵.

27 сентября 1940 г. между представителями Японии и Германии был подписан пакт о политическом и военно-экономическом союзе сроком на 10 лет. 30 сентября к нему присоединилась фашистская Италия, после чего он получил название Тройственный пакт. Основные статьи пакта гласили:

Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в Восточной Азии.

Статья 3. Германия, Италия и Япония берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и японо-китайском конфликте.

Такими не участвовавшими в войне и конфликте державами осенью 1940 г. оставались только США и СССР. Поэтому третья статья пакта предусматривала согласованные военные действия, если одна из договаривающихся сторон окажется в состоянии войны с этими государствами. Участники Тройственного пакта видели в достигнутом соглашении эффективное средство объединенной борьбы за «новый порядок», т. е. за мировое господство. Германский посол в Японии О. Отт телеграфировал 4 октября 1940 г. в Берлин: «Внутренняя цель пакта трех держав заключается в том, чтобы через уничтожение мирового владычества Англии вызвать новое распределение сил в Европе и на Дальнем Востоке. Средством достижения этой цели могут служить отпор Америке и вывод из строя Советского Союза»¹²⁶.

В день заключения пакта император Японии Хирохито обратился к нации с рескриптом, который гласил: «Сутью принципа “восемь сторон света под одной крышей” (“хакко итиу”) является учение наших божественных предков. Мы денно и ночью размышляем об этом. Сегодня мир пребывает в великом смущении, царящий в нем беспорядок представляется вечным. Поскольку беды и катастрофы, грозящие человечеству, для ума смертных непостижимы, Мы искренне надеемся на прекращение всех враждебных действий и восстановление мира. Вот почему Мы приказали правительству заключить союз с Германией и Италией — странами, которые разделяют наши идеалы...»¹²⁷

Обращение микадо было облечено благородными словесными оборотами о спасении нации и мира, выражениями всемерной заботы о благе подданных.

Иначе об идеологической близости с нацистской Германией и фашистской Италией и «новом порядке» для мира говорил незадолго до подписания пакта в интервью американской газете «Нью-Йорк геральд трибюн» министр иностранных дел Ё. Мацуока: «В битве между демократией и тоталитаризмом победа, бесспорно, останется за последним. Эпоха демократии закончилась, демократические институты на практике показали себя полными банкротами. Мир не в состоянии вместить две различные системы, две различные экономики... По воле народа главенствующей идеологией японского общества станет фашизм. И родится он из любви к нашему императору»¹²⁸.

Откровенен был и премьер-министр Ф. Коноэ, который 4 октября 1940 г. на пресс-конференции в Токио перешел на язык угроз, заявив: «Если Соединенные Штаты откажутся понять позицию Японии, Германии и Италии и расценят наш пакт как провокационную акцию, направленную против Америки, если они по-прежнему будут проводить политику конфронтации, то тогда три эти страны поведут самую решительную борьбу»¹²⁹. Незадолго до этого, 23 сентября, японские войска вторглись в оставшийся после поражения Франции «бесхозным» Индокитай. К этому времени японское правительство объявило, что страны Юго-Восточной Азии включаются в «восточноазиатскую сферу совместного процветания».

В ответ президент США Ф. Рузвельт демонстративно предоставил Чан Кайши небольшой заем и заверил китайского лидера в поддержке Соединенными Штатами «справедливой борьбы китайского народа». Однако всерьез японские угрозы восприняты не были. В пересмотренной в ноябре 1940 г. военной доктрине США главным противником была определена Германия. При этом в Вашингтоне все еще рассчитывали, что Японию удастся образумить методами торгово-экономических санкций.

Намерение продолжать движение в южном направлении потребовало временного урегулирования отношений с СССР. После продолжительной беседы с И. В. Сталиным в Кремле 13 апреля 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока подписал Советско-японский пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Однако нападение 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз породило в Токио стремление воспользоваться занятостью СССР в войне на западе с тем, чтобы захватить советские дальневосточные районы и Восточную Сибирь, включив их в состав японской колониальной империи.

Вопрос о политике Японии в связи с началом германо-советской войны обсуждался на императорском совещании 2 июля 1941 г. При рассмотрении вынесенного на рассмотрение участников совещания документа «Программа национальной политики империи в соответствии с изменениями обстановки» начальник генерального штаба Х. Сугияма, отвечая

Мацуоке, заявил: «Вы хотите понять, что важнее — Юг или Север? Нет никакого различия в степени важности. Мы собираемся следить за тем, как будет развиваться ситуация».

Главным доводом противников Мацуоки и его единомышленников в руководстве страны, предлагавших незамедлительно нанести удар по СССР, была оценка экономического потенциала Японии, уязвимость империи в снабжении стратегическим сырьем, которое до войны на севере можно было получать на юге. С этой целью предлагалось, повременив с вступлением в войну против Советского Союза, быстро оккупировать, по крайней мере, Южный Индокитай. Министр торговли и промышленности И. Кобаяси докладывал об экономической уязвимости страны: «Скажу несколько слов о наших ресурсах. Я не считаю, что мы обладаем достаточными возможностями для обеспечения военных действий. Армия и флот могут прибегнуть к использованию вооруженной силы, но мы не имеем сырья и военных материалов для обеспечения войны на суше и на море. Армия, видимо, может провести подготовку. Но поскольку для этого будут реквизированы суда, мы не сможем обеспечить транспортировку сырья и военных материалов. Все это серьезным образом скажется на расширении наших производственных возможностей и пополнении вооружениями. Я считаю, мы должны предусмотреть такие действия, которые вселили бы уверенность в отсутствии опасности поражения от Британии, Соединенных Штатов и Советской России. Пойдем ли мы на юг или на север? Я бы хотел, чтобы этот вопрос был тщательно изучен. У империи нет сырья и материалов. Сейчас мы должны подумать, как обрести уверенность в том, что мы не потерпим поражения, а также как разрешить китайский инцидент»¹³⁰.

Одобренная 2 июля 1941 г. на императорском совещании Программа определила дальнейшую политику Японии, установила курс на активное участие во Второй мировой войне. Ниже следует полный текст этого важного документа:

«ПОЛИТИКА

1. Независимо от изменений в международном положении Империя будет твердо придерживаться политики построения сферы совместного процветания великой Восточной Азии, что явится вкладом в достижение мира во всем мире.

2. Наша империя будет продолжать свои усилия, направленные на разрешение китайского инцидента, и будет стремиться обеспечить прочную основу безопасности и сохранения нации. Это предусматривает шаги для продвижения на юг и в зависимости от изменений обстановки включает также разрешение северной проблемы.

3. Наша империя исполнена решимости устранить все препятствия на пути достижения вышеуказанных целей.

РЕЗЮМЕ

1. Давление, осуществляемое из южных районов, будет усилено в целях принуждения режима Чан Кайши к капитуляции. В соответствующий момент в зависимости от будущего развития обстановки наше право воюющей державы будет распространено на чунцинский режим, и враждебный иностранный сепаратизм перейдет под наш контроль.

2. С целью гарантировать безопасность и сохранение нации наша империя будет продолжать все необходимые дипломатические переговоры по поводу южных районов, а также предпринимать другие меры, которые могут потребоваться.

Для достижения вышеуказанных целей будет проводиться подготовка к войне против Великобритании и Соединенных Штатов. Прежде всего, на основе документов «Программа политики в отношении Французского Индокитая и Таиланда» и «О форсировании политики в отношении Юга» будут приняты различные меры применительно к Французскому Индокитаю и Таиланду с тем, чтобы форсировать наше продвижение в южные районы. При осуществлении указанных планов наша империя не остановится перед возможностью оказаться вовлеченной в войну с Великобританией и Соединенными Штатами.

3. Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем

скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции. В это время мы будем вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для нашей империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ.

4. При проведении различных указанных выше политических мероприятий (раздел 3) и особенно при принятии решений об использовании вооруженной силы мы должны быть уверены в отсутствии серьезных препятствий для сохранения нашей основной позиции в отношении войны с Великобританией и Соединенными Штатами.

5. В соответствии с принятым политическим курсом мы будем дипломатическими и другими методами прилагать усилия к тому, чтобы предотвратить вступление Соединенных Штатов в европейскую войну. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, наша империя будет действовать в соответствии с Тройственным пактом. Однако мы примем самостоятельное решение о времени и способах использования вооруженной силы.

6. Мы незамедлительно сосредоточим наше внимание на приведении страны в готовность к войне. Особенно будет усилена оборона метрополии.

7. Конкретные планы осуществления этой программы будут выработаны отдельно»¹³¹.

В соответствии с решениями императорского совещания армия, наряду с усилением приготовлений на южном направлении, развернула беспрецедентное по масштабам наращивание мощи нацеленной против СССР группировки своих войск. В результате проведенной мобилизации общая численность Квантунской армии, превратившейся к тому времени в стратегическую группировку войск, японской армии в Корее, соединений и частей на Хоккайдо, Карафуто (Сахалине), Курильских островах достигла почти 1 млн солдат и офицеров. Была определена дата начала войны против Советского Союза — 29 августа 1941 г.¹³²

Параллельно велись переговоры с правительством Виши во Франции о «мирной передаче» южных районов Индокитая, которые завершились согласием французского марионеточного правительства на размещение японских войск на всем полуострове. 26–27 июля состоялся ввод японской армии на эту территорию. Было очевидно, что обретя столь важный плацдарм, японцы нацелились на богатые ресурсами Голландскую Индию и Британскую Малайю. Именно здесь они могли получить необходимые нефть, олово, каучук и продовольствие. На Малайю и Голландскую Индию приходилось 78 % мировой добычи каучука и 67 % олова. В 1940 г. здесь было добыто около 9 млн тонн нефти. 90 % олова и почти 75 % каучука, экспортировавшихся из этих стран, приходилось на долю США¹³³.

Продвижение Японии все дальше на юг создавало угрозу интересам США, что вынуждало американскую администрацию ужесточить экономические санкции против Японии и предпринять некоторые меры военного характера. 26 июля Ф. Рузвельт отдал приказ привести в состояние повышенной боевой готовности вооруженные силы Филиппин и обещал в ближайшее время направить туда дополнительно 272 тяжелых бомбардировщика дальнего радиуса действия Б-17 и 130 новых штурмовиков Р-40. На пост командующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке был назначен бывший начальник штаба армии США генерал Д. Макартур. Филиппинская армия перешла в подчинение американского командования, а в Китай была направлена группа американских военных советников.

Осознав, что политика умиротворения не дает ожидаемых плодов, а лишь поощряет Токио на дальнейшую экспансию, правительства западных держав решились на серьезную акцию. 25 июля 1941 г. правительство Рузвельта ввело эмбарго на экспорт нефти в Японию и заморозило все японские активы в США. Так же поступили Великобритания и Голландия. 1 августа Вашингтон запретил экспорт в Японию всех стратегических товаров.

В сложившейся ситуации японские военные настойчиво предлагали незамедлительно вступить в войну с США и быстро захватить Филиппины. Начальник главного морского штаба О. Нагано 21 июля, еще до официального объявления американцами эмбарго, убеждал коллег на заседании Координационного совета правительства и императорской ставки немедленно объявить Америке войну, что «даст Японии шанс победить», воспользовавшись тем, что США

пока к войне не готовы. «Если мы оккупируем Филиппины, — подчеркивал он, — флот без особых проблем сможет проводить боевые действия. Тогда нам удастся обеспечить защиту всей южной части Тихого океана»¹³⁴.

9 августа премьер-министр Великобритании У. Черчилль предложил Ф. Рузвельту проект ультиматума Японии от имени США, Великобритании и СССР, в котором указывалось, что если японцы вступят в Малайю или Голландскую Индию, три державы примут такие меры, которые потребуются для того, чтобы вытеснить их оттуда. Однако Рузвельт считал подобный ультиматум чрезмерным. Он заявил: «По мнению военного и морского министерств США, основная цель на Тихом океане пока должна заключаться в том, чтобы избежать войны с Японией, ибо война между США и Японией не только свяжет большую часть, если не весь американский флот, но и ляжет тяжелым бременем на нашу военную организацию и производство, в то время как они должны ориентироваться на Атлантику»¹³⁵.

Поэтому Рузвельт и его ближайшее окружение решили ограничиться хотя и весьма твердым, но все же не столь ультимативным заявлением. 17 августа японскому послу в США К. Номуре была вручена нота правительству Японии. В ней содержалось следующее предупреждение: «Если Япония применением силы или угрозой таковой попытается и впредь установить военным путем свое господство над сопредельными странами, США незамедлительно предпримут необходимые для обеспечения безопасности меры». При передаче ноты в Токио Номура высказал мнение о том, что Японии «не удастся достичь соглашения с Соединенными Штатами»¹³⁶.

К началу сентября 1941 г. японское военно-политическое руководство вынуждено было отложить на время нападение на Советский Союз. Основные причины состояли в срыве германского плана молниеносной войны и сохранении на Дальнем Востоке достаточно сильной группировки советских войск. Альтернативой выступлению на севере было дальнейшее расширение вооруженной экспансии в южном направлении. В согласованном на заседании Координационного совета правительства и императорской ставки от 3 сентября проекте документа «Программа осуществления государственной политики империи» определялось: «В случае отсутствия перспектив принятия наших требований до первой декады октября мы незамедлительно примем решение о начале войны против Соединенных Штатов и Великобритании»¹³⁷.

Затем на императорском совещании 6 сентября политика Японии в отношении США, Великобритании и Голландии была сформулирована следующим образом: «Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, и в особенности действия, предпринятые в отношении Японии США, Великобританией, Голландией и другими государствами, а также положение Советского Союза, степень возможного использования государственной мощи империи, мы осуществим предусмотренный “Основными принципами политики империи в связи с изменением обстановки” курс»¹³⁸. Было решено ориентировочно к концу октября закончить все военные приготовления.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проходила трехсторонняя конференция, в работе которой принимали участие: от СССР — В. М. Молотов, от Великобритании — министр снабжения лорд У. Бивербрук, от США — посол в СССР А. Гарриман. Во время состоявшейся 30 сентября беседы с главами делегаций США и Великобритании Сталин заявил: «У меня такое впечатление, что Япония — не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва Японии от Германии». В ответ Гарриман заметил: «Великобритания и США этим вопросом много занимались. Мы теперь представляем единый фронт, чтобы дать Японии понять ошибочность ее отношений с державами «оси». Эта политика, которую мы развивали со встречи президента с Черчиллем (9–12 августа), дает уже хорошие результаты»¹³⁹. Проявленный Гарриманом оптимизм по поводу перспективы вывода Японии из Тройственного пакта вызывает удивление. В это время Япония уже завершала подготовку к войне против США.

Приняв решение воевать сначала с США и Великобританией на юге, японцы делали все возможное, чтобы создать в Вашингтоне и Лондоне обратное впечатление, т. е. что Япония

намерена в ближайшее время нанести удар по Советскому Союзу. Содержавшаяся в послании премьер-министра Японии президенту США от 28 августа «надежда японского правительства на то, что США будут избегать сотрудничества с Советским Союзом» и предложение со стороны Токио организовать личную встречу Ф. Коноэ с Ф. Рузвельтом укладывались в рамки японской операции по дезинформации, призванной убедить Вашингтон в нежелании Японии идти на столкновение с США. Альтернативой же нарушавшего интересы США и Великобритании японского движения на юг было выступление Японии на севере, против СССР. Это лишнее раз убеждало Вашингтон в правильности утвержденного 21 июля 1941 г. оперативного плана Тихоокеанского флота США, который исходил из неизбежности японо-советской войны. «Каким жизненным интересам США может угрожать Япония?» — задавалась вопросом американская газета «Чикаго трибюн». И утверждала: «Она не может напасть на нас. Это невозможно с военной точки зрения. Даже наша база на Гавайских островах находится вне досягаемости эффективного удара ее флота»¹⁴⁰.

Не только военное, но и политическое руководство США и Великобритании в своей стратегии исходило из ошибочного вывода о том, что в связи с выдвижением германских войск к Москве приближается и срок японского удара по СССР с востока. «Я думаю, — писал 15 октября 1941 г. Ф. Рузвельт У. Черчиллю, — что они (японцы) направятся на север». Английский премьер соглашался с ним¹⁴¹.

С 16 апреля 1941 г. в Вашингтоне проходили американо-японские переговоры о нормализации двусторонних отношений. Правительство США с самого начала предложило для обсуждения четыре пункта: уважение территориальной целостности и суверенитета каждой нации; поддержка принципа невмешательства во внутренние дела других стран; поддержка принципа равенства, включая равенство возможностей торговли; ненарушение статус-кво в районе Тихого океана, за исключением случаев, когда статус-кво может быть изменен мирными средствами. При этом в обмен на вывод японских войск из Китая, образование в Китае единого правительства США не исключали возможность признания марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Со своей стороны, японцы предложили США признать Маньчжоу-Го, отказать в поддержке правительству Чан Кайши, предоставить Японии неограниченные права на получение в юго-западной части Тихого океана необходимого ей военно-стратегического сырья, не допускать укрепления американцами Филиппин.

Как писал в мемуарах госсекретарь США К. Хэлл, согласно положениям японского проекта «над всем районом Тихого океана, по существу, устанавливалось своего рода совместное японо-американское государство, причем господство Японии простиралось над той его частью, где проживало 9/10 населения и было сосредоточено 9/10 богатств района. Права и интересы других стран почти совсем не принимались во внимание». Хэлл считал, что «этот проект почти не давал надежды»¹⁴².

Его точку зрения разделял и Ф. Рузвельт, который, не возлагая особых надежд на благоприятный исход переговоров с японцами, тем не менее стремился как можно дольше оттягивать начало японо-американской войны.

Не рассчитывали на какие-либо компромиссы с американцами и японцы. В донесении руководителя советской разведгруппы в Японии Р. Зорге от 14 сентября 1941 г. сообщалось, что представитель флота и видный японский дипломат Т. Сиратори сказал германскому послу О. Отту и германскому военно-морскому атташе в Токио, что «переговоры с США есть последний эксперимент, чтобы доказать народу и крупным капиталистам, что достигнуть понимания с Америкой невозможно»¹⁴³.

Осенью 1941 г. правительство США, ища компромисс с Японией, по существу продолжало на Дальнем Востоке политику умиротворения. Более того, американцы через своих доверенных лиц давали понять японцам, что при определенных условиях США могли бы поддержать Японию в случае ее войны с Советским Союзом. Для этого японскому правительству предлагалось пересмотреть свои отношения с Германией и выйти из Тройственного пакта¹⁴⁴. И это не случайно, ибо в Вашингтоне и Лондоне Тройственный пакт Германии,

Японии и Италии рассматривали как направленный не столько против СССР, сколько против США и Великобритании.

Готовность Вашингтона к различного рода компромиссам с Японией объяснялась все большей вовлеченностью американцев в войну в Европе, где события развивались таким образом, что рано или поздно США должны были вмешаться в борьбу с Германией. Ф. Рузвельт в своем обращении к американскому народу 27 мая 1941 г. заявил, что нацисты «после завоевания Латинской Америки планируют далее задушить Соединенные Штаты и доминион Канаду»¹⁴⁵. Президент США отчетливо сознавал, что неурегулированность отношений с Японией и опасность вооруженного столкновения с этим государством чреваты ситуацией, при которой военно-морской флот США не сможет использовать все свои силы против Германии в Атлантике и его значительная часть будет прикована к тихоокеанскому театру военных действий. Это хорошо понимали в Токио. Стремясь склонить США к дальнейшим уступкам Японии и испытывая серьезное давление со стороны Германии, которая прилагала большие усилия для недопущения японо-американского урегулирования, японское правительство решило твердо отстаивать свои позиции на переговорах в Вашингтоне. При этом со всей определенностью было заявлено, что Япония рассматривает Тройственный пакт в качестве оборонительного соглашения и не собирается от него отказываться ни при каких условиях.

Как уже отмечалось, 6 сентября 1941 г. высшее руководство империи во главе с императором Хирохито приняло бесповоротный курс на разрешение противоречий с США и Великобританией вооруженным путем. Оставшееся до запланированного удара по американским военно-морским силам на Тихом океане время японцы использовали для завершения подготовки к такому удару и попыток усыпить бдительность Вашингтона.

Таким образом, события в Восточной Азии в межвоенный период и в первые годы Второй мировой войны оказывали непосредственное и в целом негативное воздействие на международную обстановку.

К началу Второй мировой войны в Японии существовали устойчивые милитаристские традиции, вполне сформировавшиеся взгляды на характер, цели и содержание готовившейся войны. Доктринальные взгляды политического руководства и генералитета Японии на сущность и цели мировой войны во многом совпадали со стратегическими воззрениями нацистской Германии: оба государства считали своей главной задачей достижение собственного мирового господства.

Поставив перед собой цель — создать вооруженным путем собственную колониальную империю в Азиатско-Тихоокеанском регионе, японское военно-политическое руководство развязало кровопролитную войну в Китае, не отказываясь при этом от войны против СССР в целях овладения советским Дальним Востоком и Сибирью и вооруженной борьбы с западными державами для захвата их колониальных владений.

Срыв Советским Союзом планов гитлеровского блицкрига и сохранение им крупных вооруженных сил на Дальнем Востоке не позволили японскому командованию, не забывшему еще уроки Хасана и Халхин-Гола, решиться на агрессию против СССР. Было выбрано казавшееся более легким южное направление развертывания войны.

7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны внезапным ударом, нанесенным крупным авианосным объединением по главной базе Тихоокеанского флота ВМС США в бухте Пёрл-Харбор на острове Оаху (Гавайские острова), открыла военные действия на Тихом океане. Практически одновременно с налетом на Гавайи начались операции вооруженных сил Японии по захвату Малайи, Филиппин, Борнео, Гонконга, Гуама, Уэйка и других территорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией / Пер. с яп. М., 2000. С. 55–56.
- ² Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 94.
- ³ Tansill Ch. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933–1941. Chicago, 1952. P. 64.
- ⁴ Агава Х. Адмирал Ямамото. М., 2003. С. 34.
- ⁵ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/773/
- ⁶ Агава Х. Указ. соч. С. 45.
- ⁷ История войны на Тихом океане / Пер. с яп.: в 5 т. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии. М., 1957. С. 104–105.
- ⁸ Дайтоа сэно кокан сэнси. Дайтоа сэно кокан сэнси. Т. 8. (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Ч. 1. Токио, 1967. С. 278.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 92.
- ¹⁰ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 15. М., 1969. С. 16.
- ¹¹ Дайхоньэй рикугун бу. Ч. 1. С. 290.
- ¹² История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. М., 1973. С. 89.
- ¹³ Там же. С. 92; Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Т. 1. Токио, 1972. С. 293.
- ¹⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1. С. 94.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 746.
- ¹⁶ Рагинский М. Ю., Розенблит С. Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.
- ¹⁷ Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. L, 1971. P. 552.
- ¹⁸ Марушкин Б. И. Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939). М., 1957. С. 30.
- ¹⁹ История внешней политики СССР. 1917–1976. Т. 1. М., 1976. С. 296.
- ²⁰ Сёва но рэкиси (История периода Сёва). Т. 4. Токио, 1982. С. 330.
- ²¹ История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 2. М., 1957. С. 67.
- ²² Сигрейв С. и П. Династия Ямато / Пер. с англ. М., 2005. С. 263.
- ²³ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 467. Л. 524.
- ²⁴ Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 35.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 22–23.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 482. Л. 141.
- ²⁷ Дайтоа сэно кокан сэнси. 28 (1). Сина дзихэн рикугун сакусэн (Официальная история войны в великой Восточной Азии. Т. 28. Операции сухопутных сил в период китайского инцидента. Ч. 1). Токио, 1975. С. 103.
- ²⁸ Statistical Year Book of the League of Nations. 1939–1940. Geneva, 1940. P. 182.
- ²⁹ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 218.
- ³⁰ Contemporary Japan. 1936. Vol. 4. P. 638.
- ³¹ Тайхэйё сэно-эно мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 223.
- ³² US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. 3. The Far East. Wash., 1954. P. 165.
- ³³ Ibid. P. 487.

- ³⁴ US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. 3. The Far East. Wash., 1954. P. 487.
- ³⁵ Foreign Relations of the United States (FRUS). Japan. 1931–1941. Vol. 1. 1943. P. 326.
- ³⁶ ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 413.
- ³⁷ Там же. С. 741.
- ³⁸ Там же. С. 409.
- ³⁹ Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 39.
- ⁴⁰ FRUS. 1937. The Far East. Vol. 3. P. 475–176.
- ⁴¹ ДВП СССР. Т. 20. С. 436–137.
- ⁴² Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 36.
- ⁴³ *Марушкин Б. И.* Указ. соч. С. 52.
- ⁴⁴ Цит. по: *Кунина А. Е., Марушкин Б. И.* Миф о миролюбии США. М., 1960. С. 174.
- ⁴⁵ *Bisson T. A.* America's Far Eastern Policy. N. Y., 1945. P. 168.
- ⁴⁶ ДВП СССР. Т. 20. С. 401.
- ⁴⁷ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. 4 (1935 — июль 1941 г.). М., 1946. С. 304.
- ⁴⁸ ДВП СССР. Т. 20. С. 617.
- ⁴⁹ Там же. С. 654–655.
- ⁵⁰ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72.
- ⁵¹ *Сапожников Б. Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.
- ⁵² История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.
- ⁵³ Дайтоа сэпсо кокан сэнси. Т. 20. Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. Токио, 1968. С. 2.
- ⁵⁴ ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 342.
- ⁵⁵ Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы). Т. 8. Токио, 1976. С. 224.
- ⁵⁶ Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 108–111.
- ⁵⁷ Люшков Генрих Самойлович (1900–1945) родился в Одессе в семье портного. С 1920 г. работал в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД на Украине, в Москве, Азово-Черноморском крае. С августа 1937 г. на Дальнем Востоке. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Опасаясь ареста, Люшков в разгар репрессий 1938 г. тайно перешел границу Маньчжоу-Го и попросил политического убежища у японцев. Накануне своего побега организовал иммиграцию своей семьи в Финляндию. В 1938–1945 гг. сотрудничал с японской разведкой. В августе 1945 г. был уничтожен самими японцами. См. об этом подробнее серию статей японского исследователя Ё. Хиямы в журнале «Проблемы Дальнего Востока». 1990. № 3–5.
- ⁵⁸ *Соох А. Nomonhan.* Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 1. P. 115.
- ⁵⁹ *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 154.
- ⁶⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 9. Оп. 29. Д. 59. Л. 16–17.
- ⁶¹ *Славинский Б. Н.* СССР и Япония — на пути к войне. Дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 156.
- ⁶² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1077. Л. 5.
- ⁶³ War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 10 (Part 1). Small Wars and Border Problems Through 1938. Appendix O Manchurian Studies. Vol. 11. P. 191.
- ⁶⁴ По сообщению Р. Зорге, действия японцев, которые «восстановили свой ослабленный престиж», произвели сильное впечатление на иностранные круги, включая германское посольство в Токио. ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22383. Д. 3. Л. 185.
- ⁶⁵ См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 127.
- ⁶⁶ *Соох А. Nomonhan.* Vol. 1. P. 136; Книга Памяти Российской Федерации 1923–1939 гг. Т. 1. М., 1998. С. 122.
- ⁶⁷ Цит. по: *Парилло М.* «И им суждено сойтись». Халхин-Гол и Вторая мировая война. С. 139.
- ⁶⁸ Книга Памяти Российской Федерации 1923–1939 гг. Т. 1. С. 129–173; Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование М., 2001. С. 173; РГВА. Ф. 33937. Оп. 3. Д. 1121. Л. 27.
- ⁶⁹ Цит. по: *Зимонин В. П., Кузленков В. Н., Логинов А. А., Нагаев И. М.* Герои Хасана. М., 2008. С. 113.
- ⁷⁰ Цит. по: Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий: Материалы научно-практической конференции / Ред. В. Н. Кузленков. М., 2003. С. 100.

- ⁷¹ Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Vol. 8. L., 1955. P. 34, 46.
- ⁷² Цит. по: *Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 329.
- ⁷³ Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1977. С. 602.
- ⁷⁴ История войны на Тихом океане. Т. 2 / Пер. с яп. М., 1957. С. 355–356.
- ⁷⁵ FRUS. Japan. 1931–1941. P. 813.
- ⁷⁶ In: British Far Eastern Policy// Information Department Papers. 1939. № 24. July. P. 36.
- ⁷⁷ *Севостьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 486.
- ⁷⁸ War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection. Vol. 10. Japan and the Soviet Union. N. Y.; L., 1980. P. 105–106.
- ⁷⁹ См. подробнее: *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении Советского Союза 1931–1945 гг. М., 1989. С. 56–66.
- ⁸⁰ Дайхонгэй рикугун бу. Ч. 1. Токио, 1967. С. 585.
- ⁸¹ *Цудзи М.* Номонхан дзихэн-но боппацу (Начало номонханских событий). Чанчунь, 1941. С. 85–86.
- ⁸² Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.
- ⁸³ *Севастьянов Г. Н.* Указ. соч. С. 486.
- ⁸⁴ Русский архив. Великая Отечественная война. Т. 18. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 156.
- ⁸⁵ См.: Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 129.
- ⁸⁶ *Соох А.* Nomonhan. Vol. 1. P. 145–147.
- ⁸⁷ Frankfurter Zeitung. 1937. Januar 13.
- ⁸⁸ АВП. Ф. 5. Оп. 18. Д. 180. Л. 27, 38.
- ⁸⁹ Цит. по: Асахи симбун. 1989. 1 июля.
- ⁹⁰ War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 10 (Part 1). Small Wars and Border Problems Through 1938. [Manchurian Studies. Vol. 11. Through Part 3. Book A]. P. 99–102.
- ⁹¹ New York Times. 1939. Febr. 12.
- ⁹² *Соох А.* Nomonhan. Vol. 1. P. 196.
- ⁹³ War in Asia and the Pacific, 1937–1949. Vol. 10 (Part 1). Japanese Operational Planning Against USSR (1932–1945) [Manchurian Studies. Vol. 1]. P. 124–129.
- ⁹⁴ См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 51.
- ⁹⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1222. Л. 12–15.
- ⁹⁶ См.: Асахи симбун. 1989. 1 июля.
- ⁹⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1222. Л. 1.
- ⁹⁸ См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Изд. 10-е. М., 1990. Т. 1. С. 242–243.
- ⁹⁹ См.: Асахи симбун. 1989. 4 июля.
- ¹⁰⁰ См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. С. 52–53.
- ¹⁰¹ См.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. С. 244.
- ¹⁰² Цит. по: Асахи симбун. 1989. 6 июля.
- ¹⁰³ См.: Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. С. 53–58.
- ¹⁰⁴ *Горбунов Е. А.* 20 августа 1939. М., 1986. С. 201–202.
- ¹⁰⁵ Уже после войны в 1950 году в беседе с Константином Симоновым Г. К. Жуков вспоминал о событиях 3 июля: «Я принял решение атаковать японцев с ходу танковой бригадой Яковлева. Знал, что без поддержки пехоты она понесет тяжелые потери, но мы сознательно шли на это». См.: *Горбунов Е. А.* 20 августа 1939. С. 202.
- ¹⁰⁶ *Афанасьев В. А.* Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 73–74.
- ¹⁰⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2743. Л. 9.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ *Соох А.* Nomonhan. Vol. 1. P. 572.
- ¹¹⁰ Боевое содружество: О советско-монгольском боевом содружестве. М., 1983. С. 94–95.

- ¹¹¹ In: *Glantz D. Soviet Military Strategy vis-a-vis Japan (1921–1945) (An American Perspective)* / Paper presented to IV-th Symposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey), Rutgers Univ. October 1990. P. 19.
- ¹¹² *Cooh A. Nomonhan. Japan Against Russia, 1939. Stanford (Calif.), 1985. Vol. 2. P. 1123. App. J.*
- ¹¹³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1207. Л. 112.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Cooh A. Nomonhan. Vol. 2. P. 1101. App. C.*
- ¹¹⁶ Цит. по: *Парилло М. «И им суждено сойтись».* Халхин-Гол и Вторая мировая война. С. 145.
- ¹¹⁷ См.: *Горбунова П., Роцункин В. Небесные родичи «Катюши»* // Военно-промышленный курьер. 2011. 23–29 ноября.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Афанасьев В. А. Становление полководческого искусства Г. К. Жукова. М., 2006. С. 92–93.*
- ¹¹⁹ РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 14. Л. 277.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Тайхэйё сэно си. Т. 3. С. 283.
- ¹²² Там же. Т. 3. С. 316.
- ¹²³ «Токио нити-нити». 1940. 16 июля.
- ¹²⁴ *Агава Х. Указ. соч. С. 208.*
- ¹²⁵ Тайхэйё сэно-э-но мити. Сирёхэн. (Путь к войне на Тихом океане. Сборник документов). Токио, 1963. С. 341.
- ¹²⁶ СССР и Япония. М., 1987. С. 192.
- ¹²⁷ *Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 334.*
- ¹²⁸ Там же. С. 326.
- ¹²⁹ Там же. С. 335.
- ¹³⁰ Тайхэйё сэно-эно мити. Сирёхэн. С. 462.
- ¹³¹ См. подробнее: *Кошкин А. Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 117–134.*
- ¹³² Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 322.
- ¹³³ История Второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 242.
- ¹³⁴ Тайхэйё сэно-э-но мити. Бэкан. Сирёхэн. С. 481.
- ¹³⁵ *Langer W., Gleason S. The Undeclared War 1940–1941. N. Y., 1953. P. 672.*
- ¹³⁶ *Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. California, 1967. P. 123.*
- ¹³⁷ *Ibid. P. 132.*
- ¹³⁸ См.: Тайхэйё сэно-э-но мити. Сирёхэн. 1963. С. 507, 510.
- ¹³⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. М., 1984. С. 120.
- ¹⁴⁰ *The Chicago Tribune. 1941. October 27.*
- ¹⁴¹ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2: 1917–1945 гг. М., 1973. С. 186.
- ¹⁴² *Hull C. The Memoirs. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1000.*
- ¹⁴³ Русский архив. Великая Отечественная война. Т. 18. С. 192–193.
- ¹⁴⁴ *Судо С. Хару ното-о кайта отоко. Нитибэй кайсэнтэ «Юки» сакусэн (Человек, написавший ноту Хэлла. Дипломатия периода начала японо-американской войны и операция «Снег»).* Токио. 1999. С. 24.
- ¹⁴⁵ *Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 100.*

СССР в мировой политике. Борьба за коллективную безопасность

Международное положение молодого Советского государства к началу 1930-х гг. было крайне сложным. Страна постепенно набирала силу, но еще не оправилась от травмы «великого перелома»: коллективизация сопровождалась огромными социальными издержками, промышленная база только начинала создаваться в ходе индустриализации, военный потенциал и обороноспособность страны находились на низком уровне. Между тем обстановка в мире резко усложнилась под влиянием мирового экономического кризиса, следствием которого стало усиление агрессивных правых сил в ряде ведущих государств. Внешние угрозы безопасности Советского Союза нарастали.

Главным очагом непосредственной военной опасности стал японский милитаризм, начавший свою программу экспансии с захвата осенью 1931 г. принадлежавшей Китаю Маньчжурии. В марте 1932 г. там было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, находившееся под контролем расквартированной в Маньчжурии Квантунской армии. Ее вторжение явилось грубым нарушением Портсмутского договора 1905 г., запрещавшего размещение в Маньчжурии японских войск. Оккупировав административный центр КВЖД Харбин, японские войска вышли к советско-китайской границе, что создавало прямую угрозу безопасности дальневосточных рубежей СССР. Маньчжоу-Го могло стать стратегическим плацдармом для нападения на СССР, планы которого начали разрабатываться в Токио уже в 1932 г. Лига Наций ограничилась формальным объявлением Японии агрессором, не введя против нее никаких санкций, предусмотренных в подобных случаях ее уставом. США попытались более активно противодействовать агрессии, провозгласив в начале 1932 г. так называемую доктрину Стимсона (по имени тогдашнего государственного секретаря), которая декларировала суверенитет и территориальную целостность Китая при сохранении там политики «открытых дверей». Однако эта инициатива не получила поддержки европейских государств. Легкие военные успехи усилили позиции милитаристских кругов Японии и привели к отставке более умеренного кабинета министров. Не встречая серьезного сопротивления, Япония захватила еще одну северо-восточную провинцию Китая и в марте 1933 г. вышла из Лиги Наций. Тем самым она бросала открытый вызов сложившемуся в Азиатско-Тихоокеанском регионе послевоенному международному порядку.

Менее непосредственная, но потенциально еще более серьезная угроза войны возникла в центре Европы в результате прихода к власти в Германии нацистской партии во главе с А. Гитлером. Став в январе 1933 г. канцлером, Гитлер вскоре сосредоточил в своих руках огромные полномочия, добившись фактической отмены Веймарской конституции. В Германии был установлен тоталитарный политический режим, взявший курс на форсированную милитаризацию страны и пересмотр всего Версальского миропорядка. В стране начались многочисленные провокации против советских учреждений и граждан. В октябре 1933 г.

Германия демонстративно вышла из Лиги Наций. Внешнеполитические цели нацистов складывались из нескольких установок: 1) освобождение Германии от военных и территориальных ограничений, налагавшихся Версальским договором; 2) создание немецкого «стального ядра» путем присоединения населенных немцами земель Центральной и Восточной Европы; 3) расширение «жизненного пространства» Германии за счет Восточной Европы и СССР; 4) сокрушение Франции и установление господства во всей Европе, а затем и в мире. Идеологической основой этой программы стали воинствующий антикоммунизм и теория «превосходства арийской расы», якобы дающие ей право на управление миром. Таким образом, из партнера Советского Союза в духе Рапалльского договора, подписанного 16 апреля 1922 г., Германия превращалась в его злейшего врага.

Двойной вызов со стороны давних противников России поставил СССР перед тяжелой задачей обеспечения своей безопасности в условиях неготовности страны к большой войне с превосходящими силами прямых и потенциальных противников. Для ее решения было необходимо всемерно наращивать оборонный потенциал в целях ликвидации этой асимметрии военной мощи. Во втором пятилетнем плане экономического и социального развития СССР доля военных расходов была увеличена более чем вдвое по сравнению с первой, причем самый большой их рост начался после вторжения Японии в Маньчжурию¹. Параллельно быстро наращивалась численность вооруженных сил и осуществлялась реорганизация системы управления ими, повышался уровень технической оснащенности войск. Особенно быстрыми темпами росла военная группировка на Дальнем Востоке — с шести дивизий Особой Краснознаменной Дальневосточной армии в 1931 г. до 20 дивизий в 1936 г. С 1931 г. в регионе начали создавать свои военно-морские силы, преобразованные в 1935 г. в Тихоокеанский флот. В Приамурье и Приморье была построена обширная военная инфраструктура, введен в строй крупный авиационный завод в Комсомольске-на-Амуре.

Не менее важно было отодвинуть угрозу войны политико-дипломатическим путем за счет сдерживания агрессоров совместными усилиями всех заинтересованных в этом стран. Главная задача — предотвратить возникновение единой коалиции западных держав, направленной против СССР, оставалась прежней. Менялись потенциальные союзники и противники, а также пути и методы решения этой задачи. Если раньше главным противником считалась Великобритания как основной вдохновитель и организатор антисоветского блока, то теперь на эту роль выдвигались Германия и Япония. Стало ясно, что в новой обстановке интересам Советского Союза отвечает не прежняя критика версальской системы, а защита сложившегося в Европе порядка и границ от посягательств со стороны набирающих силу агрессоров. От договоров о ненападении, заключение которых было основной линией советской дипломатии на рубеже 1930-х гг., требовалось переходить к более активным формам противодействия военной угрозе. Это подразумевало новый уровень взаимодействия с другими государствами (прежде всего с ведущими западными демократическими странами) и опору на международное право, что нашло свое отражение в политике коллективной безопасности. Советские дипломаты начали сотрудничать с Лигой Наций, приняв участие в конференции по разоружению 1932 г. На той же конференции нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов предложил проект международной конвенции об определении агрессии, который давал четкое правовое толкование таких действий и создавал основу для эффективного применения механизма санкций против их инициаторов, предусмотренного Уставом Лиги Наций. Хотя ведущие европейские державы не поддержали проект конвенции, к ней присоединилось большинство восточно-европейских государств, а также Турция, Иран и Афганистан. Это открывало новые возможности для создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР.

Следующим шагом стало вступление Советского Союза в Лигу Наций, связанное с советско-французским сближением на почве общей заинтересованности в сдерживании нацистской Германии. Французское правительство в октябре 1933 г. выступило с предложением о заключении в рамках Лиги Наций многостороннего соглашения с участием СССР и

восточноевропейских союзников Франции о взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло положительное решение по вопросу вступления в Лигу Наций, сопроводив его рядом оговорок. Во-первых, СССР настаивал на своем международно-правовом признании всеми членами этой организации и предлагал некоторые демократические дополнения в ее устав. Во-вторых, предлагалось расширить сферу действия многостороннего соглашения о взаимной помощи и на случай агрессии со стороны других государств, кроме Германии (имея в виду Японию). Принятое решение дало толчок дальнейшим переговорам с Францией о так называемом Восточном пакте — региональной системе коллективной безопасности в Европе. Поначалу советское руководство увязывало свое вступление в Лигу Наций с предварительным заключением договоров о взаимопомощи, но затем во избежание затягивания переговоров отказалось от этого, оговорив свое вступление другими условиями — получением официального приглашения вступить в Лигу, предоставлением Советскому Союзу места постоянного члена Совета Лиги и поста одного из заместителей генерального секретаря. Все эти условия были удовлетворены, и при активном содействии Франции и Чехословакии 18 сентября 1934 г. Лига Наций большинством голосов постановила принять СССР в свою организацию. В Москве не обольщались насчет миротворческих возможностей Лиги, но надеялись, что при советском участии она получит шанс, по словам Сталина, «хотя бы несколько затруднить дело войны и облегчить в некоторой степени дело мира»².

Вступление СССР в Лигу Наций проложило дорогу к его признанию другими членами этой организации: в 1934—1935 гг. были установлены дипломатические отношения с союзниками Франции — Чехословакией и Румынией, а также с Венгрией, Болгарией, Албанией и Бельгией. Вторая «полоса признаний» способствовала нормализации отношений СССР с большинством европейских государств и укреплению его международных позиций. В самой Лиге Наций Советский Союз быстро занял одно из ведущих мест в качестве самого активного поборника создания системы коллективной безопасности. Живым олицетворением этой линии стал нарком иностранных дел М. М. Литвинов, провозгласивший с трибуны Лиги Наций тезис о неделимости мира: «Мир не может быть обеспечен лишь субъективными высказываниями и декларациями... Он может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий»³.

Важным направлением советской политики стала нормализация отношений с США — великой державой, которая начинала играть все большую роль в мировой политике. Вашингтон дольше других западных столиц придерживался позиции непризнания СССР, но с приходом к власти нового президента — демократа Ф. Рузвельта в 1933 г., ситуация изменилась. Рузвельт считал ненормальным положение, при котором государству, занимавшему одну шестую земной суши и с которым у США традиционно были хорошие отношения, отказывалось в признании. Важным побудительным мотивом было осознание потенциальной роли Советского Союза в качестве противовеса японской, а в дальнейшем и нацистской агрессии. Новый госсекретарь К. Хэлл также «предвидел период больших потрясений в мире и хотел иметь в них Россию на своей стороне»⁴.

В Москве надеялись, что нормализация отношений с оплотом мирового капитализма укрепит международные позиции СССР и поможет сдерживанию агрессоров, прежде всего Японии. Определенные надежды возлагались и на закупки в США передового промышленного оборудования для нужд индустриализации и обороны страны. В ноябре 1933 г. в Вашингтоне состоялись переговоры М. М. Литвинова с Ф. Рузвельтом об установлении дипломатических отношений между двумя странами. Они завершились 17 ноября обменом нот: обе стороны отказывались от вмешательства во внутренние дела друг друга и обязались воздерживаться от враждебной пропаганды. Во время переговоров с Рузвельтом Литвинов поднял вопрос о создании Тихоокеанского пакта — подготовке соглашения о ненападении в Азиатско-Тихоокеанском регионе с участием СССР, США, Китая и Японии. Участие последней предлагалось из тактических соображений с расчетом на то, что отказ Японии

лишний раз продемонстрирует ее агрессивные намерения. По замыслу Кремля пакт мог сыграть такую же сдерживающую роль в отношении Японии, как европейская система коллективной безопасности в отношении Германии. Рузвельт ограничился общими словами о поддержке Советского Союза против Японии, уклонившись от конкретного разговора о таком соглашении. В США был еще слишком силен изоляционизм, да и в Вашингтоне не хотели брать на себя жестких обязательств, способных втянуть страну в войну с Японией. В дальнейшем советские дипломаты не раз возвращались к этой теме в контактах с США, Китаем и Великобританией, но создать систему коллективной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе так и не удалось.

Двусторонние советско-американские отношения поначалу развивались успешно: первый полпред СССР в Вашингтоне А. А. Трояновский установил тесный контакт с Ф. Рузвельтом и его окружением, послу США У. Буллиту также было оказано в Москве должное внимание. Однако вскоре надежды сторон на их дальнейший прогресс оказались подорваны. Развитию торгово-экономических связей мешала нерешенность проблемы долгов царского и Временного правительств, увязанной американской стороной с предоставлением Советскому Союзу кредитов, необходимых для закупок американских товаров. Советское руководство, со своей стороны, опасалось создать прецедент для Франции и других европейских стран, которые также могли потребовать уплаты старых долгов. Политические отношения осложнялись продолжающейся поддержкой компартии США со стороны Коминтерна, что рассматривалось в Вашингтоне как вмешательство во внутренние дела. В дипломатической сфере главным препятствием было преобладание изоляционистского настроения в США, стремление остаться в стороне от европейских конфликтов, и это приходилось учитывать Рузвельту. Несмотря на все усилия, советским дипломатам не удалось заручиться в Вашингтоне даже устной поддержкой идеи Восточного пакта. Внутри советского руководства также не было единодушия в подходе к Америке: Сталин и руководство НКВД были настроены весьма жестко в отношении американских требований, тогда как полпред А. А. Трояновский выступал за гибкость и взаимные уступки во имя налаживания эффективного политического взаимодействия с США, которое, как он верно предвидел, будет крайне необходимо в будущем. Говоря в письме Сталину об «очень большой роли» США в грядущей войне с Германией, он отмечал: «Дойдет ли эта роль до активного участия в войне, пока трудно сказать, но что моральная, финансовая и особенно техническая помощь и помощь сырьем со стороны Соединенных Штатов окажут огромное влияние на исход войны, в этом не приходится сомневаться»⁵. Тем не менее, несмотря на все неиспользованные возможности, сам факт нормализации отношений с крупнейшей западной державой и поддержание дипломатического диалога с ней создавали важный задел для будущего.

Прагматизм советской внешней политики проявился и в отношениях с Италией, когда в июне 1933 г. Муссолини согласился принять советское предложение заключить советско-итальянский договор о ненападении. Для него было важно укрепить свои позиции в отношениях с Францией и Великобританией, которых он в тот период пытался объединить в антисоветский «пакт четырех» с участием Германии и Италии. Советское правительство со своей стороны стремилось предотвратить такое объединение за счет установления особых отношений с Италией. Советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете был подписан в сентябре 1933 г. Он включал статьи о взаимных гарантиях в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон.

Главным партнером СССР по созданию системы коллективной безопасности в Европе являлась Франция, более других великих держав опасавшаяся новой германской агрессии. С назначением в феврале 1934 г. на пост министра иностранных дел этой страны Луи Барту — убежденного противника нацизма — советско-французское сближение получило новый импульс. Поначалу усилия двух стран концентрировались на попытке создания так называемого Восточного Локарно — регионального пакта о взаимопомощи с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши и стран Прибалтики. По замыслу Барту, этот пакт должен был стать дополнением к будущей советско-французской конвенции о взаимопомощи,

связав тем самым новую восточноевропейскую систему безопасности с уже существовавшей локальной системой. Участие Германии при этом рассматривалось как желательное, но не необходимое условие.

СССР согласился с предложением о создании пакта, однако оно встретило сопротивление не только Германии, но и Польши, которая в январе 1934 г. пошла на сближение с Берлином, подписав польско-германскую декларацию «О мирном разрешении споров». Более того, в июле того же года Польша и Германия договорились скрыто противодействовать заключению Восточного пакта и даже пойти на создание военного союза в случае его заключения. Литва, Латвия и Эстония обусловили свое участие в пакте многочисленными оговорками, и лишь Чехословакия ответила полным согласием. Великобритания, имевшая большое влияние на Францию, была настроена скептически в отношении сотрудничества с СССР в рамках предлагавшегося соглашения. Убийство Барту в октябре 1934 г. (следы которого тянулись к германским спецслужбам) и замена его П. Лавалем еще более затруднили процесс переговоров о Восточном пакте. В Москве сделали вывод о возможности его заключения без Германии и Польши «в случае согласия на это Франции и Чехословакии или одной Франции», как говорилось в ноябрьском (1934) постановлении Политбюро ЦК ВКП(б). В этом же постановлении предусматривалось «предложить Франции соглашение об обоюдном обязательстве СССР и Франции не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного взаимного извещения, а также о взаимном информировании о всякого рода политических переговорах с Германией»⁶. В ответ на эту советскую инициативу 5 декабря 1934 г. между СССР и Францией был подписан так называемый Женевский протокол, который обязывал обе стороны не вести каких-либо переговоров, способных нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта, а также информировать друг друга по данному вопросу. Это был еще один шаг к заключению двустороннего пакта о взаимопомощи между СССР и Францией.

Завершающая стадия переговоров прошла весной 1935 г. на фоне присоединения к Германии Саарской области, объявления о создании в стране военно-воздушных сил и обнаружения планов Гитлера по дальнейшей ремилитаризации Германии — введению всеобщей воинской повинности и доведению численности вермахта до 550 тыс. человек. Ответом западных держав на это грубейшее нарушение военных статей Версальского мира стала конференция премьер-министров Великобритании, Франции и Италии в Стресе (Италия, апрель 1935 г.). Они ограничились осуждением действий Германии, воздержавшись от предложенных Францией санкций в случае новых нарушений Германией своих международных обязательств. Мало того, вместо обуздания агрессора Великобритания в июне 1935 г. пошла на заключение с Германией военно-морского соглашения, согласно которому Третий рейх получил право иметь военно-морской флот, составлявший 35 % британского и примерно равный французскому. Тем самым было фактически легализовано создание германских ВМС в нарушение Версальского договора. Под давлением возмущенной французской общественности Лаваль оказался вынужден пойти на заключение соглашения с Советским Союзом, хотя и в несколько ослабленном виде.

Подписанный 2 мая 1935 г. в Париже договор о взаимной помощи предусматривал проведение консультаций между двумя странами в случае возникновения угрозы нападения на одну из них со стороны какого-либо европейского государства и оказание «немедленной помощи и поддержки» в случае неспровоцированного нападения со стороны какого-либо европейского государства (ограничение сферы действия договора пределами Европы было вызвано нежеланием Франции оказаться втянутой в возможный конфликт между СССР и Японией). Однако по настоянию Лавала эта помощь могла оказываться только с согласия Совета Лиги Наций. Советской стороне, правда, удалось добиться исключения из этого правила в том случае, если Совет не вынесет никакой рекомендации или не достигнет единогласия по данному вопросу.

Советско-французский договор о взаимной помощи стал первым крупным соглашением такого рода, связавшим СССР с одной из ведущих капиталистических держав Европы. Но в Москве не питали иллюзий относительно надежности взятых Францией на себя обязательств

в случае войны. «Не следует возлагать на пакт серьезных надежд в смысле действительной военной помощи в случае войны, — писал советскому руководству М. М. Литвинов. — Наша безопасность по-прежнему останется исключительно в руках Красной армии. Пакт для нас имеет преимущественно политическое значение, уменьшая шансы войны как со стороны Германии, так и Польши, и Японии. Кроме того, пакт может оказаться препятствием осуществлению стремлений Польши к созданию антисоветского блока из Польши, Германии и Франции плюс некоторые другие страны»⁷.

Советско-французский договор о взаимопомощи был подкреплён заключением аналогичного соглашения с Чехословакией, подписанного 16 мая в Праге. Его единственное отличие от первого состояло в том, что вступление в силу обязательств о взаимопомощи между Советским Союзом и Чехословакией должно было предваряться оказанием помощи жертве нападения со стороны Франции. Это условие было выдвинуто чехословацкой стороной, не доверявшей односторонним действиям СССР, но оно соответствовало интересам и самого Советского Союза, не желавшего воевать с Германией один на один. Кроме того, оказание советской военной помощи затруднялось отсутствием у СССР общей границы с Чехословакией. Для прохода Красной армии на её территорию требовалось согласие соседних Польши и Румынии, которое было отнюдь не гарантировано. М. М. Литвинов так оценивал значение заключённого договора: «Хотя действительная помощь по пакту проблематична с французской стороны — вследствие подчинения её Локарно и решениям Совета Лиги Наций, а с нашей — вследствие отсутствия (общих) границ, пакт будет иметь большое политическое значение в качестве фактора, уменьшающего соблазн нападения со стороны Германии»⁸. Заключение этих двух договоров стало первым весомым вкладом в создание системы коллективной безопасности в Европе. Советское правительство не собиралось на этом останавливаться, продолжая свои усилия по её расширению и укреплению.

Осенью 1935 г. был активизирован дипломатический диалог с Румынией в целях заключения с ней договора о взаимопомощи, аналогичного советско-чехословацкому. Главным препятствием стал нерешённый вопрос о Бессарабии, захваченной Румынией после Первой мировой войны: румынская сторона настаивала на таком определении территории Румынии, которое означало бы отказ СССР от Бессарабии, что было неприемлемо для Москвы. Отстранение в августе 1936 г. с поста министра иностранных дел Н. Титулеску — сторонника коллективной безопасности — в августе 1936 г. положило конец этим переговорам.

Советскими дипломатами французской стороне было предложено дополнить договор о взаимопомощи военной конвенцией, которая сделала бы его более действенным на случай войны, однако военное командование и часть политического руководства Франции были настроены против военного сближения с СССР. В результате переговоры по этому вопросу затянулись. Другим направлением советской политики стало стремление вовлечь в систему коллективной безопасности Великобританию, без участия которой, как хорошо понимали в Кремле, эта система вряд ли окажется эффективной. Визит в Москву лорда — хранителя печати А. Идена в конце марта 1935 г. (первый визит такого рода после 1917 г.) был использован советской стороной для улучшения отношений с Великобританией. В центре внимания находились вопросы германской политики и создания системы коллективной безопасности. И. В. Сталин в беседе с Иденом назвал Восточный пакт «страховкой» против германской угрозы⁹. «Выдвигая на первый план восточную экспансию, — предупреждал Идена М. М. Литвинов, — Гитлер хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции на его вооружения. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки могут стрелять совсем в другом направлении»¹⁰. Однако в Лондоне явно недооценивали опасность нацизма и ещё надеялись найти общий язык с Гитлером. Единственным заметным результатом некоторого улучшения советско-английских отношений стало начало переговоров об ограничении военно-морских вооружений между двумя странами, завершившихся в июле 1937 г. подписанием морского соглашения.

Усиление военной угрозы и переход СССР к политике коллективной безопасности оказали большое влияние на деятельность Коминтерна. Его прежняя линия, направленная

на обострение классовой борьбы и дискредитацию социал-демократии как разновидности фашизма, показала свою контрпродуктивность. Как и для советской внешней политики на межгосударственном уровне, в новую повестку дня выдвигался поиск некоммунистических союзников в борьбе с фашистской угрозой, в данном случае политических сил внутри самих западных стран. Большой вклад в формирование этой новой линии внес видный болгарский коммунист Г. Димитров, поддержанный лидерами компартий Италии и Франции, где в июле 1934 г. коммунисты и социалисты уже объединились в Народный фронт (термин М. Тореза). Новая тактика была принята на январском (1935) заседании исполкома, получила одобрение советского руководства и была официально провозглашена на VII конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в июле — августе 1935 г. Конгресс признал борьбу с фашизмом главной задачей мирового коммунистического движения и ориентировал коммунистов на создание широких политических коалиций всех демократических сил в защиту мира и демократии. Он поддержал советскую политику коллективной безопасности и даже высказался за усиление военных приготовлений в странах, которым угрожала фашистская экспансия. Тактика Народного фронта способствовала усилению роли и влияния европейских компартий, ставших во главе борьбы с фашизмом. Она укрепляла социальную опору политики коллективной безопасности, а с учетом тесных связей Коминтерна с руководством СССР убедительно подтверждала серьезность изменений в советской внешней политике. Коминтерновская и государственная политика СССР обрели единство.

Расширяя внешний и внутренний фронт противодействия агрессии, советское руководство вместе с тем избегало провоцировать Германию и Японию на конфронтацию, стремясь по возможности избежать прямого военного столкновения с ними и выиграть время для наращивания собственных сил.

В отношениях с Японией был проявлен максимум осторожности, дабы не дать повод милитаристским кругам страны развязать войну против СССР. Советская дипломатия стремилась нарастить глубину обороны против Японии за счет улучшения отношений с гоминьдановским Китаем и укрепления советских позиций в Монгольской Народной Республике (МНР). Находившееся в Нанкине правительство Чан Кайши, в свою очередь, поняв, что реальной помощи от Запада ожидать не приходится, пошло на сближение с СССР. В декабре 1932 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения. Их дальнейшему развитию способствовал перелом в ходе гражданской войны в Китае в пользу гоминьдановцев, который ослабил недовольство Нанкина советской поддержкой китайских коммунистов, осевших после «Великого похода» 1934 г. в Яннане. VII конгресс Коминтерна призвал к объединению китайских коммунистов с националистами для совместного противодействия японской угрозе. В результате Советскому Союзу удалось нормализовать отношения с правительством Чан Кайши, не порывая сложившихся связей с Коммунистической партией Китая (КПК). Японская агрессия угрожала и МНР, где в условиях формального суверенитета Китая существовал дружественный Советскому Союзу режим. В Токио вынашивали планы захвата Внешней Монголии и превращения ее в аналог Маньчжоу-Го. Японские войска устраивали многочисленные провокации на границе Маньчжурии и Монголии, пытаясь запугать монгольские власти. После срыва маньчжурско-монгольских переговоров в 1934 г. правительство МНР обратилось к советскому правительству с просьбой о военной помощи. Сначала ее оказывали в неофициальном порядке, а в марте 1936 г. был заключен советско-монгольский протокол о взаимной помощи. На территорию МНР были введены части Красной армии. «Улан-баторский протокол, — отмечало в этой связи руководство НКВД, — является новым звеном в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем японскую агрессию против МНР. Теперь Япония уже, конечно, не сомневается, что завоевание ею Монголии привело бы к войне с Советским Союзом»¹¹. Действительно, Японии на время пришлось отступить. С 1933 г. СССР стал оказывать военную помощь и властям Синьцзяна — северной провинции Китая, находившейся под советским влиянием.

В то же время советское правительство пошло на вынужденное взаимодействие с властями марионеточного Маньчжоу-Го, на территории которого находились около 50 тыс. совет-

ских граждан, пять консульств и обширная инфраструктура КВЖД. Представители НКВД на Дальнем Востоке получили указания «не задевать японцев, не ущемлять их без надобности и не создавать на этой почве конфликтов и недоразумений»¹². Самой Японии в 1932 г. было предложено заключить пакт о ненападении, который она отвергла после нормализации советско-китайских отношений. Власти Маньчжоу-Го и командование Квантунской армии чинили многочисленные провокации вокруг КВЖД, создавая невыносимые условия для ее работы. В этой обстановке советское руководство предпочло мирное разрешение проблемы, предложив Японии купить эту дорогу. 23 марта 1935 г. после длительных и напряженных переговоров было подписано соглашение о продаже КВЖД Японии за компромиссную цену в 56 млн золотых рублей, что было значительно ниже ее себестоимости. Вскоре большая часть советского персонала и учреждений в Маньчжурии была эвакуирована. Однако продажа КВЖД не внесла качественного перелома в советско-японские отношения. Основным районом провокаций японских властей стала советско-маньчжурская граница.

В отношениях с гитлеровской Германией советское руководство также проявляло большую сдержанность и осторожность. В его кругах сохранялись некоторые отличия в подходе к этой стране. Наиболее непримиримо был настроен нарком М. М. Литвинов, исключавший возможность сотрудничества с нацистским режимом. Менее однозначной была позиция председателя СНК В. М. Молотова и части руководства НКВД (полпред в Берлине Я. З. Суриц, заместитель Литвинова Н. Н. Крестинский), которые надеялись, что оппозиция Гитлеру в германской верхушке сможет в дальнейшем сделать политику Германии более умеренной. «С немцами не считаю нужным дальнейшее обострение, — писал Молотов Сталину в октябре 1933 г. — Литвинов со своим беспринципным окружением склонен катиться по оппозиционной немцам дорожке. Считаю нужным его осаживать»¹³. Сам Сталин, больше всего опасавшийся образования враждебной коалиции с участием Германии, также не спешил сжигать мосты с Берлином. Важный расчет делался на то, что заинтересованность немцев в советском сырье и материалах поможет улучшить двусторонние отношения и укрепить позиции более умеренных германских кругов. В свою очередь, Советский Союз остро нуждался в поставках машин и промышленного оборудования из Германии, в том числе оборонного значения. В марте 1934 г. было подписано соглашение о поставках немецких товаров в СССР, а в апреле 1935 г. получен крупный германский кредит в 200 млн марок для размещения советских заказов в Германии. В напряженных переговорах по этим вопросам Советский Союз жестко отстаивал свои экономические и оборонные интересы, не принося их в жертву ради улучшения политических отношений. Торгово-экономические связи между двумя странами были расширены в результате «особой миссии» советского торгпреда в Берлине Д. В. Канделаки, заключившего в апреле 1936 г. соглашение с президентом рейхсбанка и германским министром экономики Я. Шахтом о дополнительных заказах СССР в Германии. Советское правительство положительно откликнулось на зондаж Шахта в контактах с Канделаки о возможности политических переговоров между двумя странами, однако вскоре убедилось в их бесплодности. Огласка этих контактов весной 1937 г. на фоне продолжения Германией своего агрессивного курса привела к тому, что для пресечения слухов о советско-германском сближении Канделаки и Суриц были отозваны из Берлина. Отмеченная осторожность советской политики на германском направлении была естественной подстраховкой и отнюдь не означала курса на умиротворение гитлеровской Германии и последующую сделку с ней, как утверждают некоторые зарубежные и отечественные историки¹⁴.

Те же осторожность и прагматизм просматривались и в реакции СССР на международные кризисы 1935–1936 гг. Нападение Италии на Эфиопию в октябре 1935 г. явилось первым неприкрытым актом агрессии одного из членов Лиги Наций против другого. Муссолини преследовал геополитические интересы, намереваясь присоединить стратегически важную Эфиопию к своим соседним африканским колониям — Эритрее и Сомали. Лига Наций в ответ единодушно признала Италию агрессором и ввела против нее ограниченные экономические санкции. Советский Союз занял в этом вопросе сдержанную позицию, хотя принципиальное осуждение агрессии оказалось сильнее нежелания навредить отношениям с Италией. «Как

бы не хотелось нам не портить отношения с Италией, мы не можем не выступить против затеваемой ею империалистической войны», — писал Сталину Литвинов¹⁵. Советский Союз оказал большую моральную поддержку эфиопскому народу. Попытка Великобритании и Франции прекратить кровавый конфликт закулисной сделкой об аннексии части территории Эфиопии Италией (так называемый план Лавала — Хора) провалилась. В мае 1936 г. итальянские войска вошли в Аддис-Абебу и оккупированная Эфиопия стала частью итальянской Восточной Африки. В июле 1936 г. Лига Наций отменила санкции против Италии, еще раз продемонстрировав свою полную беспомощность. В США под воздействием этих событий был принят закон о нейтралитете, запрещающий экспорт оружия, боеприпасов и военного снаряжения обеим воюющим странам. С учетом отсутствия в Эфиопии своей военной промышленности этот закон больше ущемлял жертву, чем агрессора. Не случайно Гитлер в кругу своих соратников, по сообщению советской разведки, «чрезвычайно приветствовал» американский нейтралитет¹⁶.

Безнаказанность итальянской агрессии подтолкнула Гитлера к новому шагу по разрушению послевоенного порядка в Европе. 7 марта 1936 г. Германия, воспользовавшись в качестве предлога ратификацией французским парламентом договора о взаимопомощи с СССР, ввела войска вермахта в Рейнскую демилитаризованную область. Эти действия грубо нарушали условия Версальского и Локарнского договоров, давая Франции основания применить военную силу и обязывая Великобританию с Италией — главных гарантов нерушимости западных границ Германии — оказать французам любую помощь, вплоть до военной. Гитлер шел на большой риск, так как полумиллионная французская армия еще намного превосходила вермахт, который поначалу ввел в Рейнскую зону всего три батальона и имел приказ отойти в случае ответного ввода туда французских войска. «Если бы французы вошли тогда в Рейнскую область, — признавал потом сам Гитлер, — нам пришлось бы обратиться оттуда с поджатыми хвостами, потому что военные ресурсы, находившиеся в нашем распоряжении, были недостаточными даже для слабого сопротивления»¹⁷. Но фюрер рассчитывал на раскол и трусость руководителей европейских держав и не ошибся. Италия отказалась от принятия мер против Германии до тех пор, пока не будут отменены санкции Лиги Наций против нее самой, введенные после вторжения в Эфиопию. Великобритания осудила методы действий Германии, но не их суть, поскольку рассматривала существование Рейнской зоны как анахронизм. За кулисами британские дипломаты предостерегли Францию против решительных ответных действий. Вашингтон воздержался от всякой публичной реакции. Только Советский Союз через своего полпреда в Париже В. П. Потемкина заявил, что поддержит Францию, если она подвергнется нападению. Лишенная помощи западных союзников, Франция не решилась на применение силы против Германии. Даже ее робкое предложение ввести экономические санкции в отношении агрессора не получило поддержки из Лондона и Мадрида. Лига Наций ограничилась осуждением нарушения Германией международного права. Хотя Советский Союз в свое время был грубо отстранен от участия в Версальском и Локарнском договорах, а его интересы не затрагивались действиями Гитлера напрямую, он тем не менее выступил в Лиге Наций с их резкой критикой. Однако момент для обуздания нацизма был упущен. «Если бы по-другому держались англичане, а французы после махания руками не обосрались, то мы бы поставили Гитлера на колени, — писал Сталину из Европы Н. Бухарин, в то время главный редактор газеты «Известия», под свежим впечатлением от этого кризиса. — ... Столкновение будет. Вероятно, следующий этап гитлеровской экспансии это Австрия, аншлюс»¹⁸.

Политические и военные последствия рейнского кризиса были огромны. Ликвидация демилитаризованной зоны вывела войска вермахта на границу с Францией, которая отныне перешла к сугубо оборонительной стратегии. Сразу же начавшееся сооружение на левом берегу Рейна мощной заградительной линии Зигфрида затруднило бы приход французской армии на помощь своим восточноевропейским союзникам в случае нападения на них Германии. Рейнский успех вдохновил Гитлера на новые захваты. А главное — была дискредитирована Франция в качестве гаранта безопасности своих восточных союзников. От страны,

оказавшейся не в состоянии защитить себя, вряд ли можно было ожидать этого для других. «Одним дерзким шагом Гитлер подрубил основы всей структуры французских послевоенных союзов», — отмечалось в донесении американской армейской разведки из Берлина¹⁹. Первой отошла от Франции Бельгия, объявившая в октябре 1936 г. о своем нейтралитете, то есть о фактическом разрыве военного союза с Францией. Этот шаг был чреват серьезнейшими стратегическими последствиями, поскольку теперь Германия могла вторгнуться во Францию через Бельгию в обход оборонительной линии Мажино.

В то же время рейнский кризис дал толчок военному сближению Парижа с Лондоном, который стремился сохранить Францию в качестве противовеса Германии. В итоге состоявшегося в апреле 1936 г. обмена письмами Великобритания обязалась прийти на помощь Франции, если она подвергнется неспровоцированной агрессии. Вскоре после этого состоялись первые секретные переговоры штабов двух стран (в них до объявления о своем нейтралитете участвовала и Бельгия), где обсуждались планы совместных военных действий на случай германского нападения. К осени того же года имперский генеральный штаб Великобритании подготовил первый план войны с Германией, рассчитанный на развязывание ее нацистами в 1939 г. Авторы плана с большой тревогой отмечали наращивание военной мощи Третьего рейха и призывали к форсированной мобилизации военно-промышленных ресурсов Великобритании в предстоящей «долгой войне»²⁰.

Еще одним крупным международным кризисом тех лет стали события в Испании, где в июле 1936 г. правые силы во главе с генералом Ф. Франко подняли мятеж против республиканского правительства Народного фронта, объединившего социалистов, анархистов и коммунистов. Скоро этот вооруженный конфликт перерос в гражданскую войну, которая быстро интернационализировалась. Мятежники обратились за помощью к Гитлеру и Муссолини, которые организовали воздушный мост через Гибралтар для переброски на юг страны присоединившихся к мятежникам колониальных войск Испании. Республиканцы, в свою очередь, попросили помощи у французского правительства Народного фронта, которое поначалу откликнулось на эту просьбу. Однако под давлением Великобритании, настроенной резко отрицательно к испанским левым политическим силам, правительство Блюма пошло на попятный, предложив договориться о невмешательстве в гражданскую войну. В конце августа подавляющее большинство европейских государств подписали многостороннее соглашение, предусматривавшее запрет на экспорт, реэкспорт и транзит вооружений и военных материалов в Испанию. Оно не имело обязывающей силы договора и оставляло лазейку для его нарушений. США, не подписавшие этого соглашения, фактически также придерживались политики невмешательства, объявив «моральное эмбарго» на экспорт оружия в Испанию, но сохраняли другие торговые связи с этой страной. В Лондоне был создан Комитет по невмешательству, призванный следить за соблюдением данного соглашения. Это не помешало Германии и Италии наращивать поставки вооружений мятежникам, правительство которых в ноябре 1936 г. они признали законным.

Западные державы, включая союзную Францию, оказывали сильное давление на СССР, требуя его присоединения к режиму невмешательства. Симпатии Советского Союза были на стороне республиканцев, которым Москва с самого начала оказывала моральную и политическую поддержку. Но с учетом сохранения отношений с демократическими странами Запада СССР присоединился к политике невмешательства, оговорив свое участие необходимостью немедленного прекращения помощи мятежникам и привлечения к соглашению Португалии (через территорию которой шла значительная часть итало-германской помощи режиму Франко). Советским представителем в Комитете по невмешательству стал полпред СССР в Лондоне И. М. Майский.

Однако комитет оказался бессильным остановить военную помощь мятежникам со стороны Италии и Германии, которые в дополнение к вооружениям начали посылать в Испанию свои регулярные войска под видом добровольцев — около 300 тыс. человек за все время войны. Встречный приток иностранных добровольцев, воевавших в составе интернациональных бригад на стороне республиканцев (около 35 тыс. человек), не мог изменить сложившегося

соотношения сил. В этих условиях падение демократического правительства Испании стало лишь делом времени. То, что в его состав в начале сентября 1936 г. вошли коммунисты, делало выбор для советской политики еще более настоятельным. С одной стороны, втягивание СССР в испанскую гражданскую войну грозило резким обострением отношений с Германией и Италией, а также сложностями с союзной Францией и Великобританией, настаивавшими на продолжении политики невмешательства. С другой стороны, поражение Испанской республики означало бы крупную победу фашизма и конец надеждам на появление нового просоветского союзника в Западной Европе. В конечном счете соображения интернационализма и борьбы с фашизмом взяли верх над осторожностью. 29 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об оказании республиканской Испании военной помощи. В октябре Советский Союз заявил, что считает себя свободным от соблюдения соглашения о невмешательстве, но сохранил свое присутствие в лондонском комитете. Прибытие первых отрядов советских специалистов и транспортов с оружием из СССР сыграло решающую роль в успешной обороне Мадрида, предотвратив падение республиканцев. Всего с октября 1936 г. до конца войны Советский Союз поставил в Испанию 648 самолетов, 347 танков, 1186 орудий, 10 648 пулеметов, около полумиллиона винтовок, а также большое количество нефтепродуктов, машин, зерна и другого продовольствия²¹. В рядах республиканской армии сражались около 5 тыс. советских добровольцев. Но и при этом советские военные поставки уступали итало-германским почти в три раза, а численность советских добровольцев — почти в пятьдесят раз меньше.

В этих условиях СССР в рамках Комитета по невмешательству отстаивал принцип пропорциональности при выводе из Испании иностранных добровольцев вопреки требованиям равных сокращений с обеих сторон, выдвигавшихся западными державами. Летом 1938 г. комитет принял решение о запрете допуска иностранных добровольцев в Испанию и контроле над соблюдением режима невмешательства, но не смог обеспечить его выполнение. События на фронте тем временем развивались не в пользу законного правительства. К исходу 1937 г. под контролем мятежников находилось уже почти две трети территории страны. Положение усугублялось растущими разногласиями внутри Народного фронта, подрывавшими его единство и боеспособность. В ноябре того же года Великобритания признала режим Франко де-факто, а в феврале 1939 г. правительства Чемберлена и Даладе установили с ним дипломатические отношения. 28 марта 1939 г. войска Франко вошли в Мадрид и в стране был установлен правый авторитарный режим.

Гражданская война в Испании имела очень серьезные последствия. Эта первая открытая схватка левых сил с фашизмом еще раз показала нежелание западных демократий противостоять агрессии. Победа в войне поощрила Германию и Италию к разрушению остатков версальской системы, а совместная помощь мятежникам дала толчок к дальнейшему германо-итальянскому сближению. В октябре 1936 г. Германия и Италия договорились об урегулировании своих противоречий на Балканах и в Дунайском бассейне; Германия признала аннексию Италией Эфиопии, а Италия — германское преобладание в Австрии. 1 ноября 1936 г. Муссолини объявил о создании «оси Берлин — Рим», что, по сути, означало становление тесного военно-политического и экономического партнерства между двумя странами. Параллельно происходило сближение Германии с Японией, которая нуждалась в союзниках для реализации своей программы экспансии. Гитлер, в свою очередь, рассчитывал, что такое сближение заставит Францию и Великобританию больше считаться с Германией.

В ноябре 1936 г. после секретных переговоров в Берлине был подписан японо-германский Антикоминтерновский пакт, согласно которому обе стороны обязывались совместно противодействовать Коминтерну и распространению коммунистического влияния в целом. В секретном приложении стороны договорились без взаимного согласия не заключать с СССР никаких политических соглашений, противоречащих духу этого пакта. В Москве благодаря хорошо поставленной разведке были полностью информированы об этом секретном протоколе. Неслучайно нарком иностранных дел Литвинов в инструкциях полпредам подчеркивал, что «Коминтерн в соглашении является лишь кодом, под которым надо понимать СССР»²².

В ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, которая еще до этого согласилась признать Маньчжоу-Го в обмен на признание Японией аннексии Эфиопии. В ходе обмена визитами Гитлера и Муссолини в 1937 г. Германия и Италия согласовали оставшиеся разногласия: Гитлер признал преобладание Италии в Испании, а дуче согласился с германским аншлюсом Австрии. В совокупности все это означало становление единого блока трех агрессивных государств, который хотя еще и не имел свойств военного союза, но усиливал позиции стран «оси» в борьбе за ликвидацию последних ограничений Версальской системы. В январе 1937 г. Гитлер открыто объявил об отказе Германии соблюдать условия Версальского договора и провозгласил право присоединения к Третьему рейху всех земель, в которых этнические немцы составляли большинство населения. Тем самым в повестку дня ставился вопрос о будущем Австрии, Судетской области Чехословакии и польского Данцига.

Аппетиты разгорались и у милитаристской Японии, которая решила воспользоваться европейским кризисом для продолжения своей экспансии, на сей раз в южном направлении. К концу 1936 г. в стране был завершен план развертывания и перевооружения армии, которая насчитывала 371 тыс. человек, намного превышая войска своих соседей. Для осуществления намеченной экспансионистской программы военная машина Японии нуждалась в сырье и богатых природных ресурсах Азии. В июле 1937 г., используя в качестве предлога инцидент между японскими и китайскими военными, японские войска начали вторжение в глубь Китая. Началась формально необъявленная, но чрезвычайно кровопролитная война. К концу года под контролем японцев оказались Пекин, Шанхай и Нанкин.

Реакция Запада на эту слегка закамуфлированную агрессию снова оказалась очень вялой. Великобритания не стала обострять отношений с Японией, надеясь отвести японскую экспансию от своих колониальных владений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Президент Рузвельт в своей «карантинной речи» призвал к международной изоляции Японии, но на деле США продавали нефть и другие стратегические материалы обеим воюющим сторонам, что было больше на руку японцам. Лига Наций в ответ на требование правительства Гоминьдана ввести против Японии экономические и военные санкции в ноябре 1937 г. созвала в Брюсселе конференцию стран — участниц договора о Китае. Советский Союз на конференции предложил ввести против Японии экономические санкции, прежде всего в отношении поставок туда нефти. Однако западные державы отвергли это предложение, ограничившись моральным осуждением агрессора. Крах Брюссельской конференции наглядно показал, что и в отношении Японии Запад продолжал придерживаться политики попустительства агрессорам.

Единственную реальную помощь Китаю в это критическое для него время оказал Советский Союз. Хотя смещение японской экспансии на юг несколько облегчало положение СССР на Дальнем Востоке, в Москве хорошо понимали, что захват Японией Китая с его огромными ресурсами чреват большой угрозой и для Советского Союза. Договор о ненападении между двумя странами, подписанный 21 августа 1937 г. в Нанкине, фактически представлял собой нечто большее: в неофициальном порядке СССР обещал не заключать договор о ненападении с Японией до нормализации китайско-японских отношений, а Китай — не вступать в Антикоминтерновский пакт. Подписание договора открыло дорогу для советских военных поставок в Китай, которые в 1937–1939 гг. составили 904 самолета, 1600 орудий, 84 танка, 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок²³. Эти поставки осуществлялись с помощью советских кредитов общей стоимостью около 450 млн долларов. В гоминьдановской армии работали десятки военных советников из СССР. Советская помощь облегчалась тем, что после японского вторжения Гоминьдан и КПК заключили соглашение о сотрудничестве в рамках «единого антияпонского фронта», а вооруженные отряды КПК перешли под контроль центрального правительства. Во избежание прямого вооруженного конфликта с Японией СССР не пошел на заключение полноформатного военного союза, который неоднократно предлагал Чан Кайши. Но и без этого советская политическая и военная помощь сыграла важную роль в предотвращении полной победы Японии в Китае, хотя японцам удалось захватить все основные города страны и большую часть ее промышленности.

В Европе к началу 1938 г. тоже запахло войной. Еще в ноябре 1937 г. Гитлер объявил германскому генералитету о своих планах захвата Австрии и Чехословакии. Генеральный штаб вермахта разработал планы войны против Франции («Рот») и Чехословакии («Грюн»). Тем не менее правительства Даладье и Чемберлена твердо стали на путь умиротворения Германии, надеясь, что Гитлер удовлетворится экспансией в пределах «этнических границ» рейха и станет оплотом против распространения коммунизма. Гитлер всячески подыгрывал этим настроениям, заверяя в миролюбии Германии и изображая своей главной целью борьбу с коммунизмом. Окончательно убедила фюрера в безнаказанности своих действий миссия эмиссара Чемберлена Э. Галифакса (ноябрь 1937 г.), который заверил Гитлера в том, что Великобритания не станет возражать против расширения границ рейха до их этнических пределов при условии, если оно будет происходить мирным путем. После этого визита в Лондоне состоялось совещание премьер-министров Великобритании и Франции, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей политике в отношении Германии. Французская делегация пошла в фарватере британской дипломатии, считавшей необходимым добиваться соглашения с Гитлером, невзирая на существующие гарантии безопасности Чехословакии. Оценивая итоги этого совещания, заместитель М. М. Литвинова В. П. Потемкин писал советскому полпреду в Париже Я. З. Сурицу: «Рукою неисправимых соглашателей — англичан и наших друзей французов, раболепно следующих лондонской указке, — нанесены новые удары международному авторитету Лиги Наций и концепции коллективной безопасности. Можно сказать, что на наших глазах и Англия, и Франция отходят от своих прежних позиций в указанных вопросах и определенно сползают в сторону враждебного нам международно-политического лагеря»²⁴.

В начале февраля 1938 г. Гитлер произвел чистку нацистского руководства, отстранив военного министра В. Бломберга, командующего сухопутными силами В. Фрича, министра иностранных дел К. Нейрата и министра экономики Я. Шахта, настороженно относившихся к его планам развязывания войны в Европе. Военное министерство было ликвидировано, а руководство вооруженными силами передано верховному командованию вермахта (ОКВ) во главе с фюрером. Гитлер тем самым сосредоточил в своих руках всю полноту власти, убрав последнее внутреннее препятствие на пути реализации своих планов.

В то же самое время в Великобритании Галифакс сменил на посту министра иностранных дел подавшего в отставку А. Идена, критически относившегося к политике умиротворения. В результате укрепились позиции сторонников такой политики. Гитлер начал открытое давление на австрийское правительство, требуя введения в его состав своих ставленников и отставки канцлера К. Шушнига. Обращения последнего за помощью к западным державам перед прямой угрозой вторжения вермахта в Австрию не дали результата, и он ушел в отставку во избежание кровопролития, приказав австрийским войскам не оказывать сопротивления вермахту. Новый пронацистский канцлер страны А. Зейсс-Инкварт под диктовку Г. Геринга запросил у Берлина «помощи», и 12 марта 1938 г. немецкие войска без единого выстрела оккупировали Австрию.

Аншлюс (присоединение к Германии) Австрии не вызвал серьезного противодействия западных держав. Франция и Великобритания ограничились формальными нотами протеста, отказавшись поставить этот вопрос на обсуждение Лиги Наций. Только Советский Союз выступил с решительным осуждением действий Германии. В Москве хорошо понимали стратегическое значение и последствия аншлюса как важнейшего шага в подготовке войны. Впервые агрессия была совершена в самом центре Европы. «Захват Австрии, — подчеркивал в докладе советскому руководству М. М. Литвинов, — представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза»²⁵. Действительно, аншлюс резко менял соотношение сил в Европе в пользу Германии. Она увеличила свои людские, военные и финансово-экономические ресурсы, стала граничить с Италией, Югославией и Венгрией, открыв себе путь к доминированию в Юго-Восточной Европе. Особая угроза нависла над Чехословакией, окруженной теперь почти со всех сторон. В заявлении для печати от 17 марта Литвинов отметил, что аншлюс

создал новую угрозу безопасности европейских стран, прежде всего Чехословакии. От имени советского правительства нарком призвал к срочному проведению общеевропейской конференции по противодействию агрессии, предупредив: «Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»²⁶. Великобритания и Франция не только проигнорировали это предложение, но и отказались от обсуждения австрийской проблемы в Лиге Наций, не желая участия в нем Советского Союза. «Уже в австрийском кризисе, — отмечают российские историки, — отчетливо проявилось их стремление решать все европейские проблемы напрямую с Берлином, без консультаций с Лигой Наций и за спиной СССР»²⁷. Сам Литвинов, видимо, тоже ощущал тщетность усилий советской дипломатии по организации «коллективного спасения мира». «Моя декларация, — откровенно писал он полпреду в Чехословакии С. С. Александровскому, — является, вероятно, последним призывом к Европе о сотрудничестве, после чего мы зайдем, по-видимому, позицию малой заинтересованности дальнейшим развитием дел в Европе, независимо от дальнейшей судьбы Чехословакии»²⁸.

Этот пессимизм подпитывался и осложнением внутренней ситуации в СССР, переживавшем трагический период «большой чистки». Репрессии обрушились и на военных, и на дипломатические кадры. Уничтожение большей части высшего командного состава, жестокая «чистка» среднего командирского звена ослабляли боеспособность Красной армии и доверие к Советскому Союзу как надежному и сильному партнеру. Военные разведки иностранных государств — одни со злорадством, другие (как чехи) с сожалением — доносили о резком ослаблении боеготовности советских вооруженных сил. Как сообщал военный атташе Чехословакии в Москве, Красная армия ослабла до такой степени, «что ее значение как фактора в европейских и международных делах, сильно упало». Обобщая эти оценки для американского руководства, посольство США в Москве в феврале 1938 г. сделало вывод о том, что «потребуется, по крайней мере, два или три года, чтобы восстановить Красную армию до ее прежнего уровня»²⁹. Репрессии в отношении руководящего состава НКВД также ослабляли эффективность и авторитет советской дипломатии. В результате с Советским Союзом стали меньше считаться, его международные позиции ослабли.

В самой Москве нарастало подспудное разочарование итогами политики сотрудничества с демократическими странами Запада, которая не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Главная ответственность за это лежала на Западе. «Неспособность англичан и французов противостоять Гитлеру, нежелание американцев помочь в борьбе с Японией на востоке, мюнхенская политика умиротворения — все это оставило в Москве наследие огромной подозрительности», — признает британская исследовательница К. Кеннеди-Пайп³⁰. В итоге, хотя соотношение сил было еще в пользу антифашистских государств, которые вместе могли бы «осадить агрессоров», это взаимодействие «не вытанцовывалось», по словам А. А. Троянского из его письма Литвинову конца 1937 г., и было «трудно сказать, когда эти совместные действия станут возможными»³¹. Напротив, усиливалась опасность блокирования главного умиротворителя фашизма — Англии — со странами «оси» и их приспешниками. От советской разведки поступали тревожные сведения о формировании против СССР коалиции в составе Великобритании, Германии, Италии, Японии и Польши с последующим привлечением к ней Турции, Финляндии и Прибалтийских государств³². В повестку дня выдвигался поиск альтернатив политике коллективной безопасности. Вопреки тенденциозным попыткам изобразить ее неким фасадом реальной советской политики 1933–1939 гг., за которым скрывался курс на сделку с Гитлером, эта политика, как признают и более объективные западные историки, была «вполне искренней», отражая законные интересы обеспечения безопасности СССР³³. И не вина Советского Союза в том, что в конечном счете она не достигла своих целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е). М., 2006. С. 67–69.
- ² Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 280.
- ³ Цит. по: История международных отношений и внешней политики СССР / Под ред. В. Г. Трухановского. 2-е изд. М., 1967. Т. 1. С. 428.
- ⁴ Sulzberger C. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries, 1934–1954. N. Y., 1969. P. 200.
- ⁵ Москва — Вашингтон: политика и дипломатия Кремля 1921–1941: Сб. документов: в 3 т. / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. Т. 3. 1933–1941. М., 2009. С. 324.
- ⁶ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 318–319.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 113. Д. 122. Л. 182.
- ⁸ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 18. М., 1973. С. 292.
- ⁹ 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 521.
- ¹⁰ ДВП СССР. Т. 18. С. 238.
- ¹¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 2. 1917–2002. М., 2002. С. 224.
- ¹² Там же. С. 213.
- ¹³ Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 769. Л. 134.
- ¹⁴ См., например: Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above. N. Y., 1980. P. 223–237; Slutsch S. Stalin und Hitler 1933–1941 // J. Zarusky (Hg.). Stalin und die Deutschen. Munchen, 2006. S. 62.
- ¹⁵ Москва — Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920–1939: Сб. документов / Отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2003. С. 369.
- ¹⁶ См. Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5 (8). С. 200.
- ¹⁷ Шмидт Л. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. С. 48.
- ¹⁸ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л. 113.
- ¹⁹ Franklin D. Roosevelt Library (Hyde Park, U. S. A.), Map Room Files, Naval Aide's Files, Axis War Potential — A16.
- ²⁰ War Against Germany in 1939: An Approach by Joint Planners // The National Archives (Richmond, U. K.), Public Records Office, Prime Minister's Office 3/500.
- ²¹ ДВП СССР. Т. 21. М., 1977. С. 743–744.
- ²² Там же. Т. 19. М., 1974. С. 665–666.
- ²³ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939. М., 2006. С. 374.
- ²⁴ ДВП СССР. Т. 20. М., 1976. С. 671.
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 137. Д. 1. Л. 118–119.
- ²⁶ ДВП СССР. Т. 21. С. 129.
- ²⁷ Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939. С. 245.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 149. Д. 166. Л. 5.
- ²⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 363. Л. 168, 166.
- ³⁰ Kennedy-Pipe C. Russia and the World, 1917–1991. London, 1998. P. 54.
- ³¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 468. Л. 83–84.
- ³² См.: СССР — Германия: 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 163–164.
- ³³ Ульдрикс Г. Политика безопасности СССР в 1930-е гг. // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. С. 78; Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. N. Y., 1984.

Фашизм — это война. Гитлер начинает захват Европы

Аншлюс Австрии был лишь первым шагом на пути реализации гитлеровской программы «собирания земель» Центральной и Восточной Европы, населенных немцами. Следующим объектом нацистской экспансии стала Чехословакия, в которой насчитывалось 3,5 млн этнических немцев, проживавших преимущественно в Судетской области (отторгнутой у Германии по Версальскому миру), а также в Словакии и Закарпатской Украине. Немецкое меньшинство страны обладало всеми гражданскими правами и свободами, хотя и подвергалось некоторой дискриминации на бытовом уровне. Гитлер, ненавидевший чехов и Чехословакию как «искусственное порождение Версаля», решил использовать ту же тактику, что и с Австрией — выращивание «пятой колонны» немецкого сепаратизма для захвата власти под лозунгом «права наций на самоопределение». В 1935 г. при активной поддержке Берлина в Судетах была создана пронацистская Судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном. Поначалу она выступала за автономию населенных немцами районов в составе Чехословакии, но постепенно наращивала свои требования.

Однако захват преимущественно славянской Чехословакии представлял для Германии более трудную задачу, чем аншлюс этнически близкой Австрии. Чехословакия была высокоразвитым самостоятельным государством, доказавшим свою способность к успешному демократическому развитию. Она обладала передовой индустрией, первоклассной военно-промышленной базой и сильной 600-тысячной армией, располагала мощной линией укреплений вдоль границы с Германией. Что не менее важно, Чехословакия была связана союзными договорами с Францией и СССР, могла рассчитывать на поддержку стран Малой Антанты — Румынии и Югославии.

После аншлюса Австрии Гитлер приступил к массивному давлению на чехословацкое правительство сразу по нескольким направлениям: шумная пропагандистская кампания вокруг «ужасающих преследований» судетских немцев, информационная война по запугиванию населения Чехословакии, концентрация частей вермахта в приграничных районах, подталкивание судетских немцев к организации массовых беспорядков и выдвижению заведомо неприемлемых требований. Параллельно под личным контролем фюрера разрабатывался детальный план разгрома Чехословакии, рассчитанный на молниеносную войну (операция «Грюн»). В конце апреля 1938 г. собравшийся в Карловых Варах очередной съезд Судето-немецкой партии под диктовку из Берлина принял так называемую Карлсбадскую программу. В ней содержались ультимативные требования предоставления «широкой автономии» Судетской области, свободной пропаганды нацистских идей и аннулирования договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Власти Чехословакии были вынуждены вступить в переговоры с Генлейном. Одновременно судетские нацисты готовили вооруженное восстание для захвата власти. На фоне предстоявших 22 мая муниципальных выборов,

которые сепаратисты намеревались превратить в референдум по присоединению Судетов к Германии, начался первый судетский кризис.

Эти события заставили основные европейские державы определиться со своей позицией перед лицом прямой угрозы германской агрессии против Чехословакии. Правительство Чемберлена согласилось с линией Гитлера на «воссоединение немецких земель» и ясно дало понять французскому правительству, что не станет воевать с Германией в случае выполнения им своих обязательств по союзному договору с Чехословакией. Вместе с тем Чемберлен стремился избежать военного решения чехословацкой проблемы и видел свою задачу, во-первых, в оказании давления на Прагу в пользу принятия Карлсбадской программы, а во-вторых — в удержании Гитлера от вооруженной агрессии для достижения своей цели. Правительство Даладье, в свою очередь, панически опасалось вовлечения в войну с Германией без поддержки Великобритании, хотя еще не могло открыто отказаться от своих гарантий Чехословакии. Поэтому общей линией Лондона и Парижа со времени их апрельских консультаций в британской столице стал, с одной стороны, нажим на правительство Бенеша, а с другой — предупреждение Гитлера о том, что нападение Германии на Чехословакию чревато общеевропейской войной. Британский министр иностранных дел Галифакс информировал Берлин, что в таком случае Франция будет обязана вмешаться, а Великобритания также может оказаться втянута в конфликт «в силу обстоятельств или политической необходимости»¹. Несмотря на свою нерешительность, этот демарш все же вносил элемент неопределенности в оценку Гитлером возможных последствий силового решения.

Неопределенность усиливала и позиция Советского Союза, который подтвердил свою готовность прийти на помощь Чехословакии в случае германской агрессии, даже «не дожидаясь Франции», как заявил глава ВЦИК М. И. Калинин накануне майского кризиса² (напомним, что по условиям советско-чехословацкого договора о взаимопомощи 1935 г. советские гарантии вступали в силу при условии соблюдения Францией аналогичных обязательств по союзному договору с Чехословакией). Приграничные Киевский и Белорусский военные округа были преобразованы в особые военные округа, предназначенные для ведения боевых действий. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов, находившийся в те дни в Женеве, предложил провести переговоры генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для разработки совместных действий союзных стран на случай германской агрессии. Но это предложение не получило поддержки. Тем временем правительство Бенеша не собиралось уступать немецкому диктату. 20 мая оно объявило частичную мобилизацию и ввело войска в Судетскую область. В нацистской верхушке еще не было согласия в отношении дальнейших действий: начальник штаба армии Л. фон Бек и даже Г. Геринг считали войну слишком рискованной. Первый судетский кризис закончился временным отступлением Гитлера.

Взбешенный неудачей фюрер 30 мая подписал новый вариант плана операции «Грюн», предписывавший начать боевые действия не позднее 1 октября 1938 г. Вместо фронтального удара по центральной линии обороны Чехословакии в Судетах план, по настоянию Гитлера, предусматривал двойной охват ее территории с севера и юга. Для операции планировалось использовать все основные силы вермахта, оставив лишь минимальный контингент на границе с Францией. Гитлер исходил из того, что Франция и тем более Великобритания не решатся вступить в конфликт, тогда как СССР может нанести удар по войскам вермахта с воздуха³. В качестве вероятных союзников Германии рассматривались Польша и Венгрия, имевшие территориальные претензии к Чехословакии.

В июне — июле 1938 г. продолжались переговоры между партией Генлейна и чехословацким правительством на фоне активизации усилий британской дипломатии по умиротворению агрессора. Чемберлен рассматривал судетскую проблему как препятствие на пути так называемого всеобъемлющего урегулирования с Германией, по которому последняя отказалась бы от посягательств на владения Британской империи и дальнейшего наращивания военного

потенциала в обмен на признание своего доминирования в Центральной и Восточной Европе. В стремлении устранить это препятствие Чемберлен решил взять на себя инициативу в судетском вопросе. В начале августа британский премьер навязал Чехословакии миссию лорда У. Ренсимена в качестве международного посредника в урегулировании судетской проблемы. Правительство Э. Даладье, деморализованное и запуганное германской угрозой, также согласилось на это посредничество, фактически уступив Лондону право говорить от своего имени. Хотя внешне Ренсимен претендовал на беспристрастность, его наказ Бенешу был явно тенденциозным: в случае отказа чехословацкого правительства уступить требованиям сепаратистов и возникновения войны с Германией Чехословакии не стоит рассчитывать на британскую помощь. Суть этой линии Лондона хорошо описал полпред СССР во Франции Я. З. Суриц в депеше в Наркомат иностранных дел: «Англия меньше всего была расположена не только воевать за Чехословакию (такого “расположения” нет и у Франции), но и бороться против требований, предъявляемых судетами к чехам. Весь тактический план англичан и был построен на том, чтобы добиться у Праги мирным путем того, чего Гитлер добивается силой»⁴.

Под сильным давлением англичан и французов правительство Бенеша постепенно склонялось к принятию основных пунктов Карлсбадской программы, но компромиссного решения Ренсимену найти так и не удалось из-за растущих аппетитов генлейновцев. Гитлер между тем нагнетал напряженность вокруг Судетов, грозя начать войну по истечении срока своего ультиматума. 30 августа состоялось важное заседание британского кабинета министров, во многом определившее дальнейшее развитие кризиса. Верх взяла точка зрения, выдвинутая Галифаксом и Чемберленом. Они исходили из того, что, во-первых, Гитлер еще не решился окончательно на развязывание войны и может удовлетвориться новыми уступками Праги, а во-вторых — в случае провала своего ультиматума Великобритания даже вместе с Францией будет не в силах предотвратить захват Чехословакии Германией, но зато подставит себя под удар нацистской военной машины. Имелись в виду массированные бомбардировки Лондона, опасность которых тревожила британских политиков и общество в целом. Военные специалисты оценивали вероятные потери от налетов люфтваффе в 150 тыс. человек лишь за первую неделю. Позднее выяснилось, что эти страхи были явно преувеличены: немцы не имели такого количества тяжелых бомб и бомбардировщиков, а дальность их полета не позволяла осуществлять подобные рейды с территории самой Германии. Однако в ту пору угроза представлялась иначе, и основной вопрос, по словам Галифакса, сводился к следующему: «Стоит ли идти на явную войну сейчас ради предотвращения возможной войны в будущем?» В результате, после долгих обсуждений кабинет министров постановил отказаться от предупреждения Гитлеру и заставить его «гадать относительно намерений» Великобритании⁵.

В начале сентября правительство Бенеша пошло навстречу требованиям сепаратистов, согласившись на широкую культурную и политическую автономию Судетской области и фактическое превращение страны в конфедерацию. Но это уже не устраивало ни Генлейна, ни его берлинских хозяев. Они прервали переговоры с Прагой. Выступая 12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге, Гитлер назвал ситуацию в регионе «невыносимой» и открыто призвал судетских немцев к мятежу, обещая им всяческую поддержку. За этим последовали вооруженные вылазки местных нацистов, которые были подавлены полицией. Перед лицом грозящего переворота чехословацкое правительство 13 сентября ввело в Судетах чрезвычайное положение, запретило деятельность Судето-немецкой партии и арестовало большую часть ее руководства. Генлейн был вынужден бежать в Германию. Ренсимен завершил свою миссию заявлением о необходимости передать Судеты Германии. Второй судетский кризис вступил в свою решающую стадию.

В поисках выхода Даладье предложил Чемберлену отправиться вдвоем на встречу с Гитлером, чтобы предпринять последнюю попытку предотвратить надвигающуюся войну. Однако британский премьер решил взять роль миротворца целиком на себя, приступив к выполнению «Зет» (личная встреча с Гитлером), который он тайком вынашивал с конца

августа. 13 сентября, не дожидаясь поддержки кабинета министров или согласия Франции, он направил срочное послание фюреру с предложением прилететь в Германию уже на следующий день для «нахождения мирного решения». Гитлер ответил согласием, и его первая встреча с премьером состоялась 15 сентября в Берхтесгадене — резиденции фюрера в Альпах. Накануне Чемберлен так описал свою программу переговоров: «Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»⁶.

Чемберлен рассчитывал обсудить с Гитлером весь комплекс проблем всеобъемлющего урегулирования между Великобританией и Германией, но фюрер свел разговор исключительно к Чехословакии. Он потребовал полной передачи Судет Третьему рейху, пригрозив в противном случае началом большой войны. Это требование явно выходило за рамки официальной позиции Великобритании, выступавшей за «широкую автономию», но Чемберлен, к удивлению фюрера, согласился с ним безо всякого торга. Премьер удовлетворился заверениями Гитлера о том, что тот не помышляет о ликвидации Чехословакии и считает Судеты своим последним территориальным требованием. По возвращении в Лондон Чемберлен смог убедить большинство членов кабинета министров в том, что цели Гитлера «строго ограничены» и фюрер сдержит свое слово⁷. 18 сентября в Лондоне состоялась встреча Чемберлена и Галифакса с Даладьё и французским министром иностранных дел Ж. Боннэ, на которой англичане информировали союзников о переговорах в Берхтесгадене и предложили передать Германии те районы Судет, более 50 % населения которых составляли немцы. Французы согласились на эту формулу при условии, что для решения спорных вопросов будет создана международная комиссия, а новые границы Чехословакии получают французские и британские гарантии против «неспровоцированной агрессии». Тем самым Франция сделала решающий шаг к предательству своего союзника; недаром даже французский посол в Лондоне Ш. Корбен в беседе с американскими коллегами назвал это решение «самым позорным актом» своего правительства за многие годы⁸.

Уже на следующий день, 19 сентября, из Лондона и Парижа обратились к правительству Бенеша с призывом передать Судетскую область Германии и отказаться от своих договоров о взаимопомощи в пользу англо-французских гарантий новых чехословацких границ. Союзники требовали дать ответ на свою ноту не позднее 21 сентября, поскольку на следующий день была намечена новая встреча Чемберлена с Гитлером. Поначалу чехословацкое правительство отвергло этот ультиматум, решив подать в арбитраж и третейский суд Лиги Наций, но давление союзников нарастало. «Если д-р Бенеш не отдаст себя в наши руки, мы их умоем», — инструктировал своего посла в Праге Галифакс⁹. 19 сентября Бенеш пригласил советского полпреда в Праге С. С. Александровского и впервые за все время кризиса официально запросил его о позиции СССР. Премьер подчеркнул экстренность ситуации и готовность чехов сражаться даже при отсутствии помощи со стороны Франции и Великобритании¹⁰. Обращение Бенеша было обсуждено на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), и ответ последовал уже на следующий день: СССР окажет Чехословакии помощь при условии таких же действий со стороны Франции, а также будет готов поддержать обращение Чехословакии в Совет Лиги Наций с просьбой о применении статей 16 и 17 ее устава (предусматривавших введение санкций и другие коллективные меры в отношении стран-агрессоров)¹¹. 21 сентября М. М. Литвинов на пленарном заседании ассамблеи Лиги Наций призвал к срочным мерам по предотвращению новой агрессии и квалифицировал предпринятые западными державами шаги как «капитуляцию», «которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия»¹².

Тем временем из Лондона и Парижа усиливали грубое давление на чехословацкое правительство, угрожая Чехословакии изоляцией и даже нападением в случае, если она встанет на путь сопротивления и прибегнет к помощи СССР. «Если же чехи объединятся с русски-

ми, — говорилось в заявлении французского и британского послов от 21 сентября, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне»¹³. В ночь на 21 сентября послы явились в резиденцию Бенеша, требуя срочного ответа на совместное англо-французское требование. Брошенный западными союзниками президент был вынужден уступить. «Нас подло предали», — сказал он своему окружению.

На следующую встречу с Гитлером, состоявшуюся 22–23 сентября в местечке Годесберг на Рейне, Чемберлен привез свой план урегулирования в полной уверенности, что «герр Гитлер» с готовностью примет то, чего он потребовал неделю назад. Но фюрер вновь поднял планку своих запросов, требуя на сей раз немедленной оккупации Судетов немецкими войсками, срочной (в течение 48 часов) эвакуации оттуда чешских властей и населения, а также отказа от создания международной комиссии. Шокированный Чемберлен отказался принять этот ультиматум и решил проконсультироваться с кабинетом министров и французами. Те поддержали его в этом решении, заявив, что дальнейшие уступки невозможны. Тем временем польское правительство предъявило свой ультиматум Чехословакии о передаче Тешинской области с польским населением, подкрепив его концентрацией войск на польско-чехословацкой границе. 22 сентября к границам Чехословакии подошли и войска Венгрии, претендовавшей на заселенные этническими венграми районы Словакии. Судетские немцы захватили приграничные чешские города Эгер и Аш. Бенеш с ведома Лондона объявил всеобщую мобилизацию. Советские дипломаты сообщали из Праги о решимости рядовых чехов с оружием в руках отстаивать свою независимость и их больших надеждах на советскую помощь. Обстановка в центре Европы накалилась до предела. 23 сентября во время второго раунда переговоров с Чемберленом Гитлер «великодушно» согласился продлить срок своего ультиматума до 1 октября. Несколько обнадеженный этой чисто символической уступкой, Чемберлен передал требования фюрера чехам и вернулся в Лондон.

Начался новый тур согласований между Лондоном, Парижем и Прагой. Правительство Бенеша отказалось принять «Годесбергский диктат» как «абсолютно неприемлемый»: «Нация Святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов», — заявил чешский посол в Лондоне Я. Масарик¹⁴. «Вся Чехословакия усиленно готовится к войне, — сообщала советская разведка из Праги. Однако твердость и решимость Бенеша и Сырового во многом будут зависеть от поддержки Франции и Англии»¹⁵. Британский кабинет министров оказался расколот. Чемберлен вновь пытался уверить коллег, что у Гитлера нет территориальных претензий, кроме Судетов, и что решение судетской проблемы откроет путь к урегулированию англо-германских разногласий. Но на сей раз ему возражал даже Галифакс, считавший предел уступок исчерпанным. Даладь и Боннэ уклонились от ясного ответа на вопрос о своих шагах в случае, если Гитлер приведет угрозу в действие. Тем не менее Франция объявила частичную мобилизацию в сухопутных силах. В Париже и Лондоне население готовилось к налетам люфтваффе. 25 сентября Гитлер в очередной раз пригрозил стереть Чехословакию с лица земли, заявив при этом демагогически, что Судеты — это его «последнее территориальное требование в Европе... Нам, немцам, не нужны чехи»¹⁶.

В этой предгрозовой обстановке только Советский Союз предпринимал все посильные дипломатические и военные шаги для предотвращения войны. В ответ на просьбу чешского правительства советское руководство официально предупредило власти Польши, что в случае вторжения польских войск на территорию Чехословакии расторгнет советско-польский пакт о ненападении от 1932 г., т. е. фактически пригрозило Польше военными действиями¹⁷. Это весомое предупреждение на время остудило пыл польских агрессоров. В разгар кризиса М. М. Литвинов не раз публично заявлял о готовности СССР прийти на помощь Чехословакии. И дело не ограничивалось только словами. «Хотя Гитлер так zaangażировался, что ему трудно отступить, — телеграфировал наркоминдел из Женевы, — я все же думаю, что он отступил бы, если бы заранее был уверен в возможности совместного советско-франко-английского выступления против него. Теперь никакие декларации, даже совместные, или совещания не произведут на него впечатления. Нужны более убедительные доказательства...

Не следует ли нам объявить хотя бы частичную мобилизацию и в прессе провести такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека поверить в возможность большой войны с нашим участием»¹⁸.

И. В. Сталин не согласился объявить мобилизацию, но масштабные военные приготовления на западных границах СССР к тому времени уже проводились. Там были сосредоточены и приведены в боевую готовность 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 19 армейских бригад и танковый корпус. Свыше 700 самолетов были готовы к вылету на чехословацкие аэродромы, из запаса были призваны 330 тыс. резервистов. В боевую готовность был приведен и второй эшелон войск, состоявший из 36 дивизий, двух танковых корпусов и 15 отдельных танковых бригад¹⁹. Информация об этих мерах была передана французской стороне. Проблема прохода советских войск через территорию Польши или Румынии оставалась, но она могла быть решена при условии, если бы Лига Наций признала Чехословакию жертвой немецкой агрессии — тогда в соответствии со статьей 16 Устава Лиги эти страны были бы обязаны беспрепятственно пропустить части Красной армии через свои территории. Румыния могла на это пойти, в отличие от Польши, правительство которой упорно отказывалось разрешить проход советских войск через территорию своей страны. В силе оставалось и советское предложение о срочном созыве конференции великих держав для выработки мер коллективного противодействия германской агрессии. Однако западные страны взяли твердый курс на полную изоляцию Советского Союза от чехословацкого урегулирования, утаивали от него свои переговоры с Гитлером, одновременно распуская слухи о слабости Красной армии и ненадежности союзнических обязательств СССР. «Поистине поразительно, — писал впоследствии У. Черчилль, — что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе... Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это»²⁰.

26 сентября по взаимной договоренности между правительствами Великобритании и Франции в Берлин прибыл новый эмиссар — ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон. Он должен был добиться от Гитлера согласия на создание международной комиссии по судетскому урегулированию, пригрозив совместным выступлением Великобритании и Франции в защиту Чехословакии в случае германского вторжения на ее территорию. После двух встреч с Вильсоном (26 и 27 сентября) Гитлер согласился вступить в переговоры с чехами только при условии, если они примут «Годесбергский ультиматум» и немецкую оккупацию Судет, планируемую на 1 октября. Фюрер потребовал дать ответ до 14.00 28 сентября — время, на которое было назначено объявление всеобщей мобилизации в Германии. В противном случае, как он заявил, Германия начнет войну. Приготовления к ней действительно шли полным ходом: уже 27 сентября по приказу Гитлера ударные части вермахта стали подтягиваться к границе с Чехословакией.

В Лондоне готовились к налетам немецкой авиации и газовой атаке: спешно строили бомбоубежища, раздавали противогазы, эвакуировали женщин и детей. Чемберлен наконец согласился объявить мобилизацию на флоте, который готовился выйти в море для блокады германского побережья. В радиообращении к стране 27 сентября премьер тем не менее обещал «бороться за мир до последнего момента» и сокрушался по поводу того, что «нам приходится рыть окопы и примерять противогазы из-за ссоры двух почти неведомых нам народов в далекой стране»²¹.

28 сентября Чемберлен решился на последнюю попытку остановить Гитлера. Он направил ему срочное послание с предложением вновь приехать в Берлин, чтобы вместе с ним и чехами в присутствии представителей Франции и Италии обсудить меры по передаче судетских территорий. Одновременно британский премьер обратился к Муссолини с просьбой оказать сдерживающее воздействие на Гитлера. В те же дни президент Рузвельт в своих посланиях лидерам Великобритании, Франции, Италии и Германии предложил провести конференцию

четырёх держав по чехословацкому вопросу. Рузвельт обратился и к советскому руководству с предложением поддержать его призыв. Москва ответила выражением готовности принять участие в конференции, что соответствовало предыдущим советским инициативам²². Муссолини, который не хотел быть втянутым в войну из-за Чехословакии, через своего посла в Берлине срочно сообщил Гитлеру, что поддерживает идею Чемберлена о конференции четырёх держав и просит согласия фюрера на такую встречу. Подумав, Гитлер сказал послу, что принимает предложение Муссолини. Это произошло всего за два часа до намеченного им объявления всеобщей мобилизации.

Одним из факторов, заставивших Гитлера пойти на попятный, были разногласия в его окружении — только Риббентроп и Гиммлер ратовали за немедленное начало войны. Командование вермахта было настроено весьма осторожно: преемник Бека на посту начальника штаба армии Ф. Гальдер не разделял одержимости фюрера, считая удар по Чехословакии при существующем соотношении сил слишком рискованным, чреватым угрозой войны на два фронта. Даже без участия СССР и Великобритании 47 немецким дивизиям на двух фронтах противостояли 65 французских и 45 чешских дивизий. Вооружённые силы одной только Чехословакии насчитывали 1582 самолёта, 469 танков, 5700 артиллерийских орудий (у вермахта было 2500 самолётов и 720 танков)²³. В военно-политических кругах Германии даже вызревал заговор в целях устранения Гитлера в случае объявления им войны, в котором участвовали Бек, Гальдер, командующий сухопутными войсками В. фон Браухич и др. Отступление Гитлера сорвало эти планы²⁴.

Сразу же после разговора с итальянским послом фюрер распорядился отправить приглашения главам правительств Великобритании, Франции и Италии с предложением собраться на следующий день в Мюнхене для обсуждения судетского кризиса. Эта новость сразу же внесла перелом в психологическую атмосферу западных столиц — военная тревога сменилась успокоением и даже ликованием.

Мюнхенская конференция четырёх глав правительств проходила 29–30 сентября в Коричневом доме — штаб-квартире нацистской партии в центре баварской столицы. На нее не пригласили представителей не только Советского Союза, но и самой Чехословакии вопреки обещанию Чемберлена. Чешские представители были вынуждены униженно дожидаться решений в приемной Коричневого дома. Чемберлен и Даладьё даже не успели обрисовать общую линию поведения, тогда как Гитлер и Муссолини действовали согласованно. Выступая в отведенной ему роли посредника, Муссолини предложил свой проект урегулирования, который на самом деле был подготовлен в Берлине и мало чем отличался от «Годесбергского ультиматума». Чемберлену и Даладьё удалось внести в него лишь небольшие изменения, касающиеся границ передаваемых Германии районов и сроков этой передачи. Столь быстрая капитуляция перед требованиями Гитлера еще раз наглядно показала, что союзники стремились не к предотвращению раздела Чехословакии, а лишь к его мирному оформлению. Итоговое соглашение, подписанное в ночь на 30 сентября, предусматривало германскую оккупацию большей части Судетов с преобладающим немецким населением в период с 1 по 10 октября 1938 г. Судьбу остальных районов со смешанным населением должны были решить плебисциты, организованные международной комиссией с участием представителей четырёх держав и Чехословакии. Эта же комиссия должна была следить за ходом эвакуации и провести окончательное определение границы между двумя странами. Чешские власти были обязаны передать Германии без «разрушений» и «повреждений» все военные объекты, промышленные предприятия, средства связи и пути сообщения, находящиеся на передаваемой территории. Все судетские немцы, осужденные за «политическую (т. е. нацистскую) деятельность», подлежали амнистии. В специальном дополнении к соглашению Великобритания и Франция заявляли о своей готовности предоставить гарантии новых границ Чехословакии против неспровоцированной агрессии. Германия и Италия обещали сделать то же самое после урегулирования польских и венгерских территориальных претензий к Чехословакии²⁵.

Только после подписания соглашения англичане и французы ознакомили с ним представителей Чехословакии как с новой данностью, подлежащей не обсуждению, а неукосни-

тельному выполнению. Бенеш в отчаянии срочно обратился к своей последней надежде — правительству СССР. 30 сентября советский полпред в Праге С. С. Александровский передал с его слов следующее сообщение: «Великие державы, даже не спрашивая Чехословакию, позорнейшим образом принесли ее в жертву Гитлеру ради своих собственных интересов. Окончательное решение формальностей предоставлено Чехословакии. Это означает, что она поставлена перед выбором либо начать войну с Германией, либо капитулировать перед агрессором. Еще неизвестно, какую позицию займут парламент и политические партии. Оставляя этот вопрос открытым, Бенеш хочет знать отношение СССР к этим обеим возможностям, т. е. к дальнейшей борьбе или капитуляции». Однако счет шел уже на минуты, и через четверть часа из Праги пришло новое сообщение о том, что чешское правительство выбрало капитуляцию. Трое участвовавших в его заседании министров заявляли, что «единственно верным союзником Чехословакии до конца оставался СССР»²⁶.

Чемберлен понимал, что Мюнхенского соглашения будет мало, чтобы доказать эффективность своей дипломатии у себя в стране и дать ей надежду на мир в будущем. Кроме того, в нем ничего не говорилось о будущем англо-германских отношений, которое премьер хотел связать с урегулированием судетского кризиса. Поэтому Чемберлен договорился об отдельной встрече с Гитлером, заготовив втайне от французов проект краткой совместной декларации, где значилось, что Мюнхенское соглашение символизирует «желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом» и отныне главным методом рассмотрения существующих между двумя странами проблем будут консультации²⁷. Фюрер нехотя подписал это ни к чему не обязывающее заявление, которое Чемберлен считал своей большой победой. По возвращении в Лондон, где его ждал восторженный прием, он торжественно огласил эту декларацию, заявив в порыве воодушевления, что он привез «почетный мир» — «мир для нашего поколения».

Даладье, опасавшийся демонстраций протеста в Париже, был также встречен как миротворец, хотя в душе он понимал всю эфемерность мюнхенской сделки. Подлинные чувства большинства французов выразил лидер социалистов Л. Блюм, который на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения писал в газетной статье: «Я испытал двойственное чувство трусливого облегчения и стыда»²⁸. Реакция Вашингтона была смешанной: хотя Рузвельт и поздравил Чемберлена с успехом, он трезво предвидел дальнейшее развитие событий, сказав на заседании правительства, что французы и англичане продадут остатки Чехословакии, а затем «отмоют руки от крови, как Иуда Искариот»²⁹.

Советский Союз осудил Мюнхенское соглашение, заявив через ТАСС о своей полной к нему непричастности. Это было сделано в ответ на инсинуации в западной прессе о том, что союзники полностью информировали Советский Союз о ходе переговоров с Гитлером и чуть ли не заручились его согласием на Мюнхенское соглашение. Эта сделка, как сказал полпред И. М. Майский заместителю Галифакса А. Кадогану, «окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны»³⁰.

1 октября войска вермахта вошли в Судетскую область. Президент Бенеш подал в отставку и уехал в эмиграцию, заявив в прощальном радиообращении к стране: «Жертва, которую нас заставили принести, огромна и бесконечно несправедлива»³¹. В последующие месяцы Гитлер при попустительстве Лондона и Парижа сумел свести на нет практически все уступки, сделанные им в Мюнхене. Международная комиссия, в которой чехи оказались в полной изоляции, отменила плебисциты в спорных районах, и почти все они были переданы Германии. Обещанные гарантии новых границ искалеченного государства со стороны Великобритании и Франции, которые должны были заменить советско-чехословацкий и франко-чехословацкий договоры о взаимопомощи, так и не были закреплены в международно-правовом отношении. Вопрос об аналогичных гарантиях со стороны Германии и Италии вообще был снят с повестки дня. Новое руководство Чехословакии (президент Э. Гаха, министр иностранных дел Ф. Хвалковский) целиком подчинилось немецкому диктату. 7–8 октября по указке из Берлина оно предоставило автономию Словакии и Подкарпатской Руси

(современная Закарпатская Украина), заложив тем самым мину замедленного действия под единство своего государства.

Передачей Судет расчленение Чехословакии не закончилось. Воспользовавшись ослаблением соседа, правительства Польши и Венгрии, по словам У. Черчилля, «поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии». Особенно агрессивно вела себя польская сторона, требуя передачи Тешинской области в Силезии, где проживали 80 тыс. поляков и 120 тыс. чехов. Для достижения этой цели Варшава копировала тактику нацистов в Судетском кризисе. В стране нагнеталась античешская истерия, формировался так называемый Тешинский добровольческий корпус, части которого устраивали провокации и диверсии на чехословацкой границе. Несмотря на то что в Мюнхенском соглашении предусматривался трехмесячный срок для урегулирования польско-чехословацкого территориального спора, Польша в оскорбительном тоне потребовала передачи спорных районов в Силезии не позднее 1 октября, угрожая в противном случае вторжением туда своих войск. Условия польского ультиматума Чехословакии почти полностью совпадали с условиями Мюнхенского соглашения³². Польские и немецкие дипломаты и военные уже договаривались о линии демаркации своих воинских частей по рекам Одере и Оставице в случае совместного вторжения в Чехословакию. Великобритания, Франция и даже Италия выразили свое недовольство этим демаршем как противоречащим Мюнхенскому соглашению, но польская дипломатия сумела заручиться поддержкой Берлина. Как сообщал 1 октября посол Польши в Германии Ю. Липский польскому министру иностранных дел Ю. Беку, Риббентроп в беседе с ним заявил, что в случае польско-чехословацкого конфликта Германия займет в отношении Польши «доброжелательную позицию», а в случае советско-польского конфликта — «более чем доброжелательную», дав понять, что окажет Польше помощь³³. Чехословакия опять осталась в одиночестве и приняла польский ультиматум. 2 октября соглашение о передаче Тешинской области Польше было подписано. Говоря о реакции европейского общественного мнения на эти действия, современный польский историк С. Жерко пишет: «Стали раздаваться голоса, что Польша вела себя как гиена, которая бросается на сваленную в Мюнхене жертву»³⁴. Ровно через месяц под эгидой Германии и Италии состоялся Первый Венский арбитраж, по результатам которого Венгрии были переданы южные районы Словакии и Подкарпатской Руси (с городами Ужгород, Мукачево и Берегово), где проживали около 1 млн человек.

По окончательному соглашению, подписанному 20 ноября, Германии было передано около 20 % территории Чехословакии с населением 3,6 млн человек, 800 тыс. из которых составляли чехи. Лишенная своих укрепленных западных рубежей, страна становилась беззащитной перед Германией. Третий рейх получил больше половины тяжелой промышленности страны, включая важнейшие оборонные предприятия, а также почти всю оборонительную инфраструктуру с мощными фортификационными укреплениями, аэродромами и т. д.

Геополитическими последствиями Мюнхена также стали ликвидация стратегического моста между Западом и Советским Союзом, позволявшего вести совместные действия против Германии, расчистка пути к ее господству в Дунайском бассейне и созданию так называемой Срединной Европы от Балтики до Черного моря, резкое ослабление позиций Франции и окончательный крах ее системы «тыловых союзов», предназначенных для сдерживания Германии. На трагическом примере Чехословакии восточноевропейские государства убедились в том, что в случае столкновения со странами «оси» им нельзя рассчитывать на помощь Франции и Великобритании. В октябре 1938 г. Малая Антанта была распущена, и государства региона начали дрейф в сторону Германии. Наконец, столь убедительный триумф Гитлера, сумевшего за полгода без единого выстрела увеличить население рейха на 10 млн человек, подчинить большие стратегически важные территории и покончить с унижительным для немцев Версальским миром, резко укрепил нацистский режим и вдохновил фюрера на дальнейшие захваты.

Тому способствовало и продолжение политики умиротворения со стороны Великобритании и Франции. Политическая элита этих стран еще не понимала фанатизма и агрес-

сивности фашизма, продолжая видеть в Гитлере пусть и опасного, но все же рационального политика, который не повернет штыки своих армий против столпов западной цивилизации и от которого можно будет откупиться за счет малых стран Европы и чуждого им Советского Союза. В середине декабря Чемберлен на заседании кабинета министров заявил, что форсирование военных приготовлений Великобританией не соответствует его «представлениям о следующей акции Гитлера, которая будет обращена на восток, и в таком случае Англия могла бы вообще остаться вне войны»³⁵. Во время визита Риббентропа в Париж (декабрь 1938 г.) была подписана франко-германская декларация, аналогичная англо-германской. В феврале 1939 г. Чемберлен и Даладь установили дипломатические отношения с режимом Франко, солидаризировавшись в этом с Германией и Италией.

8 марта на совещании нацистского руководства Гитлер изложил последовательность дальнейших действий на 1939–1940 гг.: захват оставшейся части Чехословакии, разгром Польши, подчинение Венгрии, Румынии и Югославии, «сведение счетов» с Францией, которая «будет стерта с карты Европы». После этого, по словам фюрера, наступит очередь Великобритании, а потом и «еврейской демократии» США³⁶.

Таким образом, Мюнхенское соглашение и его последствия кардинальным образом изменили всю военно-политическую ситуацию в Европе. Они означали окончательный крах Версальской системы международных отношений, выстроенной державами-победительницами после Первой мировой войны. Своей политикой умиротворения эти державы позволили Германии безнаказанно разрушить весь послевоенный порядок на континенте и

Премьер-министр Франции Э. Даладь подписывает Мюнхенское соглашение

превратиться из слабой и разоруженной страны в сильнейшую европейскую державу, угрожавшую всему миру.

Мюнхенский договор оттолкнул СССР от западных демократий, пытавшихся направить острие нацистской экспансии на восток. Ведущий внешнеполитический обозреватель США У. Липпман говорил тогда, что, «принося Чехословакию в жертву Гитлеру, Великобритания и Франция, по сути, жертвовали и своим союзом с Россией»³⁷. Таким образом, Мюнхен резко изменил общее соотношение сил в пользу стран «оси», устранил для Гитлера угрозу войны на два фронта и открыл дорогу к завоеванию Европы.

Гитлер с самого начала не собирался ограничивать свои аппетиты «воссоединением немецких земель». Уже 21 октября 1938 г. он подписал директиву о подготовке полного разгрома Чехословакии, на сей раз рассчитывая добиться этого гораздо меньшими силами и при минимальном сопротивлении под видом «усмирительной акции»³⁸. Политической подготовкой операции должна была стать вассализация Чехословакии и отделение от нее Словакии с помощью поддерживаемого из Берлина словацкого сепаратизма. В конце января 1939 г. на встрече с главой МИД Чехословакии Ф. Хвалковским Гитлер, угрожая уничтожением его страны, выставил набор радикальных требований: выход из Лиги Наций, резкое сокращение армии, присоединение к Антикоминтерновскому пакту, согласование своей внешней и промышленной политики с Берлином, передача части своего золотого запаса в Рейхсбанк. В Праге не стали противиться этому диктату. Одновременно гитлеровская пропаганда развернула провокационную кампанию о мифических «кровавых притеснениях» проживающих в Чехословакии словаков и немцев.

В начале марта нацистское руководство через австрийского канцлера А. Зейсс-Инкварта подтолкнуло словацкого премьера Й. Тисо к провозглашению независимости Словакии, намеченному на 12 марта. Чехословацкая разведка узнала об этих планах и о готовящемся вторжении вермахта на свою территорию. Сведения были срочно переданы в Лондон через британскую разведку в надежде на то, что англичанам удастся сорвать планы нацистов. Однако британский кабинет министров высказался за невмешательство, решив, что «нам не следует прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию»³⁹. 9 марта президент страны Э. Гаха уволил Тисо и распорядился ввести в основные города Словакии чешские войска для подавления путча, поднятого профашистскими элементами. По требованию Берлина эти войска были выведены, а Тисо восстановлен в качестве премьера. 13 марта последний был вызван в Берлин и получил указание фюрера провозгласить Словакию «независимым государством», что и было сделано ее парламентом уже на следующий день. Первыми признали Словакию Польша и Венгрия. Конец Чехословакии как единого суверенного государства должен был подтвердить нацистскую версию событий о «естественном распаде» страны и необходимости германского вмешательства в этот процесс. 14 марта в Берлин прибыл престарелый президент многострадальной страны Гаха, которому для подписания был предъявлен документ о превращении Чехии в германский протекторат, а Словакии — в самостоятельное государство. Гитлер заявил Гахе, что войска вермахта через несколько часов начнут оккупацию Чехии и в случае сопротивления немецкая авиация превратит Прагу «в кучу мусора и золы»⁴⁰. Придя в себя после обморока, Гаха связался с Прагой и посоветовал своему правительству подчиниться требованиям немцев. В подписанном им и Гитлером акте с крайним лицемерием говорилось о том, что президент выразил готовность «вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха», а также о том, что фюрер выслушал это заявление и «выразил намерение взять чешский народ под защиту германского рейха и гарантировать ему автономное развитие в соответствии с национальными традициями»⁴¹.

На рассвете 15 марта войска вермахта под командованием генерала фон Браухича, не встречая сопротивления, силами 14 дивизий вторглись на территорию Чехословакии четырьмя колоннами — на Моравскую Оставу, на Прагу с севера, на Пильзен и на Брюн. «Военно-воздушные силы, — докладывал наркому обороны К. Е. Ворошилову помощник военного атташе СССР в Германии полковник А. Герасимов, — участвовали частями зенит-

Судетские немцы сносят чехословацкий пограничный столб. Сентябрь 1938 г.

Немецкие войска входят в город Аш (Судеты)

ной артиллерии и авиацией из состава 1-го воздушного флота (в том числе полк Геринга и парашютные части) под командованием генерала Кессельринга и 3-го воздушного флота генерала Шперле (командовавшего до 1938 г. авиацией в Испании); кроме того, принимали участие и австрийские ВВС под командованием генерал-майора Лера (австрийца)⁴². К вечеру 15 марта под охраной танков и броневедомостей Гитлер въехал в пражский замок Градчаны (резиденцию главы государства), над которым уже развевался флаг со свастикой. «В течение тысячелетий провинции Богемия и Моравия являлись частью жизненного пространства для немецкого народа, — заявил фюрер. — Чехословакия продемонстрировала свою неспособность выжить и пала жертвой распада. Германский рейх не может более терпеть беспорядки на этих землях»⁴³. На следующий день Гитлер объявил Богемию и Моравию протекторатом Германии во главе с рейхспротектором К. фон Нейратом, которому была предоставлена вся полнота власти. В помощь ему были назначены судетские фашисты К. Генлейн (глава гражданской администрации) и К. Франк (статс-секретарь). В тот же день (16 марта) по подсказке из Берлина Тисо обратился к Гитлеру с просьбой «взять Словакию» под защиту рейха. В Словакию сразу же были введены немецкие войска. 23 марта в Вене между Германией и Словакией был заключен так называемый Договор о защите, по которому Германия брала на себя «охрану независимости и целостности Словакии». Секретный протокол к договору давал Германии исключительное право на использование ресурсов словацкой экономики. Иными словами, внутренняя и внешняя политика Словакии теперь полностью зависела от Берлина.

Захват Чехословакии еще больше изменил соотношение сил на Европейском континенте в пользу Германии. Она получила в свое полное распоряжение первую по масштабу и уровню развития экономику в Центральной и Восточной Европе, включая мощный военно-промышленный комплекс. Одни только заводы «Шкоды» в тот период производили примерно столько же продукции, сколько вся военная промышленность Великобритании, покрывая большую часть оборонных потребностей Румынии и Югославии, которые теперь оказались ослаблены. Захваченных немцами запасов военной техники и боеприпасов оказалось достаточно для оснащения 40 дивизий. Чешские танки широко использовались уже в кампаниях против Польши и Франции, а в течение всей Второй мировой войны основная часть немецких бронетранспортеров производилась на чешских заводах. В упомянутой докладной записке помощника советского военного атташе в Берлине также сообщалось, что «с захватом Чехословакии Германия получает запасы золота (в том числе и часть английского займа Чехословакии), добавочные продовольственные запасы (Словакия) и большие металлургические и военные заводы (Видковицкие, Шкодовские); из последних большое значение имеют пушечные и самолетостроительные заводы. Германия также освобождается от угрозы со стороны богато оснащенной техникой чехословацкой армии и от угрозы использования Чехословакии как базы для наших ВВС»⁴⁴.

С чехословацких аэродромов немецкая авиация теперь свободно охватывала территории Венгрии и Польши, а также большую часть Балкан. Для этих целей сразу же после захвата Чехословакии была создана новая, 4-я военно-воздушная, армия со штабом в Вене. Ликвидация чехословацкого государства освобождала значительные силы вермахта, которые ранее стояли на чешско-германской границе. Захваченные золотовалютные запасы были очень важны для милитаризованной германской экономики, испытывавшей острую нехватку средств для международных платежей, а квалифицированные трудовые ресурсы страны (около 3 млн человек) восполняли дефицит своих рабочих рук, вызванный всеобщей мобилизацией. Третий рейх не только получил плодородные земли Богемии, Моравии и Словакии, но и оказался у ворот зерновых богатств Венгрии и Румынии. Эти страны стали подвергаться сильнейшему давлению Берлина и постепенно подчинялись ему. Венгрия уже в феврале 1939 г. вступила в Антикоминтерновский пакт, а в апреле вышла из Лиги Наций, получив в качестве вознаграждения отнятую у Чехословакии Закарпатскую Украину. Румынии в конце марта был навязан кабальный торговый договор, привязывавший весь ее экспорт к Германии.

Однако дело было не только в резком усилении материальной базы нацистской экспансии, но и в качественном изменении самого ее характера. Поглощение Чехословакии стало

Немецкие войска входят в чешский город Оставу. 15 марта 1939 г.

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал-полковник В. Браухич на параде в честь присоединения Чешских Судет к Германии

Рубиконом в переходе от объединения «немецких земель» под лозунгом «права наций на самоопределение» к откровенному захвату территорий независимых государств, населенных другими народами. Вероломное и демонстративное отбрасывание Гитлером Мюнхенских соглашений поставило под удар основные мифы политики «умиротворения» — об ограниченности целей нацизма, о верности Гитлера взятым на себя обязательствам, о возможности сдержать нацистскую экспансию уступками за счет малых стран. «Мюнхен был преподнесен всему миру как новая эра замирения в Европе, как установление новых форм сотрудничества между конкурирующими «осями», — писал в Москву из Парижа полпред Я. З. Суриц. — Акт 15 марта нанес смертельный удар всем этим иллюзиям и по шепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене»⁴⁵. Стало ясно, что захватом Чехословакии расширение «жизненного пространства» Германии не ограничится. Вопрос состоял лишь в определении направления этой экспансии, и если раньше в западных столицах преобладала надежда направить ее на восток, то теперь и сам Запад почувствовал себя уязвимым.

Первоначальная реакция Великобритании и Франции на аннексию славянского государства ограничилась вялыми нотами протеста, а Чемберлен публично поддержал нацистскую версию «распада Чехословакии» — в отличие от Советского Союза, который отказался признать легитимность действий Германии и назвал их «произвольными, насильственными, агрессивными»⁴⁶. Но уже через несколько дней тот же Чемберлен задался вопросом: «Последнее ли это нападение на малое государство или же за ним последует новое? Не является ли это фактически шагом в направлении попытки добиться мирового господства?»⁴⁷

Министерство иностранных дел Великобритании и французский генеральный штаб в своих прогнозах склонялись к тому, что наиболее вероятным объектом следующего удара вермахта будет Польша, а затем он развернется в западном направлении. Это вело к определенному отрезвлению в Лондоне и Париже, где начали думать о создании барьеров на пути агрессора. Советские полпреды во Франции и Великобритании сообщали о резком изменении общественных настроений под влиянием захвата Чехословакии. 11 марта Англия объявила о гарантии независимости Польши, но не ее территориальной целостности. Тем самым допускалась возможность передачи Германии спорных польских территорий «мирным путем». Однако и эти гарантии, как хорошо понимали англичане, не могли быть обеспечены без участия СССР, значение которого в новой обстановке становилось все более важным. 21 марта британский посол в Москве У. Сидс от имени своего правительства предложил проект декларации четырех держав — Великобритании, Франции, СССР и Польши, предусматривавшей взаимные консультации в случае возникновения угрозы «независимости любого европейского государства»⁴⁸. В те же дни под угрозой прямого применения силы Берлин добился от Литвы возвращения Клайпеды (Мемель) — ранее немецкого города и порта, отданного Лигой Наций в 1924 г. Литве. Хотя Великобритания и Франция были среди подписавших Клайпедскую конвенцию, они не стали препятствовать этому новому антиверсальскому акту. Усилилось и давление Германии на Польшу с требованием передать ей Данцигский коридор и присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. В действительности Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу, захват которой выводил вермахт к границам СССР. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»⁴⁹.

Польша не уступала, но и не решалась присоединиться к проекту «декларации четырех», опасаясь ответных мер из Берлина. Советское правительство положительно отнеслось к предложению Великобритании, но не спешило давать согласие до прояснения позиции Польши и получения более ясных гарантий со стороны западных держав. После Мюнхена такая осторожность была вполне понятной. «Мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет великих держав среди малых государств, — сказал М. М. Литвинов британскому министру Р. Хадсону, посетившему Москву в конце марта. — После пятилетнего периода инициативы, всякого рода предложений с нашей стороны и безуспешных

усилий осуществления международного сотрудничества мы вправе занять выжидательную позицию...»⁵⁰

13 апреля Великобритания и Франция в ответ на захват Албании Италией заявили о своих гарантиях Греции и Румынии, а Франция присоединилась к британским гарантиям Польше. Однако эти обязательства носили расплывчатый характер. Попытки со стороны СССР прояснить их конкретное содержание не давали результата, и потому реакция в Москве на приглашение присоединиться к этим гарантиям была очень сдержанной. «Ведь речь, по существу, идет о том, — писал М. М. Литвинову Я. З. Суриц, — чтобы мы приняли на себя тяжелейшие обязательства и без всякой взаимности и гарантии. У нас нет никакой уверенности, что во время войны нас не предадут и не ударят нам в тыл». Нарком отвечал согласием: «Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания»⁵¹.

Западные гарантии Польше и другим странам не остановили Гитлера. 28 апреля — на следующий день после введения всеобщей мобилизации в Великобритании — он обвинил Великобританию и Францию в стремлении «окружить» Германию и объявил о разрыве англо-германского морского соглашения 1935 г. и германо-польского договора о ненападении 1934 г. К тому времени Гитлер уже утвердил план войны с Польшей под кодовым названием «Вайс». Был установлен срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г.⁵² Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Kershaw I.* Hitler, 1936–1945: Nemesis. London, 2000. P. 89.
- ² Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979. С. 89.
- ³ *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945. Т. 1. С. 384–386.
- ⁴ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 21. М., 1977. С. 398.
- ⁵ National Archives (Richmond, U. K.), Public Records Office (далее — PRO), CAB 23/94.
- ⁶ *Крал В.* План «Зет». М., 1978. С. 226.
- ⁷ PRO, CAB 23/95.
- ⁸ Foreign Relations of the United States. 1938. Washington, 1955. Vol. 1. P. 626.
- ⁹ PRO, CAB 27/646.
- ¹⁰ ДВП СССР. Т. 21. С. 498–499.
- ¹¹ Там же. С. 500.
- ¹² Там же. С. 501, 509.
- ¹³ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958. С. 116.
- ¹⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 148.
- ¹⁵ Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011. С. 124.
- ¹⁶ *Фест Й.* Гитлер. Биография / Пер. с нем.: в 3 т. Пермь, 1993. Т. 3. С. 112–113.
- ¹⁷ ДВП СССР. Т. 21. С. 516.
- ¹⁸ Там же. С. 520.
- ¹⁹ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937–1939. С. 312–315; Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. С. 240; История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. М., 1973–1982. Т. 2. М., 1973. С. 107–108.
- ²⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. М., 1998. С. 144–145.
- ²¹ *Chamberlain N.* The Struggle for Peace. London, 1939. P. 276.
- ²² ДВП СССР. Т. 21. С. 533–534.
- ²³ *Васильева Н. В.* Мюнхенский «Рубикон»: приглашение нацистской Германии к дальнейшей экспансии // Великая Победа / Под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. Т. 7. Испытание. М., 2011. С. 17–18.
- ²⁴ *Hoffman P.* The History of the German Resistance, 1933–1945. Montreal, 1996. P. 81–94.
- ²⁵ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 27–29.
- ²⁶ Там же. С. 548–549, 553.
- ²⁷ Там же. С. 29.
- ²⁸ *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 2005. С. 293.
- ²⁹ *Jones H.* Crucible of Power. A History of American Foreign Relations since 1897. Wilmington, 2001. P. 154.
- ³⁰ ДВП СССР. Т. 21. С. 550.
- ³¹ *Уткин А. И.* Россия над бездной (1918 — декабрь 1941 г.). Смоленск, 2000. С. 86.
- ³² Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 32–34.
- ³³ Там же. С. 37–39.
- ³⁴ Международный кризис 1939 г. в трактовках польских и российских историков / Под ред. М. М. Наринского и С. Дембовского. М., 2009. С. 119.

- ³⁵ Цит. по: *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007. С. 359.
- ³⁶ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 253–254.
- ³⁷ *Печатнов В. О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 160.
- ³⁸ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1. С. 291–293.
- ³⁹ *The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937–1940.* London, 1970. P. 261.
- ⁴⁰ Цит. по: *Неизвестный Гитлер.* М., 2006. С. 68.
- ⁴¹ *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 483.
- ⁴² URL: www.hrono.ru/sobyty/1900war/1939cseh.php.
- ⁴³ *Ширер У.* Указ. соч. С. 485.
- ⁴⁴ URL: www.hrono.ru/sobyty/1900war/1939cseh.php.
- ⁴⁵ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 274–280.
- ⁴⁶ Известия. 1939 г. 20 марта.
- ⁴⁷ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 1. С. 161.
- ⁴⁸ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 310.
- ⁴⁹ *Мировые войны XX века.* Кн. 4. М., 2005. С. 65.
- ⁵⁰ Там же. С. 318.
- ⁵¹ Там же. С. 370–371.
- ⁵² Завтра может быть уже поздно... // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.

Советско-германский договор о ненападении и англо-польский пакт о взаимопомощи. Изменение расстановки сил в Европе

Весной 1939 г. мир уже стоял на пороге новой мировой войны. Страны «оси» объединяли свои усилия: в мае был подписан германо-итальянский договор о дружбе и союзе («Стальной пакт»), шли переговоры о подключении к нему Японии. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, совершили в мае 1939 г. нападение на территорию дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии¹. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на западе, так и на востоке.

Период марта — августа 1939 г. — это время интенсивных маневров потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разоблачение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы (англо-польские переговоры); между Германией, Италией и Японией; Японией и Советским Союзом и т. д. СССР вначале более активно вел переговоры с Англией и Францией, затем с Германией. Их результаты во многом предопределили расстановку сил к началу Второй мировой войны.

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику, определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что обе группировки западных государств (под англо-французской и германской эгидой соответственно) стремились вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставив его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстративный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Меркалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским полпредом Я. З. Сурицем.

СССР был заинтересован в заключении политического и военного союза с демократическими странами Запада и весной 1939 г. вступил с ними в политические переговоры.

17 апреля нарком иностранных дел М. М. Литвинов от имени советского правительства предложил Великобритании и Франции заключить трехстороннее соглашение о военно-политическом союзе сроком на 5—10 лет, обязывающее стороны оказать друг другу в случае агрессии немедленную помощь, в том числе военную. Предусматривалось и «оказание помощи государствам, расположенным на границе с СССР от Балтийского до Черного моря». Конкретные формы и размеры этой помощи предлагалось определить в военной конвенции, которую планировалось подписать одновременно с политическим соглашением. Дабы исключить сепаратную сделку Лондона и Парижа с Берлином, советский проект включал в себя обязательство сторон после начала военных действий «не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»².

Ясное и четкое советское предложение поставило правительства западных держав в трудное положение: отказаться от него они не могли, но и соглашаться тоже не хотели. Отсюда тактика проволочек и оговорок в начавшихся переговорах, которые осложнялись тем, что их участники не собирались вместе, а вели их в основном через послов, причем англичане и французы занимались еще и предварительным согласованием своих позиций. Советские полпреды в Лондоне и Париже сообщали о лицемерии и нерешительности «мюнхенцев» Н. Чемберлена и Ж. Боннэ (министра иностранных дел Франции). «Я твердо уверен, — писал из Парижа Я. З. Суриц, — что, пока гром по-настоящему не грянет, здесь, в Париже никакой твердости не дождаться»³.

Уклончивая позиция Великобритании и Франции окончательно ослабила позиции Литвинова. На совещании у Сталина 21 апреля его односторонняя ориентация на сотрудничество с демократическими странами Запада была подвергнута острой критике, а 3 мая его место занял председатель СНК В. М. Молотов. На Западе эта замена трактовалась как предвестник серьезных перемен в советской политике. Но переговоры с Францией и Великобританией продолжались. Полученный от них в конце мая проект трехстороннего пакта изобилдовал двусмысленностями и многочисленными оговорками, в том числе по ключевым вопросам подписания военной конвенции и принятия решений об оказании военной помощи. СССР тем не менее согласился на продолжение переговоров, следующий раунд которых проходил в Москве с 15 июня по 2 августа.

Британскую сторону на них представляли посол в Москве У. Сидс и глава восточно-европейского отдела Форин-офиса У. Стрэнг, а французскую — посол Франции в Москве П. Наджиар, что говорило об отсутствии должного уважения к советской стороне, которую представлял нарком В. М. Молотов. С самого начала переговоры натолкнулись на два главных препятствия, которыми являлись вопросы о гарантиях и определении косвенной агрессии. Советский Союз согласился присоединиться к англо-французским гарантиям, предоставленным пяти европейским странам (Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции). Но, стремясь обезопасить себя на направлении вероятного удара вермахта, СССР настаивал на предоставлении совместных гарантий Латвии, Эстонии и Финляндии. Латвия и Эстония подписали к этому времени с Германией договоры о ненападении. Литва не имела общей границы с СССР и потому исключалась из этого списка. Советское определение косвенной агрессии было нацелено на отпор методам, широко использовавшимся Гитлером при аннексии новых территорий под флагом защиты немецких меньшинств, в данном случае проживавших в Прибалтике. Западные же партнеры ограничивали понятие косвенной агрессии случаем утраты государством своего независимого или нейтрального статуса вследствие угрозы применения силы, что не обеспечивало необходимых гарантий безопасности для нашей страны. Оценивая положение, создавшееся на московских переговорах, 17 июля Молотов писал советским полпредам в Лондоне и Париже: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров видно не будет. Тогда пусть пеняют на себя»⁴. В Кремле, вероятно, уже прикидывали возможные альтернативы.

Хотя Чемберлену очень не хотелось связывать себя военными обязательствами, в конце концов западные партнеры согласились с советским предложением об одновременном

подписании политической и военной конвенции. К этому их подтолкнуло сообщение 22 июля о начале советско-германских переговоров о торговле и кредитах, насторожившее перспективой сближения СССР и Германии, что позволило перейти к решающей стадии — военным переговорам трех сторон, которые проходили в Москве с 12 по 22 августа 1939 г. Как показали дальнейшие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Стороны подходили к переговорам по-разному. Советский Союз был представлен высшим военным руководством страны во главе с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Генеральный штаб под руководством маршала Б. М. Шапошникова разработал различные варианты совместных военных действий трех стран на случай германской агрессии. Предусматривались варианты нападения Германии на Францию и Великобританию, на Польшу и Румынию, а также на СССР через Прибалтику. Советский Союз был готов выставить против агрессора 136 дивизий, 5–5,5 тыс. самолетов, 5 тыс. орудий, 9–10 тыс. танков⁵.

Совсем иначе подходили к переговорам англичане. Сам факт, что в разгар кризиса, когда дорог был каждый день, они добирались до Москвы более двух недель (морем — по инициативе англичан), говорил о многом. Французскую делегацию возглавлял член Военного совета генерал Ж. Думенк, британскую — отставной адмирал Р. Дракс, который даже не имел письменного мандата на ведение переговоров и заключение соглашения. Инструкции предписывали Драксу вести переговоры «как можно медленнее». «Британское правительство, — говорилось в них, — не желает быть втянутым в какое-то бы ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиться как можно более общими формулировками»⁶. «Лондон, — отмечает российский историк Н. К. Капитонова, — рассчитывал на то, что затягивание (по крайней мере, до середины осени) переговоров, которые задумывались как сдерживающее Гитлера средство, не позволит Германии из-за распутицы развязать войну против Польши, а когда опасность пройдет, можно будет со спокойной совестью уклониться от принятия обязательств по оказанию военной помощи СССР»⁷. 8 августа Форин-офис информировал посольство США в Лондоне о том, что британская военная миссия получила указание «предпринять все усилия, чтобы тянуть с переговорами до 1 октября»⁸. Архивные документы впоследствии подтвердили, что англичане не планировали серьезных военных операций в Европе на 1939 г. Как выяснилось в ходе московских переговоров, в случае германского нападения на Францию они были готовы послать на континент лишь шесть дивизий.

Представители Франции, которая ощущала себя в гораздо большей опасности, чем Великобритания, были настроены более серьезно. Думенк получил указание «прийти к соглашению как можно скорее, не увязая в деталях»⁹. Но в качестве младшего западного партнера французы постоянно оглядывались на англичан. Сам Думенк не имел полномочий на подписание военной конвенции. Важным мотивом Великобритании и Франции к ведению переговоров с СССР было опасение, что при отсутствии надежд на соглашение с этими странами Советский Союз может пойти на сближение с Германией. Посол Франции в Москве П. Наджиар предупреждал, что провал московских переговоров может подтолкнуть советское руководство к соглашению с Гитлером¹⁰. И все же Чемберлен и Боннэ склонялись к тому, что СССР слишком зависит от западных демократий и не пойдет на это.

Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Его представители вели тайные сепаратные переговоры с Германией, слухи о которых просачивались в печать. Наиболее серьезными из них были переговоры ближайшего советника Чемберлена Г. Вильсона с эмиссаром Г. Геринга Г. Вольтатом, проходившие в Лондоне с 18 по 21 июля. Предложения Вильсона шли в развитие мюнхенской сделки и предусматривали широкую программу англо-германского сотрудничества в военно-политической и торгово-экономической сферах. Помимо заключения договора о ненападении предлагалось согласовать «сферы особых интересов» двух стран. В обмен

на отказ от посягательств со стороны Третьего рейха в Лондоне были готовы отказаться от гарантий Польше и Румынии, а также заставить Францию отказаться от договора о взаимопомощи с СССР и от поддержки стран Юго-Восточной Европы. Для обсуждения этих проблем Великобритания предлагала созвать новое совещание четырех держав — участниц Мюнхенской конференции. По существу, речь шла о втором, еще более масштабном Мюнхене. Эти переговоры, как сообщал из Лондона полпред И. М. Майский, свидетельствовали о стремлении британского правительства договориться с Германией в надежде на то, что она «оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку»¹¹. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения.

Московские переговоры «забуксовали» с первых же дней. Ключевым был вопрос о допуске Красной армии на территорию Польши и Румынии в случае нападения на эти страны. Между тем британские и французские военные хорошо понимали значение этого фактора. Генеральный штаб Великобритании в ответ на запрос Форин-офиса 16 августа подчеркивал: «Необходимо приложить все усилия, чтобы побудить Польшу и Румынию согласиться на использование русскими войсками их территории... Совершенно очевидно, что без немедленной и эффективной помощи со стороны России поляки смогут оказывать сопротивление германскому наступлению лишь в течение ограниченного времени... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны»¹². Однако эта рекомендация была проигнорирована.

Германские дипломаты тем временем усиленно протаптывали дорожку в Москву. 10 июля Германия предложила Советскому Союзу льготный кредит в размере 200 млн рейхсмарок для закупок немецкого промышленного оборудования. Вскоре в Берлине начались советско-германские переговоры о торговле и кредитах. В конце июля ответственный сотрудник МИД Германии К. Шнурре на встречах с советским поверенным в делах Г. А. Астаховым поднял вопрос о коренном улучшении политических отношений между двумя странами, которое можно было бы оформить и секретным протоколом. Астахов, следуя инструкциям из Москвы, ограничивался выслушиванием немецких предложений. 2 августа уже сам Риббентроп пригласил советского дипломата для серьезного разговора, заявив о готовности Берлина урегулировать противоречия «на протяжении всего пространства от Черного моря до Балтийского», в том числе посредством подписания секретного протокола¹³. На следующий день о том же заявил В. М. Молотову посол Германии в Москве Ф.-В. Шуленбург. Однако советская сторона не спешила вступать в переговоры, ограничиваясь обменом мнениями. Немецкий зондаж тем временем приобретал все более конкретный и масштабный характер. Как сообщал в Москву 8 августа Астахов, немецкая сторона высказывалась о своей незаинтересованности в отношении Прибалтики (кроме Литвы), Украины и Бессарабии, «чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае своей войны с Польшей»¹⁴.

Действительно, подготовка к операции «Вайс» шла уже полным ходом, и Гитлеру было крайне важно заручиться гарантией невмешательства СССР в предстоящую войну с Польшей. В Берлине хорошо понимали, что захват Польши вермахтом будет представлять большую угрозу безопасности СССР, на которую тот может отреагировать применением силы, даже если не достигнет соглашения с Францией и Великобританией о совместных действиях против Германии. Заключение же тройственного военно-политического соглашения в Москве вообще грозило поставить крест на дальнейшей германской экспансии в восточном направлении. В своем кругу Гитлер признавал, что в случае успеха московских военных переговоров ему придется отказаться от намеченного вторжения в Польшу¹⁵. Единственный же способ нейтрализовать Советский Союз (а заодно и окончательно сорвать московские переговоры) состоял в том, чтобы дать ему такие гарантии безопасности, включая территориальные приобретения, которые бы ослабляли советские опасения военного столкновения с Германией. Так или иначе, это было серьезное предложение, и 11 августа Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем

известить Берлин». На следующий день Молотов сообщил Астахову, что СССР интересуют немецкие предложения, но конкретный разговор о них «требует подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам»¹⁶. Астахов отвечал, что немцев «явно тревожат наши переговоры с англо-французскими военными, и они не шадят аргументов и посулов самого широкого порядка, чтобы эвентуальное военное соглашение предотвратить»¹⁷.

15 августа Ф.-В. Шуленбург передал В. М. Молотову заявление германского правительства о желании серьезно улучшить отношения между Германией и СССР. 17 августа в памятной записке это намерение приобрело форму официального предложения о готовности Германии заключить с СССР пакт о ненападении на срок 25 лет. Тогда же был сделан первый запрос на приезд И. Риббентропа для переговоров в Москву¹⁸. В. М. Молотов разъяснил Шуленбургу, что, прежде, чем начать переговоры об улучшении политических взаимоотношений, следует завершить переговоры о кредитно-торговом соглашении: «Это будет первым шагом, который надо сделать на пути улучшения взаимоотношений. Вторым шагом будет являться либо подтверждение договора 1926 г. (имеется в виду Берлинский договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией от 24 апреля 1926 г. — *Прим. авт.*) или заключение договора о ненападении плюс протокола по вопросам внешней политики, в которых заинтересованы договаривающиеся страны»¹⁹. Советское давление возымело действие — 19 августа соглашение о торговле и кредитах было подписано. В результате СССР получал доступ к масштабным закупкам германского промышленного оборудования, в том числе на оборонные нужды. В результате дальнейших инициатив приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией договора о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток, если возникнет война Германии с Польшей. Однако согласия на приезд в Москву Риббентропа пока дано не было.

Военные переговоры с англичанами и французами формально зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Но за этим скрывались глубокие взаимные подозрения, в том числе с советской стороны в отношении способности и готовности западных партнеров совместно выступить против нацистской Германии. Для СССР возникала серьезнейшая угроза — остаться один на один с самой тогда могущественной военной машиной Германии, к которой могли присоединиться и другие страны. В условиях военного конфликта с Японией, который в те же дни достиг наивысшего накала на реке Халхин-Гол, это означало бы войну на два фронта.

В Варшаву для переговоров с польским генштабом срочно отправился французский генерал Мюсс. Министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ телеграфировал французскому послу в Варшаве, что если поляки не согласятся принять помощь русских, то «на Польшу ляжет вся ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»²⁰. Но Мюсс не смог уговорить поляков, да и не слишком старался это сделать. Развязка приближалась. 21 августа в Москве было получено распоряжение французского правительства подписать военную конвенцию, о чем Думенк сообщил Ворошилову. Но в Варшаве и Лондоне хранили молчание. Позднее из британских источников стало известно, что 23 августа планировался прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах²¹. Тайну подготовки этих переговоров хранят британские архивы. Лишь 23 августа, когда уже было объявлено о предстоящем визите Риббентропа в Москву, Бек сообщил французам о том, что в случае нападения Германии на Польшу сотрудничество Польши с СССР «не исключается». Но было уже поздно...

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». 21 августа Гитлер отправил экстренное личное послание Сталину, в котором, ссылаясь на «нетерпимое напряжение» в отношениях с Польшей, предлагал срочно направить в Москву Риббентропа для заключения договора о ненападении и секретного протокола к нему. Таким образом, советское руководство должно было сделать окончательный выбор. С одной стороны —

перспектива продолжения бесплодных переговоров с Великобританией и Францией в условиях надвигающейся войны Германии с Польшей, угрозы фактической изоляции Советского Союза и войны на два фронта без союзников, с другой — возможность укрепить свою безопасность путем заключения соглашения с Германией. Сталин ответил согласием на приезд Риббентропа, сообщение о котором вызвало настоящую панику в западных столицах. Вместе с тем в Кремле не спешили ставить крест на московских военных переговорах, заявив о своей готовности к их продолжению. «Как опытный политик, Сталин играл одновременно на “двух досках” и вовсе не собирался связывать себя безальтернативными решениями, — отмечает российский исследователь А. Ю. Сидоров. — Не доверяя ни Гитлеру, ни западным державам, он должен был перестраховываться и всегда иметь наготове запасной вариант действий»²².

23 августа министр иностранных дел Германии прибыл в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (так называемый пакт Молотова — Риббентропа) был подписан обоими министрами. Основное содержание договора сводилось к следующему:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем во взаимном контакте для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Советско-германский договор о ненападении заключался сроком на десять лет. 11 февраля 1940 г. он был дополнен советско-германским торговым договором. Его содержание было стандартным и соответствовало другим договорам о ненападении, заключавшимся Советским Союзом, кроме статьи второй, которая позволяла СССР остаться в стороне от немецко-польской войны. Статья четвертая исключала продолжение тройственных переговоров в Москве и участие СССР в любой коалиции, направленной против Германии. Однако она шла вразрез с Антикоминтерновским пактом, тем более что сам договор о ненападении не был согласован с Японией и привел к кризису в германо-японских отношениях. К договору прилагался секретный протокол о «разграничении сфер обоюдных интересов» СССР и Германии, состоявший из трех пунктов. Наиболее важный, второй, пункт касался Польши. В нем говорилось, что «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана». Имелось в виду, что сфера действий германских войск не будет распространяться на восточную часть Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, населенную преимущественно украинцами и белорусами. В первом пункте аналогичная линия проводилась по северной границе Литвы, что фактически означало обязательство Германии не покушаться на северо-западных соседей СССР — Финляндию, Эстонию и Латвию (Литва, напомним, не имела тогда с СССР общей границы). Одновременно обе стороны признали законность интересов Литвы относительно оккупированной поляками в 1920 г. Виленской области с городом Вильно. Тем самым де-факто признавалась принадлежность этой территории Литве. Наконец, в третьем пункте констатировались интерес Советского Союза к Бессарабии и «полная незаинтересованность» Германии в этой области²³.

Все это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале или путем прямых аннексий, как в случае с Бессарабией, захваченной Румынией в 1918 г. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток.

Хотя секретные протоколы были принятой практикой того времени, морально-этическая сторона данного соглашения является весьма уязвимой. Впрочем, соотношение морали и политики — это отдельная и весьма сложная проблема, эталонных образцов решения которой пока просто не существует. К тому же в тот момент, когда на карту было поставлено само существование страны, верх взяли неумолимые геополитические и военно-стратегические императивы.

Геополитические преимущества этого соглашения были неоспоримы: Сталину удалось получить от Гитлера много больше, чем мог предложить ему демократический Запад. Хотя бы на время была ослаблена германская угроза. Заключение советско-германского договора о ненападении в нарушение Антикоминтерновского пакта заставило Японию отказаться от планов войны с СССР, что на время устранило угрозу войны на два фронта. На западных границах СССР возникали благоприятные условия для последующего воссоединения Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии с СССР, не говоря уже о Бессарабии.

Главный стратегический выигрыш состоял не столько во времени — предотвращении или отсрочке германского нападения на СССР (которое тогда еще не значилось в оперативных военных планах Гитлера), сколько в пространстве, позволившем, по словам Молотова, «отдалить германские войска» от прежних советских границ²⁴. Советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, теперь обеспечивало возможности для наращивания глубины обороны, необходимой для защиты страны.

Преимущественную направленность действий Сталина в 1939–1940 гг. в свете традиционных задач российской политики отмечают и современные западные историки. Так, известный американский ученый А. Рибер пишет, что за ними стояло стремление «вернуть утраченные территории (Российской) империи и восстановить более защищаемые этнические и стратегические границы»²⁵. К тому же появлялась надежда вообще отвести германскую агрессию на Запад, отплатив ему той же монетой за Мюнхен. Сталин рассчитывал на затяжную межимпериалистическую войну между Германией и западными странами, от которой Советскому Союзу удастся остаться в стороне. 7 сентября Сталин говорил Г. Димитрову о начавшейся войне капиталистических государств: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»²⁶. Сталин явно переоценил свободу маневра Советского Союза, но тогда было крайне трудно предвидеть дальнейшее развитие событий.

Идя на соглашение с Гитлером, советский лидер понимал, что верить ему нельзя. «Здесь ведется игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет, — говорил он членам Политбюро. — Гитлер хочет ввести нас в заблуждение, перехитрить, но... перехитрили его мы»²⁷. Через несколько дней после подписания договора о ненападении в СССР были приняты закон о введении всеобщей воинской повинности и решение о более чем двукратном увеличении количества стрелковых дивизий.

Подписание протокола оставалось в тайне, хотя слухи о нем распространялись. Западные страны больше всего волновали перспектива дальнейшего советско-германского сближения и советская линия в связи с продвижением вермахта в Польшу. Были в замешательстве зарубежные компартии, которые на протяжении многих лет считали главным врагом фашизм. Москва, со своей стороны, заявляла о своем нейтралитете в начавшейся войне и уклонялась от официального аннулирования советско-французского договора о взаимопомощи: в Кремле явно не спешили к окончательному разрыву с западными демократиями.

Подписание Договора о ненападении между СССР и Германией

И. В. Сталин и И. Риббентроп
после подписания Договора о ненападении

Советскому руководству предстояло определиться со сложным комплексом новых взаимосвязанных задач, включающих выстраивание дальнейших отношений с Германией, выработку линии поведения в Польше и Прибалтике, а также политики в отношении Великобритании и Франции. Главная задача состояла в том, чтобы реализовать геополитический потенциал соглашений с Германией с минимальными политическими издержками, не втягиваясь в европейскую войну и сохраняя свободу действий. Сотрудничество с Германией получило новое развитие, прежде всего в торгово-экономической сфере, где интересы двух стран дополняли друг друга: Германия остро нуждалась в сырье и продовольствии, а СССР — в германском промышленном оборудовании, включая поставки оборонного значения. В политическом плане Гитлер был заинтересован в более активном вовлечении Советского Союза в свою борьбу с Великобританией и Францией, как минимум в предотвращении нового советского сближения с ними.

Подробный разговор о том, как разворачивались события, — впереди, но уже сейчас, предвзято говоря, следует заметить, что с точки зрения целей избранной стратегии Сталину удалось довольно успешно решить главную задачу периода, открытого прорывом в советско-германских отношениях и выигрышем времени для подготовки к войне, что было достигнуто без полного разрыва отношений с демократиями Запада и при сохранении некоторой дистанции с Германией. Вместе с тем эта дистанция, как отмечает в своем недавнем исследовании академик А. О. Чубарьян, могла бы быть большей без ущерба для политики СССР. Крен советской пропаганды в сторону оправдания действий Германии, резкая переориентация Коминтерна на свертывание борьбы с фашизмом осенью — зимой 1939—1940 гг. ослабляли сопротивление агрессорам и позиции зарубежных коммунистических партий, а также дезориентировали советскую общественность²⁸.

Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. вызвал беспрецедентную по масштабам реакцию в мире и сегодня является предметом дискуссий среди знатоков истории. Но оставался и остается в тени другой важный документ того времени — Соглашение о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей, заключенное в Лондоне 25 августа 1939 г., с секретным (конфиденциальным) протоколом, подписанные послом Польской Республики в Лондоне графом Э. Рачиньским и министром иностранных дел Великобритании виконтом Галифаксом.

Главная в этом соглашении — статья I, в которой говорится: «Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю поддержку и помощь, которая в ее силах»²⁹.

Соглашению предшествовали английские гарантии безопасности Польши, которые были объявлены Н. Чемберленом 31 марта в палате общин, одобренные парламентариями. Гарантии были призваны воспрепятствовать очередному агрессивному акту Германии и укрепить пошатнувшийся после Мюнхена авторитет Великобритании в разрешении возникающих все более острых конфликтов в Европе. Много лет спустя британский военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт констатирует: «Гарантии Польше были весьма верным способом ускорить взрыв и начало мировой войны». Подчеркивая, что «выполнить свои гарантии Англия могла только с помощью России», он ставит вопрос и отвечает на него: «Почему польские правители приняли столь фатальное английское предложение? Частично это произошло потому, что у них было до абсурда преувеличенное представление о могуществе своих устаревших вооруженных сил (они хвастливо заявляли о некоем кавалеристском рейде на Берлин)»³⁰.

6 апреля 1939 г. последовало англо-польское коммюнике с информацией о предстоящем подписании соответствующего двустороннего соглашения с обязательством Польши выполнить «условия, изложенные во временных заверениях, сделанных Польше правительством его Величества». Помимо обычных протокольных подробностей подчеркивалось, что до подписания детального соглашения следует более четко определить «различные пути, когда такая помощь будет необходимой»³¹.

Несмотря на надвигающуюся угрозу нападения Германии на Польшу, подписание англо-польского соглашения задерживалось британской стороной. Первая из причин заключалась в том, чтобы, используя заявленные гарантии и начатые Англией и Францией переговоры с Советским Союзом, оказать давление на Германию. Вторая вызывалась необходимостью конкретно определить, когда и как будет оказана Польше военная помощь.

Британская дипломатия прибегла к уникальной трактовке условий своих гарантий помощи Польше при нападении Германии: гарантировалась независимость Польши, но не ее территориальная целостность. 1 апреля 1939 г., на следующий день после выступления Н. Чемберлена в палате общин, британская газета «Таймс» подтвердила эту формулу в редакционной статье³². То же самое повторяют и современные британские издания: «Хотя в тексте [соглашения] 25 августа говорится о британской защите независимости Польши, в нем дипломатически обойдена гарантия целостности ее территории»³³. Галифакс и его помощники, убеждая прибывших в Лондон поляков, что гарантии усиливают позицию Польши в конфликте с Германией из-за Данцига и «польского коридора», ставили своей целью добиться от Польши территориальных уступок Гитлеру. Немецкий историк Г. Нидхардт, рассматривая эти хитросплетения, делает вывод, что «британская политика была направлена на заключение нового четырехстороннего пакта с исключением из его состава СССР»³⁴. Английский автор С. Ньюмен указывает в этой связи на «сопричастность Великобритании к началу Второй мировой войны». Известный французский историк Ж. Дюразель, в свою очередь, отмечает, что политические деятели Франции, демонстрируя свою самостоятельность, на деле, как и англичане, «стремились достигнуть компромисса с Гитлером»³⁵. Следует заметить, что правительство Польши не могло согласиться на германский контроль над Данцигом и польской Померанией уже по чисто экономическим причинам. Основные магистрали польской морской торговли при таких условиях могли быть в любое время заблокированы немцами.

Комитет по внешней политике британского кабинета определил следующие условия вступления в действие британских гарантий: «1) если Польша будет оказывать сопротивление угрозе своей независимости; 2) если она не втянулась “в провокационное и тупое противостояние” особенно из-за Данцига». Чемберлен выразился более категорично: «Мы сами определим, какого рода действия угрожают польской независимости. Это поможет нам избежать вовлечения [в конфликт] из-за пограничного инцидента»³⁶.

Период с 6 апреля до 25 августа — это настоячивые, скрываемые от польской стороны попытки британской дипломатии достигнуть компромисса с Германией за счет территориальных уступок Польши, демонстрация готовности правительства Н. Чемберлена к сближению с Германией против России. Видимо, именно тогда, в ходе переговоров Х. Вильсона, ближайшего советника Н. Чемберлена, с германским послом в Лондоне Г. Дирксеном, была озвучена идея о приглашении для этой цели в Англию «нациста № 2» Г. Геринга и определена дата его прилета на Британские острова (23 августа 1939 г.). За Герингом послали самолет британских спецслужб, но визит был отменен ввиду подписания советско-германского договора о ненападении. В Лондоне вели крупную игру — на случай возникновения препятствий в германо-советских переговорах. Ее подробности до сих пор неизвестны.

На англо-польских переговорах тем временем прояснялись вопросы о том, когда и как правительство Великобритании будет выполнять свои гарантии. Длительное время Ю. Бек на эти вопросы не получал ответа. Н. Чемберлен, Х. Вильсон, английский посол в Германии Х. Гендерсон и в Польше А. Кеннард, папский унций Ф. Кортези, верховный комиссар Лиги Наций в Данциге К. Бурхардт оказывали сильнейшее давление на поляков, принуждая их, как это имело место с Чехословакией, передать «во имя сохранения мира» часть своей территории Гитлеру, требования которого возрастали и включали кроме Данцига и «польского коридора» возврат Верхней Силезии.

В мае 1939 г. в Варшаве состоялись англо-польские штабные переговоры, в результате которых Великобритания обязалась в случае, если военные и гражданские объекты в Польше подвергнутся бомбардировкам немецкой авиацией, нанести воздушный удар по немецким военным объектам; что же касается гражданских целей — то предварительно проконсульти-

роваться с Францией. Соглашение было подписано 1 июня 1939 г. Взаимные обязательства взяли на себя также Польша и Франция: Польша — оказывать Франции всемерную помощь в случае агрессии; Франция — начать боевые действия на сухопутном фронте немедленно и на 15-й день войны предпринять наступление основными силами. Соответствующий протокол был подписан только 4 сентября 1939 г. уже после начала войны.

Главный штаб польской армии обоснованно считал, что успех в войне с Германией может быть обеспечен только совместными усилиями Польши и западных союзников. В одном из польских документов начала 1939 г. эта стратегическая концепция характеризовалась так: «Доведение немедленного и автоматического выступления западных государств в момент начала военных действий и, таким образом, с самого начала превращение польско-германской войны в войну Германии с коалицией западных государств и Польши»³⁷.

Но поляки были жестоко обмануты (об этом — в начале следующей главы). Только в последние годы стало известно, что от договоренностей о бомбардировках Германии английские военачальники втайне от Польши тогда отказались, а французские штабы к разработке планов наступательных действий на Западном фронте не приступали. Отметим своеобразие обсуждения этих вопросов английской стороной. Когда видный консерватор Л. Эмери предложил министру авиации К. Вуду подвергнуть бомбардировке зажигательными бомбами лесные массивы Германии, Вуд ответил: «Что вы, это невозможно. Это же частная собственность. Вы еще попросите меня бомбить Рур»³⁸.

Пренебрегая интересами своего польского союзника, в Лондоне и Париже стремились выиграть время для укрепления собственных сил и вывести германские армии непосредственно к границам СССР, столкнуть их с Красной армией еще в 1939 г., что едва не произошло.

Историки, естественно, обращают внимание и на те малоизвестные статьи англо-польского секретного протокола к договору от 25 августа 1939 г., которые перечисляют страны и территории (Данциг, Бельгию, Голландию, Румынию, Литву, Латвию, Эстонию, Венгрию) как жизненно важные и относящиеся к сфере «политических интересов» договаривающихся сторон. Примечательно, что по свидетельству главных участников подготовки соглашения министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса и посла Польши в Лондоне Э. Рачиньского, «защита интересов» Латвии и Эстонии предоставлялась «в равных долях Польше и России»³⁹. В Лондоне и Варшаве очевидно поняли, что борьба с нацистской агрессией возможна только с участием великого соседа на Востоке и без ведома России включили ее в расчет своих сил. Поражение Польши и отсутствие документов оставляют без ответа вопрос о практическом осуществлении раздела сфер влияния, предусмотренного англо-польским соглашением.

Польские историки уделяют значительное внимание освещению событий, связанных с заключением англо-польского соглашения от 25 августа, и оценивают этот документ весьма критически: «В результате, — отмечает А. Прземовска, — была утрачена возможность создания общего восточного фронта против Германии. Вместо этого гарантии предоставлялись только государству, которому непосредственно угрожала агрессия. Но и они были лишены необходимого содержания как в политическом, так и в военном отношении»⁴⁰.

Известие о подписании англо-польского соглашения и одновременное письмо Муссолини о неготовности Италии к войне вызвали кратковременное замешательство в Берлине. Гитлер отменил приказ о начале войны с Польшей 26 августа, направленный в войска, которые уже заняли исходные позиции. Последовал каскад переписки и телеграфно-телефонных переговоров, преимущественно в треугольнике Лондон — Берлин — Варшава, но дальнейшее «сползание к войне» стало неизбежным.

Политика советского руководства в предвоенные годы была подчинена решению исключительно сложной двудеиной задачи: как максимум — избежать войны с гитлеровской Германией; как минимум — отсрочить нападение на возможно больший срок. Не все получилось, как было задумано, в главном — уберечь страну от нацистской агрессии — расчеты не оправдались. Вместе с тем, несмотря на все трудности и неудачи, с 1939 г. по первую половину 1941 г. включительно было сделано очень многое для достижения взаимопонимания между СССР и Западом, без чего будущая антигитлеровская коалиция была бы невозможна.

Со времен окончания Второй мировой войны советская политика предвоенного периода и особенно советско-германский Договор о ненападении подвергаются в литературе и официальной пропаганде США, Великобритании и некоторых других стран осуждению и фальсификации. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, была, как отмечалось в первом томе труда, возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключаются в обвинении России, в то время Советского Союза, в соучастии совместно с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны.

Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной думой⁴¹.

Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала России необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, в резолюции ОБСЕ отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются и даже оспариваются.

Одним из адвокатов резолюции ОБСЕ выступил румынский президент Т. Бэеску. 22 июня 2011 г., отвечая на вопрос телеведущего, отдал бы он 70 лет назад на месте фашистского диктатора Антонеску приказ румынским солдатам «перейти границу через Прут», сказал: «Да, поскольку у нас был союзник и нам следовало вернуть территорию» и назвал короля Михая I, который во многом помог Румынии выйти из войны, «слугой русских».

Выступления Бэеску вызвало неоднозначную реакцию в Румынии. МИД России был вынужден сделать официальное заявление, в котором говорилось, что «подобные высказывания, тем более сделанные в день 70-летия начала Великой Отечественной войны, в ходе которой наш народ потерял 27 миллионов жизней, невозможно объяснить ни текущими внутривнутриполитическими обстоятельствами, ни ссылками на провокационность вопросов журналистов».

Версия о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны впервые была озвучена в декларации Гитлера 22 июня 1941 г. для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов.

Но на Западе всегда была влиятельной школа ученых, сторонящихся официозных оценок, придерживающихся самостоятельного и объективного взгляда на события. Известный британский историк Д. Робертс аргументирует несостоятельность указанных версий: «Сталин был более чем далек от того, чтобы замышлять войну в 1939 г., и прежде всего опасался, что он и его режим окажутся главной жертвой в большом мировом конфликте. Именно поэтому он заключил пакт с Гитлером. Это не обеспечивало гарантий мира и безопасности, но давало наибольший шанс избежать вовлечения страны в надвигающуюся войну. Конечно, как и любой другой на его месте, Сталин рассчитывал, что если Британия и Франция объявят Германии войну, то это будет длительная война на истощение и Советский Союз получит время и пространство для укрепления своей обороны»⁴².

В 1939 г., к началу войны в Европе, конфигурация противоборствующих сил существенно изменилась. Германии и ее союзникам противостояли довольно крупные, но разрозненные силы только что созданной англо-франко-польской коалиции. СССР в результате договоренностей с Германией обезопасил страну от втягивания в войну, отвел японскую угрозу на Дальнем Востоке, но ослабил свое положение политического лидера в борьбе с фашизмом. Германия избежала войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции в войне с Польшей. Но Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили Германии войну.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.
- ² Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 386–387.
- ³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 25. Д. 5. Л. 7.
- ⁴ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 496.
- ⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 168–174, 221–224.
- ⁶ Documents on British Foreign Policy. Ser. 3. Vol. 6. London, 1953. P. 763–764.
- ⁷ Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. Документальные очерки / Сост. А. А. Ахтамзян. М., 2010. С. 185.
- ⁸ Foreign Relations of the United States. 1939. Vol. 1. Washington, 1956. P. 294.
- ⁹ Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. С. 226.
- ¹⁰ Documents diplomatiques francais (далее — DDF). Serie 1936–1939. Paris, 1975. Т. 17. P. 456.
- ¹¹ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 119.
- ¹² *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 71.
- ¹³ СССР — Германия. 1933–1941. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2009. С. 194–197.
- ¹⁴ Документы внешней политики (ДВП). 1939 год. Кн. 1. М., 1992. С. 585–587.
- ¹⁵ *Сиполс В.* Тайны дипломатические. С. 73.
- ¹⁶ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 184.
- ¹⁷ Там же. С. 185.
- ¹⁸ ДВП. 1939 год. Кн. 1. С. 606–607.
- ¹⁹ Там же. С. 609–610.
- ²⁰ DDF. Т. 18. P. 94, 95.
- ²¹ *Мосли Л.* Утраченное время. Как началась Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1972. С. 305–307.
- ²² *Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2006. С. 287.
- ²³ ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 632.
- ²⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. М. Чуева, 1991. С. 20.
- ²⁵ Russian Foreign Policy in the Twenty-First Century and the Shadow of the Past. Ed. by Robert Legvold. N. Y., 2007. P. 248.
- ²⁶ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 779, 780.
- ²⁷ *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1990. С. 357.
- ²⁸ *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008. С. 233–238.
- ²⁹ Год кризиса 1938–1939. Т. 2. С. 323.
- ³⁰ *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 26.
- ³¹ The British War Blue Book. London, 1939. P. 49.
- ³² Цит. по: *Clenciala A.* Poland in British and French Policy in 1939: Determination to Fight or Avoid the War? The Polish Review. Vol. 34. 1989. № 3.

- ³³ *Latawski P.* The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 903.
- ³⁴ Цит. по: Poland and the Coming of the Second World War. Ohio State University. P. 200.
- ³⁵ Ibid. P. 200, 201, 206.
- ³⁶ Ibid. P. 206.
- ³⁷ Polskie siły zbrojne w drugiej wojnie światowej. T. 1. Londyn, 1951. Cz. 1. S. 270.
- ³⁸ *Мосли Л.* Утраченное время. С. 373.
- ³⁹ *Raczynski E.* The British — Polish Alliance Its origins and meaning. L., 1948. P. 22.
- ⁴⁰ *Prasmowska A.* Britain, Poland and the Eastern Front, 1939. Cambridge, 2004. P. 57.
- ⁴¹ Российская газета. 2009. 8 июля.
- ⁴² *Roberts G.* Stalin's Wars. From World War to Cold War, 1939–1953. New Haven and London, 2006. P. 35.